

Мере

ВОСПИТАТЬ

ОХЛАМОНА

Намамуза Козлов

Annotation

Груня Пепел — странное имя для привлекательной девушки. Но неунывающий человек уже привык к ударам судьбы и воспринимает их так, как ее учили с раннего детства. «Нужно ждать чуда, Груня, и оно случится» — так твердила тетушка, воспитавшая ее. Но мудрая родственница не учла одного: чудо может появиться в самый неподходящий момент, когда его не ждут, может внести в привычные рутинные будни хаос и разнести в душе юной девушки весь порядок к чертовой матери. А еще у этого хаоса, или же чуда окажутся в наличие милая улыбка и скверный характер. Так справится ли юная Груня с чудом по имени Василий?

- [Натализа Кофф](#)
 - [Глава первая, в которой появится неунывающая Груня Пепел](#)
 - [Глава вторая, в которой активизируются защитники Груни](#)
 - [Глава третья, в которой Василий Павлович хмурится и нервничает](#)
 - [Глава четвертая, в которой у Василия Павловича проснется рыжеволосая совесть](#)
 - [Глава пятая, в которой Груня искренне удивится, но вида не подаст](#)
 - [Глава шестая, в которой Груня Пепел мило смутится, немного расстроится и растеряется](#)
 - [Глава седьмая, в которой Груня Пепел встанет перед непростым выбором](#)
 - [Глава восьмая, в которой Василий Павлович примерит на себя образ романтического тайно влюбленного рыцаря](#)
 - [Глава девятая, в которой появятся новые и старые знакомые](#)
 - [Глава десятая, в которой совершенно неромантичный Василий Павлович окончательно покорит нежную Груню Пепел](#)
 - [Глава одиннадцатая, в которой Василий Павлович начнет расходовать свои нервы](#)
 - [Глава двенадцатая, в которой Груня начнет привыкать к переменам](#)
 - [Глава тринадцатая, в которой на пути главных героев начнут появляться мелкие неприятности](#)
 - [Глава четырнадцатая, в которой мелкие неприятности перестанут](#)

омрачать жизнь главным героям

- Глава пятнадцатая, в которой Василий Павлович вспомнит о своем коронном реве раненого бизона, а Агриппина Ильинична прибегнет к запрещенным методам
 - Глава шестнадцатая, в которой Василий Павлович окунется в детство
 - Эпилог, в котором всё будет, как всегда, как у всех и как должно быть...
-

Натализа Кофф

Перевоспитать охламона

Глава первая, в которой появится неунывающая Груня Пепел

Дождь всегда нравился Груне. Еще с самого детства она любила пробежаться по лужам, оставляя брызги на загорелой коже. Когда одноклассницы-девчонки торопились спрятаться под козырек школы, Грунька прыгала под дождем, звонко смеясь. В деревне, где родилась и выросла девчонка, где каждый кустик был знаком и мил юному сердечку, все выглядело иначе. И лужи чище, и воздух после дождя свежее. А город.... Город Груню угнетал. Но даже здесь девчонка не отказывала себе в удовольствии пройтись под морозящим дождиком. Правда, под зонтиком и в высоких резиновых сапожках на каблучке и с разноцветными жирафами.

Из дома, где проживала бабушка и который на время учебы станет и ее домом, Грунька выбежала загодя. Собеседование назначено на три часа. Времени вагон, если учесть, что идти всего пару кварталов. И, по словам соседей, место спокойное, тихое, не абы какая забегаловка, а целый ресторан. К тому же, хозяин — милейший человек, по телефону пообещал гибкий график и возможность пропускать смены, если выпадут экзамены в институте, куда поступила Грунька сразу после окончания школы. Девчонка выбрала факультет журналистики, мечтая стать фотокорреспондентом, и печатать свои снимки в местной районной газете, а если и повезет — то в областном Вестнике.

Перепрыгивая через лужи с большими лопающимися пузырьками на поверхности от крупных капель дождя, Груня и не заметила, как оказалась напротив ресторана с красивым крылечком и резными перилами. Вывеска, тоже красивая и резная, над входом мягко и элегантно сообщала прохожим, что здание это является рестораном под названием «Барин», в котором у юной Груньки назначено собеседование с владельцем на должность официанта. А поскольку до оговоренного времени оставалось еще почти двадцать минут, девушка решила постоять и полюбоваться пестрыми листочками дерева, чудом выросшего прямо у входа.

Не удержавшись, Груня вынула фотоаппарат, на который долго копила, и принялась ловить убегающие кадры.

Щелк. И в памяти остался ярко-рыжий листок, упавший на прозрачную лужицу. Листочек Груне понравился, уж очень сильно он

напоминал цвет ее волос, собранных сейчас под мягкую вязаную шапку-чулок.

Щелк. И в кадр попал кот, сидящий на сухом пяточке крыльца. Кот поджимал лапы и глядел на падающие с неба капли. Забавная мордашка с огромными усами выражала полнейшее безразличие к человечеству и громаднейшее недовольство погодой.

Щелк. И в объектив попала широкая спина, загородившая ствол дерева, на ветке которой приютился мокрый воробей, по непонятным причинам не юркнувший в укрытие, где тепло и сухо.

Отодвинув камеру, Груня нахмурилась. Обходить широкую спину было рискованно. Воробей мог испугаться и улететь, и тогда кадрик будет окончательно упущен.

— Молодой человек! — громким шепотом, чтобы не вспугнуть птичку, — Извините, а вы не могли бы капельку сдвинуться с места?

Груня вежливо улыбалась, а головой, да и глазами, показывала, куда просит парня сдвинуться.

Хозяин спины, хмурясь и зажимая сигарету в зубах, обернулся.

— Чё? — кашлянул парень.

Под изумленный выдох Груни воробей, испугавшись громкого кашля парня, взлетел с ветки и скрылся в неизвестном направлении. Такой кадр! Вот ведь неудача!

— А нельзя было не кашлять так громко?! — возмутилась Груня, пряча камеру в чехол.

— А может, мне и дышать через раз? — возмутился незнакомец, выбрасывая окурок в ближайшую лужу.

Проследив взглядом, как окурок гаснет в воде, Груня нахмурилась.

— Вас в детстве манерам не учили? — цокнула языком девчонка, — Урны стоят как раз для мусора, а не для украшения.

— Слышь, пигалица, — возмутился парень, — Чего пристала? Иди куда шла.

— А вы сдвиньтесь, — бесстрашно расправила плечи Груня, — Заслоняете собой всю улицу. Не пройти, не проехать.

— Да больно надо, заслонять, — проворчал уже в спину удаляющейся Груне хамоватый незнакомец.

— Засранец, — фыркнула Груня, взбегаая по лестницам крылечка и не оглядываясь назад, — Заставить бы самого убирать, знал бы, как мусорить.

Груня скрылась за дверью ресторана, а молодой человек, до слуха которого четко донеслась последняя фраза девушки, смотрел ей вслед.

— И че это за инопланетное чудо? — проворчал под нос владелец

широкой спины, скверного характера, испорченного настроения и половины ресторана «Барин».

* * *

Стянув шапку с рыжих волос, стряхнув капли дождя с непромокаемой ветровки, девчонка смело шагнула к стойке, за которой разговаривал по телефону молодой человек с бейджем на груди.

Подойдя ближе и вежливо улыбнувшись, Груня принялась ждать, когда же парень завершит разговор.

— Добрый день, у вас заказан столик? — поинтересовался молодой человек, обратив на Груньку внимание.

— Нет, я по поводу работы, — улыбнулась девушка, — Я звонила. Мне сказали подойти к трем и спросить Павла Павловича.

— Ой, как хорошо, что ты вовремя! — обрадовался парень, — У нас тут настоящая эпидемия. Три официанта не вышли в смену! Простуда, мать ее дери!

— Вообще-то, меня еще не взяли, — скромно улыбнулась Груня, разматывая с шеи длинный ярко-зеленый шарф.

— Ты с Пал Палычем говорила? Говорила! — продолжал радоваться парень и одновременно тащить Груню за рукав куртки через зал в сторону неприметной двери, — А ну-ка улыбнись!

Груня послушно расплылась в улыбке. Уж больно смешной был этот парень по имени Владимир, если верить бейджу на его груди.

— Чудесная улыбка! Прямо как любит сам Пал Палыч! — радовался Владимир, — Старикан тебя увидит и сразу возьмет. Еще и мозги всему персоналу прочешет, чтобы ребенка обижать не смели.

— Да я и не ребенок, — пожала плечом Грунька. В ответ Владимир хмыкнул. Впихнул девчонку в открывшуюся дверь, а сам помчался обратно, на свой пост.

— Кхм... Добрый день! — несмело поздоровалась Груня, входя в незнакомую комнату.

За столом у противоположной от входа стены сидел седовласый, коротко стриженный мужчина. Очки, сдвинутые на нос, и пронзительный взгляд карих глаз замер на застывшей в дверях Груне.

— Входи, мил человек! — махнул рукой мужчина, чуть улыбнувшись.

А Груне вмиг захотелось юркнуть в рюкзак за камерой. Уж больно интересное было лицо у хозяина кабинета и, судя по всему, самого

ресторана.

— Я Агриппина, — представилась Груня, — мы беседовали по телефону по поводу работы.

— А восемнадцать тебе есть, ребенок? — строго поинтересовался мужчина, поднимаясь из-за стола.

— Да, летом еще исполнилось, — улыбнулась открыто девушка, — У меня и паспорт с собой. Могу показать.

— Покажешь, и документы все завтра к утру притащишь, — кивнул хозяин «Барина», — А теперь, пойдем покажу, что да как тут.

— Так вы меня берете? — радостно спросила Груня, — Прямо так, без стажировки?

— Некогда стажироваться, — отмахнулся мужчина, — Опыт работы есть?

— Да, есть немного, — закивала Груня, — Я каждое лето с шестнадцати подрабатывала. А теперь вот учусь. А здесь место хорошее. Центр. И от института близко. Я могу, если что, прямо с учебы прибегать.

Груня весело щебетала, а Пал Палыч смотрел на это рыжеволосое чудо и замечал, как радостно и легко становится на душе.

— Подожди, болтушка, — хохотнул Пал Палыч, — Освойся сначала. Здесь у нас людей тьма. А вечерами и по выходным столиков свободных нет, народ в очередь стоит у входа. Гляди, не радуйся сильно. Сама еще сбежать захочешь.

— Что Вы! — возразила Груня, уже успев спрятать шапку, шарф в рюкзак и свернуть куртку, — Я не пугливая.

— А вот это самое главное! — Пал Палыч по-отечески похлопал девчонку по спине, — А то у нас тут разный фрукт мелькает. Но я парням дам задание, за тобой в оба присматривать. Ох, и чует мое сердце, порадуешь ты меня. Ой, порадуешь!

Грунька только скромно улыбнулась, сверкая ямочками на розовых щеках

* * *

— Смотри, девочка, — говорил Пал Палыч, выходя из кабинета и прикрывая за Груней дверь, — В обиду себя не давай. Подвыпивших клиентов обслуживать будут парни. Вовчик, его ты уже видела, старший. Все вопросы к нему, скажешь, я велел тебе первое время подсобить. Вон там у нас Сеня, администратор смены.

Пал Палыч махнул рукой парню, возрастом чуть за тридцать, в черном пиджаке и светлой рубашке. Сеня сдержанно кивнул, а Груню удостоил строгим, оценивающим взглядом.

— Сноб он, но внимания на него не обращай, — мотнул головой хозяин «Барина», — Он у нас не любит официантов женского пола. Поэтому если что, не стесняйся, сразу ко мне под защиту.

— Я бойкая, — улыбнулась Груня, — справлюсь.

— Вот и отлично, — заулыбался Пал Палыч, — А теперь иди к Вовчику, пусть он тебя с народом познакомит, и сразу в смену вставай. Только сначала меню изучи. Что там, да как. У Вовчика спроси, что народ обычно берет. А еще обязательно слетай на кухню. Там Михалыч заведует. Непременно спроси блюдо дня. Его и толкай народу активно. Поняла?

— Конечно, Павел Павлович, — широко заулыбалась Груня, — А меню я на сайте изучила. У вас очень разнообразный стол. И сайт отличный, все понятно и ясно.

— Твоя правда, сайт хорош, — чинно закивал мужчина, — А вот и сам Михалыч чешет. Как говорить, на ловца и зверь бежит.

Пал Палыч схватил Груню за руку и потащил в сторону распашных дверей с круглыми окошками, где стоял мужчина в красной униформе, в высоком колпаке и в черном фартуке.

— Михалыч! Вот, глянь, какое у нас нынче чудо завелось! — весело сообщил хозяин ресторана.

— Так девчонка что ли? — заулыбался Михалыч.

— А то, — Пал Палыч, подтолкнув девочку ближе к грузному мужчине, скрестил руки на груди, — Если чутье меня не подводит, не девочка, а клад. Что скажешь?

— Палыч, — чинно закивал Михалыч, — Согласен. Если Сеня не сживет со свету. Я его знаю, он тот еще волчара.

Похлопав Груню по спине, отчего девчонка едва не подпрыгнула, уж больно увесистым был хлопок Михалыча, мужчина упер руки в бока и зычным голосом, навесь зал ресторана, гаркнул:

— Баранья корейка на сегодня! И никаких перепелов! Осетра тоже еще не подвезли!

Официанты, расставляющие посуду и салфетки по столикам, дружно закивали. Владимир, оказавшийся в зале, широко улыбнулся и подмигнул Груне. Михалыч, напоследок дернув девочку за упавшую на лицо рыжую кудряшку, удалился в свое царство кухонной утвари. Пал Палыч, смерив Груню оценивающим взглядом, нахмурился.

— Сень! Поди сюда, ирод! — крикнул мужчина.

Администратор подошел, хмуро кивнул Груне и застыл в ожидании указаний.

— Форму обеспечь, сегодня девочка как есть поработает, только фартук выдери, — командовал Пал Палыч, — А завтра чтобы все чин по чину.

— Так точно, Пал Палыч, — кивнул Сеня и исчез.

— Тебе бы и обувку сменить, — задумчиво посмотрел мужчина на резиновые сапожки с милыми жирафиками, — Нет, не спорю, милота, но жарковато бегать до кухни и по залу.

— А у меня с собой, — улыбнулась Груня, радуясь, что догадалась прихватить удобные балетки.

Пал Палыч махнул рукой Владимиру и передал новенькую девчонку в руки парню.

— Вот, следи, чтобы не обижали, — распорядился мужчина и, подмигнув Груне, скрылся в кабинете.

— Ну, я ж говорил! — шутливо толкнул парень Груню в бок, — Переодевайся. Я тебе фартук свой сменный дам. От Сени хрен снега зимой допросишься. И пойдем, покажу тебе тут все. С народом познакомлю.

Спустя десять минут Вовчик уже водил Груню по залу. Ресторан был еще закрыт для клиентов, но работа уже кипела.

— Мы сегодня позже обычного открылись. А так всегда в одиннадцать уже на ногах, — пояснял Владимир, — Вот тут у нас столовое железо. Здесь стекло. За баром есть еще посуда. Но там Саня главный, так что пока не подружитесь, не бери у него чистое. Голову может откусить. А вообще он парень нормальный.

Владимир говорил, рассказывал о самом ресторане, поведал даже пару смешных историй из жизни «Барина». В общем, новый коллега Груне очень понравился. Да и симпатичным был парень, веселым и улыбчивым.

— Ладно, у меня в VIP-ке банкет небольшой через час, — махнул головой парень на широкую лестницу, ведущую на второй этаж, — Ты пока тут покрутись. Меню почитай. С Саньком поболтай, а то он грустит там среди своих лимонов и чая. А я на кухню, и вернусь. Как начнется банкет, поможешь мне, подучишься немного. Сегодня давай так, обживешься слегка, я заказы сам смогу принимать, а ты только разносить будешь. Идет?

— Да, конечно, Вова, — улыбнулась Груня, радуясь новым знакомствам.

Владимир скрылся за распашными дверьми, а Груня, сложив ладошки за спиной, принялась изучать зал более подробно. С другими официантами Вовчик тоже успел ее познакомить. В принципе, ее появление

парни восприняли спокойно. Кто-то мягко улыбнулся, кто-то кивнул.

Направляясь к бару, Груня заметила, как за угловой столик, отгороженный от других ширмой, присел тот самый хамоватый незнакомец. Осмотревшись и поняв, что никто из официантов к нему не торопится, Груня решила проявить инициативу и подойти к первому клиенту.

— Здравствуйте, — вежливо поприветствовала девушка того самого засранца-мусорщика, — Мы еще закрыты для клиентов.

— Чё? — бровь незнакомца взметнулась вверх.

— Я говорю, что ресторан пока закрыт, — мило улыбнулась Груня, — Но вы можете дождаться открытия. И пока будете ждать, успеете подобрать окурочек, который бросили у входа.

— Ты кто такая? — уже две брови незнакомца поползли вверх.

Парень, хмурясь и игнорируя назойливую пигалицу, взглядом пробежался по залу, словно ища кого-то.

— Сеня! Сюда ползи! — скомандовал мужчина, а Груня чуть поморщилась от мужского крика, — Кто додумался взять неразумное дите на работу? Еще и бабу!

— Так дите или баба? — хмыкнула Груня.

Но мужчина не успел ничего ответить на фразу Груни, Сеня уже подоспел к месту разборок.

— Пал Палыч так решил, — хмурый взгляд администратора застыл на лице девушки, и Груни вмиг захотелось вжать голову в плечи, но девчонка только выпрямилась, словно струнка и вежливо улыбнулась.

— Совсем с катушек слетел, — пробормотал мужчина, садясь на диванчик, — Скучно ему, наверное. Ладно, Сеня, свободен. А ты, пигалица, принеси мне чего-нибудь от Михалыча. И пусть рассолу выдаст.

— Мне сказали, клиентов пока не обслуживать, — строго произнесла девушка.

Парень тяжело вздохнул, сжал пальцами переносицу, юркнул рукой в карман, вынул красный прямоугольник и протянул Груне.

— Вопросы есть? Вопросов нет, — пробормотал Василий Павлович Барычинский, ресторатор, — Вперед и с песней.

Груня пожала плечиком в белоснежной рубашке.

— И что? Это как-то меняет дело? — снисходительно произнесла девчонка.

Василий, в эту самую минуту, сжав зубами сигарету и успев прикурить ее, поперхнулся дымом и закашлялся.

— Эта пагубная привычка Вас убьет, Василий Павлович, —

заметила Груня, — Смею заметить, что Вы в зоне для некурящих посетителей. Вам нужно занять другую часть зала.

— Я охреневаю, — заметил Барычинский, — Ты с луны упала? Рассол, говорю, тащи и не вякай.

— Вы бы подбирали выражения, Василий Павлович, — строго произнесла Груня, — В общественном месте находитесь.

Укорив хама, Груня все же решила окончательно не конфликтовать с сыном хозяина и отправилась в царство Михалыча, не дожидаясь очередной грубости и не оглядываясь. И хорошо, что не оглянулась. Иначе Грунька заметила бы совершенно растерянный взгляд того самого невоспитанного хама.

Глава вторая, в которой активизируются защитники Груни

— Грунь, ты молодец, — улыбался Вовчик, подсчитывая чаевые, — Нет, правда, хвалю. Держи, приятный бонус. Скажу по секрету, для обычного будничного дня выручка у нас выше нормы. Скажи, как ты умудрилась слить всю корейку Михалыча? Обычно пара тройка порций остается.

— Секрет фирмы, — смеялась Груня, шутливо пихнув парня в бок.

Девчонка за весь вечер настолько устала, что валилась с ног. Но, поскольку завтра на занятия только к третьей паре, могла задержаться дольше на рабочем месте, пообщаться с сотрудниками, пообжиться, так сказать.

Ресторан ей очень понравился. Уютный, красиво оформлен. Меню на высоте, как и персонал. Первое мгновение, когда девчонка попала в зал, она капельку испугалась. Куда ни плюнь — одни мужики. А потом, привыкнув и оценив прелести мужского коллектива, Груня расслабилась. Нет, правда, никаких склок и сплетен, никакой промывки костей каждой посетительнице, что Груню жутко раздражало на прошлом рабочем месте. Тишь, да гладь. Все было просто замечательно, за исключением одного «но».

Это «но» было хамоватым, невоспитанным, отказывалось пересаживаться в зону для курящих посетителей, брызгало ядом и блистало ненормативной лексикой. И что самое главное, но больше всего раздражающее Груню: «но» было красавчиком.

Украдкой умудрившись рассмотреть парня, Пепел отметила глубокие карие глаза, ямочку на щеке, прямой нос и короткую стрижку. Сам парень отличался весьма внушительной фигурой, сильными руками и массивной шеей. Такой, что и не обхватишь сразу. А так хотелось обхватить и сжать, как следует. Но Груня оставила крамольнее мысли, которые, в случае их осуществления, могли привести к лишению свободы на пару-тройку лет.

Итак, прихватив чаевые, попрощавшись с сотрудниками до завтра, девчонка собралась выбежать из ресторана, но замерла на крыльце.

Город в свете огней казался сказочным. Дождь прекратился, но капли воды все еще стекали по крышам и по веткам деревьев, отбивая замысловатую дробь. И девочка вновь не удержалась и вынула камеру из

рюкзака.

Кадры выходили просто улетными. Перепрыгивая через лужи, выискивая обычные на первый взгляд, но с налетом некой таинственности, предметы через объектив фотоаппарата, Груня полностью погрузилась в свой мир и совсем не заметила, как за ней увязалась пара парней хулиганской наружности.

* * *

— Ох, что ж я маленьким не сдох, — в который раз пробормотал Бася, выкуривая очередную сигарету.

Любимый и не покидающий организм гастрит давал о себе знать после выпитого с вечера алкоголя. Голова гудеть перестала, и настроение, вроде бы, улучшилось. Однако одна пигалица, жутко раздражающая и выводившая из себя обычно уравновешенного Василия, не давала покоя.

Выйдя из ресторана и прихватив выручку, которую утром он собирался сдать в банк, Барин вновь прикурил сигарету. Как правило за рабочий день он скуривал на порядок больше. Но сегодня, либо гастрит донимал его больше обычного, либо рабочий день оказался короче. Нет, откровенно говоря, была еще одна причина, назойливая такая и рыжая. Эта самая причина, каждый раз, подходя к столику, чтобы сменить пепельницу, недовольно зыркала на него своими глазницами, отчего появлялось жуткое желание сожрать пачку вместе с сигаретами.

Размышляя о девчонке и о том, каким ветром ее занесло к ним в ресторан, Барычинский прошел мимо припаркованного на обочине Мерса, но, поддавшись чутью, не сел в машину, а прошел вдоль здания. Яркорыжие волосы и смешная шапка привлекли внимание парня мгновенно. Застегнув куртку, Бася пошел следом за девчонкой, которая ничего вокруг и не замечала. Двигаясь позади Груни на приличном расстоянии и неосознанно улыбаясь, при виде того, как девочка прыгает по лужам и щелкает своей камерой по сторонам, Барин заметил двух парней, пацаны совсем, но, судя по тому, как решительно они пошли за пигалицей, намерения у них были недвусмысленные.

На следующем перекрестке Груня перебежала дорогу на мигающий зеленый, а хулиганы остались, не успев перейти. Девочке повезло, движение на этом участке дороги было весьма интенсивным.

— Слышь, молодежь, прикурить не найдется? — любопытствовал Василий.

Шпана переглянулась, и один из парней вынул зажигалку. Василий, зажав сигарету зубами, склонился к протянутой руке. Прикурив, выдохнул горьковатый дымок и резко схватил пацана за шкуру.

— Тронете девчонку — ноги вырву, — Василий ощутимо сдавил шею мальчишки, и, дождавшись кивка, выпустил.

Пацаны убежали в обратную сторону, а Бася, перейдя дорогу, быстро нагнал Груню. Девчонка все также, будто блаженная, направо и налево щелкала камерой, но целенаправленно шла вперед. Оказавшись во дворе обычной пятиэтажки, Груня забежала в подъезд. А спустя пару минут, на третьем этаже загорелся свет.

Бася присел на лавку, покурил немного и вернулся к ресторану, где был припаркован его Мерс. Заведя двигатель, парень хмыкнул. Вот ведь неугомонное создание. Нет, пигалица не вписывается в их коллектив. Надо бы поговорить с батей. Пусть увольняет.

* * *

Две недели пронеслись незаметно для Груни. Новая работа приятно радовала чаевыми, персоналом и гибким графиком. С Пал Палычем они решили, что девчонка будет работать пять дней в неделю, с пяти вечера и до полуночи. Каждый день, возвращаясь домой с работы, Грунька засыпала прежде, чем голова оказывалась на подушке. Но Груня проваливалась в сон с улыбкой на губах и сбережениями в жестяной шкатулке. Грунька — амбициозный и полный надежд будущий журналист, копила на новую камеру. Уже профессиональную.

Отучившись и наспех перекусив пирожком, Груня помчалась на работу. День выдался солнечным, и все то же дерево у крыльца вновь привлекло внимание девчонки. Не удержавшись и сделав пару кадров, Груня торопливо вбежала в здание ресторана. Переодевшись и поздоровавшись с коллегами, девчонка приступила к работе. Столиков было уже полно, поскольку близилось время ужина. И Пепел ринулась в бой. Заказы сыпались один за другим, и Вовчик не успевал принимать их все, пришлось и в этот раз Груне работать в полную силу. Всю смену девчонка бегала от кухни и до столиков без перерыва. Но настроение не падало, а наоборот, казалось бы, рыжеволосая пигалица заряжала всех окружающих своим позитивом.

— Вы знаете, — весело щебетала Груня очередному клиенту, — А у нас чудный осетр нынче. И котлетки вышли просто восхитительные.

И клиент, даже самый привередливый, не мог устоять перед такой обворожительной и открытой улыбкой.

— Грушенька! — пробасил Михалыч, когда девчонка уже по привычке влетела на кухню с грязной посудой, собираясь забирать готовые блюда, — Сливай бараньи ребра. В меню нет. По новому рецепту, экспериментирую я.

— Оки-доки! — крикнула Груня и подмигнула.

А спустя час от приготовленных ребрышек у Михалыча остались одни воспоминания. Мужчина одобрительно кивал, а Вовчик подмигивал.

— Странный клиент просит стейк «Рибай» с кровью и окрошку, — в очередной раз, влетая на кухню, отчиталась Груня, — я его уговаривала на барашка, а он ни в какую!

Михалыч застыл и обернулся.

— Что за клиент, Грунька? — прищурился мужчина, — В зале кто?

— Вовчик в VIPe, Сеня на ресепшене с хостесом виснет, — без задних мыслей слила Груня начальство, — Сказал, этого чудака мне взять. Сашка в подсобку утопал. Денис там только.

— А Васька? — напряженно спросил Михалыч, подходя к дверям и заглядывая в зал через окошко.

— Василий Павлович? — переспросила девушка, — Нет, вышел куда-то. Ладно, я помчалась, хлебную корзину относить.

И прежде, чем Михалыч успел остановить пигалицу, она уже умчалась в зал с корзинками свежей выпечки.

— Сейчас я тебе покажу, стейк «Рибай» с кровью! — пробормотал мужчина, возвращаясь к своему столу и присматриваясь к кухонным тесакам.

А Грунька, порхая и улыбаясь клиентам, вновь вернулась к чудаковатому типу, не вызвавшему у нее симпатии. И не зря. К неприятному клиенту присоединился еще один. Мужчина, одетый в вязаный свитер, с превосходством и интересом рассматривал Груню.

— Глянь, Лёва, а это девка, — сально подмигнул гость Груне, — Зачетная пташка.

— С каких пор шлюшки Барина разносят тут хавчик? — поддержал тот, первый, что заказал стейк.

Груня задохнулась от негодования, и уже собралась высказать все, что думает об этой парочке, но вдруг сильная рука обхватила ее за талию и, словно нашкодившего котенка, переставила на метр от столика.

— В кабинет, живо! — тихо скомандовал Василий Павлович, не оглядываясь, послушалась ли пигалица его приказа.

Груня слушаться не собиралась, но пришлось, поскольку Вовчик, спустившись со второго этажа, перехватил девчонку и настойчиво отправил в сторону кабинета директора.

За спиной Груня четко слышала звук потасовки, грохот бьющегося стекла, а потом все стихло. Девчонка нервно расхаживала по ковру, собираясь вернуться в зал, если через минуту ничего не изменится. Но не успела. На пороге кабинета появился Василий Павлович, который хмуро глядел на девчонку, сжав рот в прямую линию.

— Какого хрена поперлась к мудакам, которых обычно обслуживает Вовчик? — рыкнул парень, глядя на Груню.

Пигалица, как обычно, расправив плечи, хотела возразить, возмутиться. Не успела. Взгляд упал на опущенную вдоль тела руку Василия, с которой тонкой струйкой на пол капала кровь.

— Это у Вас что? — прошептала Груня.

— Не важно! — рыкнул Барин, — Спрашиваю, какого х...хрена поперлась к столику?

— Ваша речь оставляет желать лучшего! — упрямо возразила Груня, — Слышал бы Пал Палыч, как его сын выражается!

— Пал Палыч тебя бы голыми руками пристукнул, если бы увидел рядом с разными мудилами! — парировал Василий, морщась.

— Сядьте! — скомандовала Груня, понимая, что поврежденную руку нужно осмотреть.

Глаза Васьки поползли на лоб.

— Охамела в ноль! — рычал он, — Уволю на хрен!

— Угу, а то и правда, — прищурилась Груня, — Живо на диван!

Опешив от тона, которым с ним мало кто рисковал изъясняться, Василий послушно плюхнулся на диванчик, оббитый черной кожей. А Груня, подлетев к шкафу со стеклянными дверцами, вынула пластиковый чемоданчик с красным крестом. Раскрыв его, извлекла спиртовые салфетки, перекись, и прочее, включая бинт.

Василий хмуро следил за действиями девчонки. Все внутри него клокотало от злости на нее, на Левчика и его братков, на официантов, что вовремя не перехватили пигалицу, и на самого себя.

Взглянув на руку, Бася поморщился. Порез был глубоким и длинным, но бывало и хуже. Если промыть и обработать, может и не нужно зашивать.

Потянувшись за флаконом с препаратом, Василий скривился. Но его руку мягко отвела в сторону ладошка пигалицы. Васька даже опешил от этого прикосновения, мягкого, словно перышко.

Груня, заправив выбившиеся из хвоста волосы за уши, склонилась над

его рукой. Вздохнула, постелила на свои колени, словно по волшебству, появившуюся в ее руках салфетку и устроила его ладонь поверх белоснежной ткани. Васька, как ни странно, не нашелся с замечанием. Но стоило девчонки плеснуть перекись на рану, как Барычинский начал буквально извергать все известные ему цветастые выражения.

На что, к удивлению парня, Груня только поджала губы, но смолчала.

— Вам бы употребить немного, для снятия боли, — заметила Груня, осторожно промакивая края раны салфеткой.

— Чтобы ты мне потом мозг окончательно сожрала? — стонал Бася, шипя и матерясь, — Ну уж нет. Потерплю.

— Тут глубоко, зашить бы, — Груня подняла на Васю взгляд, хлопая длинными ресницами, — Я смогу, Вы только спокойно посидите.

— Чё? — не понял Вася, списывая все происходящее на боль от пореза.

— Зашить нужно, глубокий порез, — пояснила Груня и потянулась к аптечке, — Там есть все, я видела. Вы сидите смирно.

— Оху... — начал Вася, но осекся, — Угу. Но бухнуть нужно.

— Я принесу! — спохватилась Груня и подскочила на ноги.

— Сиди уже, — выдохнул, морщась, парень, и дернул девчонку за талию обратно, усадив рядом с собой.

Пронзительно свистнув, Вася откинулся на спинку дивана. Тут же в дверях кабинета показалась испуганная моська Сашки-бармена.

— Водяры припри, — скомандовал Василий, приоткрывая глаза.

Спустя пару минут, на столике перед шефом появился запотевший графин с водкой, рюмка и мясная нарезка.

— А может, скорую? — предложил Сашка.

— Я рану промыла, кровь не идет, — улыбнулась Груня Сане, — Зашить смогу. Но врачу, конечно, показать можно.

— А может ты свалишь уже, гений, мля! — рыкнул Василий, и Сашка быстренько слинял из кабинета.

Груня методично обрабатывала рану, а Бася залпом осушил три полные рюмки водки. Закусил, и накатил еще одну.

Тепло разливалось по всему телу, и Василий Павлович, в крови которого теперь вместе с адреналином после драки гулял и алкоголь, крепко задумался над происходящим.

Девчонка сшивала ровные края раны, закусив губу от усердия, а Васька смотрел на ее лицо. Оказывается, у нее полноватые губы и чуть вздернутый носик. Аккуратный такой, с россыпью веснушек. И длинные ресницы, темно бронзовые. И глаза зеленые с серыми крапинками. А на

щеке появляется ямочка, когда девчонка улыбается. А улыбается она часто, всем и каждому.

Скрипнув зубами, Барычинский откинулся на диван и прикрыл глаза. Смертельно хотелось курить. Он даже свободную руку сжал в кулак от этого желания.

— Долго еще? — недовольно промычал Бася, — Курить хочу, пи... Сильно то есть.

— Вы уже большой мальчик, потЕрпите, — заметила Груня, не отрываясь от своего занятия, — А вообще, бросали бы Вы эту вредную привычку.

— Я курить начал раньше, чем ходить, — недовольно фыркнул парень, — Так что, не учи козла капусту жевать.

— Это Вы козел-то? — хмыкнула Груня, пуская в глаза задорный огонек.

— Не умничай, пигалица, — проворчал Бася, вздыхая.

Сквозь запах алкоголя, крови и медикаментов, до носа Василия донесся тонкий аромат женских духов. Не резкий, а такой, словно запах весны. Он даже глубже втянул воздух носом. Да, определенно, весна. А ведь осень на дворе, а тут весна.

Была бы рука свободной, Барычинский покрутил бы у виска, сообщая самому себе, что крыша уже отчалила от хозяина. А так пришлось сидеть и дышать запахом весны.

Когда Васька уже был готов придвинуться ближе и поинтересоваться, чем это пигалица духариться, как на пороге кабинета появился Барычинский-старший.

— О, так она тебя все-таки огрела? За дело хоть? Аль так раскрутиться успел? — весело поинтересовался отец, глядя хитрым прищуром на сына и Груню, сидящих на диване.

— Ха-ха, батя, — оскалился сын, — Пипец, как смешно. Доложили же уже, поэтому и явился в свой выходной.

— Стоит сейчас сказать, что я предупреждал на счет Лёвчика? — произнес Пал Палыч, подходя ближе, — Когда уже вопрос с ним решишь?

— Да на днях, — поморщился Барин-младший, — Все, пигалица, завязывай. Заживет, как на собаке.

— То козел, то собака, — пробормотала Груня, складывая медикаменты обратно, — И Вам бы, Василий Павлович, поберечься первое время, чтобы шов не разошелся.

Васька промолчал, хмуро глядя на отца. Руку свою поднял с колен девчонки и взглянул на ровную белоснежную повязку. С бантиком.

Веселым таким и аккуратным. Даже как-то смешно стало, сделала из него тут девицу с ранением. Нет, определенно, пусть бантик этот перевяжет.

Но высказать своего замечания Барычинский не успел. На его глазах Груня, поднявшись с дивана и спрятав чемоданчик обратно в шкаф, пошатнулась у самой двери, попыталась ухватиться рукой за стену, но не вышло. И девчонка с тихим протяжным выдохом осела на пол. А потом и упала спиной на ковер, прямо к ногам опешившего Баси.

— Какого ху...хера?! — взревел Василий, подрываясь с места.

Не обращая внимания на отца, Васька подхватил девчонку и уложил ее на диван.

Теперь настала очередь парня мотаться за аптечкой. Отыскав в ее недрах нашатырь, Барин поднес смоченную спиртом ватку к носу девчонки. Та поморщилась, приоткрыла глаза и тут же прикрыла их вновь.

— Ты крови испугалась? — потребовал ответа Бася.

— Нет, — мотнула головой девчонка, — Это так. Бывает иногда.

— С хера ли? — вырвалось у парня, — То есть, от чего?

— Да я с учебы, — лепетала девчонка, — Утром не успела позавтракать, проспала. А перед работой тоже не очень. А потом и забегалась, и вот...

— Ты голодная что ли? — опешил парень, — Ты, пигалица, совсем не в себе! Это же ресторан! Тут пожрать на каждом углу можно! Ты к Михалычу сколько раз за смену прилетала? Дите бестолковое, млин!

— Ну, если у вас все в порядке, то я вас покидаю, — спокойно заявил Пал Палыч, — А ты, Василий, девочку не ругай. А покорми, пока дышит. Не ровен час и опять отключится.

— Я ей так отключусь! — шипел Бася, пулей вылетая из кабинета, — Она у меня вмиг включится, пигалица бестолковая. Как по лужам с фотиком скакать — это она успевает. А пожрать — времени нет!

Василий скрылся из кабинета, ворча и плюясь ядом себе под нос. А когда вернулся с подносом и тарелками, отца уже и след простыл. А девчонка безмятежно спала, лежа на диване и кутаясь в его куртку.

— Слышь, пигалица, — помялся Бася около дивана, — Ты давай, не вырубайся. Поешь, потом и отключишься.

— Угу, — вздохнула Груня и села.

Бася, с изумлением во взгляде смотрел, как девчонка в полусонном состоянии послушно ест, пьет, а потом и плюхается на диван, вновь укрываясь его курткой до самой макушки. Но в этот раз парень решил девчонку не будить. Пусть поспит, а проснется, почешет домой. Ну, или он сам отвезет, а то свалится где-нибудь в потемках. Ищи ее потом.

Глава третья, в которой Василий Павлович хмурится и нервничает

Пигалица крепко спала, а Барин решил проверить, как парни закрывают смену и снять кассу. Прикрыв за собой дверь кабинета, Барычинский вынул пачку сигарет из кармана. Выпитый алкоголь давал о себе знать, да и рана неприятно дергала. Именно поэтому настроение Василия Павловича можно было расценить как отвратительное.

Оказавшись на кухне, парень поискал взглядом Михалыча. Шеф-повар проводил инспекцию оставшихся после рабочего дня продуктов.

— Ну, как, поела? — поинтересовался Михалыч.

Васька, молча, кивнул и поморщился, в который раз шля Лёвчику массу «наилучших» пожеланий.

— Я что сказать хотел-то, — мужчина хмуро приблизился к младшему хозяину заведения, — Не мое это дело, но я девчонке верю. Видно же, наивная и врать не приучена. Светлая девочка.

— Ты сейчас к чему, Михалыч? — не понял Бася.

— Девочка сказала, что к столику Лёвы ее отправил Сеня, — мужчина склонился еще ниже и серьезно взглянул в глаза пацана, — А мог бы и сам заказ принять. Хотя, что там принимать, он этот стейк постоянно берет. Чтобы ему пусто было! Или мог Дениса отправить, или даже Вовчика дернуть со второго этажа. Нет, он девочку послал. Сечешь?

Бася понял, что рука, заботливо обработанная и перебинтованная девчонкой, сжимается в кулак.

— Где он? — прищурился Василий.

— Счета подбивал в зале, — Михалыч, все еще хмурясь, вернулся к прерванному занятию.

Василий, сжав фильтр так и не прикурившей сигареты губами, двинулся в зал. Сеня-администратор сидел за угловым столиком и подбивал кассу, сверяя чеки с компьютером. Не проронив ни слова, Бася схватил парня за пиджак и выволок из зала на улицу через черный ход. Против хозяина Сеня казался мелким пацаном, да и не рискнул он перечить Барину.

— С хера девочку послал к Лёве? — потребовал ответа Василий.

— Я не слал, она сама! — оправдался Сеня, стараясь не паниковать, что сделать было очень и очень трудно, поскольку о вспыльчивом характере младшего хозяина знали все не понаслышке.

— Тогда ты, как админ — ноль, если не можешь уследить за своими официантами! — подвел итог Бася и коротко добавил, — Расчет скину утром.

Отряхнув руки, Бася скрылся в ресторане. Встретив Вовчика, хмуро произнес:

— Поздравляю с повышением!

Изумленный взгляд Владимира сверлил спину удаляющегося в директорский кабинет хозяина. Махнув рукой, Вовчик решил не заморачиваться. Хозяин — барин.

* * *

В кабинете на диванчике никого не было. Лежала только куртка Барычинского, а девчонки и след простыл. Первым делом Бася испугался, ну, мало ли куда понесло это неугомонное создание! А потом, наспех просмотрев камеры, и разобрав, что пигалица вполне уверенно покидает здание ресторана, Бася метнулся следом. Уже привычно, за прошедшие две недели, парень, следуя на некотором расстоянии за девчонкой, проводил ее до дома. И как только она скрылась за подъездными дверьми, закурил. И чего убежала? Подождала бы, он бы и отвез. Придумала, по ночам шорохаться.

Следующий день выдался суматошным. Васька, прямо сказать, задолбался. История с Левчиком вылезала боком. Говорил ведь батя, не связываться с ним. Так нет же, не послушался Васька. Но ничего, он обязательно разберется с нежеланным совладельцем клуба «БарIN». Васька редко там бывал, предпочитая снимать прибыль, а все дела возложить на директора и управляющего. Совладельцем стал Лева Караськов, просто потому, что на момент открытия клуба у Баси не хватало денег на раскрутку. А Лева денег дал с лихвой. А потом и принялся устанавливать свои законы в новом клубе, превращая приличное заведение в притон. Бася вовремя спохватился, компаньона турнул, и долг почти весь выплатил. Но официально Лева все еще числился совладельцем. Вот и трепал мозг и нервы Барычинскому, регулярно появляясь в ресторане, требуя один и тот же стейк.

Выкуривая очередную сигарету, Бася хмуро следил за работой официантов. Парни сновали туда-сюда, и на их фоне пигалица казалась ярким пятнышком. Сквозь прищур глаз, Васька смотрел, как пигалица беседует с клиентом. Мужик решил прикурить, но Груня вежливо ему о

чем-то говорила. А тот, мотнув головой, недовольно сморщился. Васька поймал взгляд мужика на себе. Как и недовольный взгляд пигалицы.

Решительно расправив плечи, в своей обычной манере, Груня двинулась к столику, за которым сидел Бася. Сидел и никого не трогал, предпочитая, чтобы и его не трогали. Уж больно поганое настроение было с утра.

— Прошу прощения, Василий Павлович, — вежливо произнесла пигалица, — Но, думаю, вам все-таки следует отправиться в зону для курящих. Клиент отказывается пересесть, ссылаясь на Вас.

— Че? Футболишь меня в моем же ресторане? Я тебе пацан что ли? По столикам бегать? — переспросил Василий, хмуро глядя на возвышающуюся над ним пигалицу.

— Василий Павлович, не волнуйтесь Вы так, — уговаривала Груня, — Там замечательные столики. Со всеми удобствами.

— Приплыли, млин, — пробормотал Василий, — Ты мне рассказываешь, какие там столы удобные? Ничего не путаешь, пигалица?

— Василий Павлович, — вздохнула Груня, бросив взгляд на наручные часики на широко ремешке, — а давайте я Вам принесу корейку от Михалыча? Правда, очень удалась! Нежная, сочная! Принесу за пятый столик, а потом и перекурите там же. Идет?

Бася отклонился, поймал взгляд того самого мужичка.

— И его пересади, — потребовал Бася, сгребая со стола пачку сигарет, телефон и чистую пепельницу, — Дожился, млять! Какая-то пигалица указывает, где мне сидеть в моем же ресторане!

Спустя час настроение Баси не улучшилось, несмотря на съеденную стряпню Михалыча и выпитые чашки кофе. Мелькающая по залу копна рыжих волос жутко бесила. Зато Вовчик, судя по всему, радовался.

Парень, одетый в строгий пиджак, весело вешал лапшу девчонке на уши. А та хихикала, прикрывая рот ладонью. Васька вспомнил, как эта самая ладонь порхала по его порезу на руке, сшивая края раны. И где только научилась? Любая другая грохнулась бы в обморок, а эта ничего, обработала рану и повязку наложила.

Так, стоп, в обморок-то она вчера все-таки упала. Правда, от голода. Вот и сейчас, небось, ни ела ничего. На пожрать времени нет, зато языком почесать с мужиками — запросто!

Махнув рукой, Бася подозвал пигалицу к себе. Девчонка подошла, собрала пустую посуду, сменила пепельницу, и вежливо улыбнулась.

— Ты ела? — в лоб спросил Бася.

— Да, конечно, — кивнула пигалица, — Мы с Владимиром еще час

назад успели пообедать.

— Какие вы шустрые, — не удержался от сарказма Барычинский, — Свободна.

Груня поджала губы и умчалась на кухню. А Бася так и сидел, хмуро сверля взглядом мелькающую по залу ресторана рыжеволосую девчонку. Нет, хорошо, что сегодня получится расслабиться, потусоваться в клубе, посидеть в сауне, отвлечься от всего этого бедлама.

* * *

До назначенного времени, когда Василий собирался чинно отчалить из ресторана, чтобы провести его весело и с пользой, провожая Геру Черепанова в семейную жизнь, часы тянулись до жути медленно. Пятый столик, несмотря на удобные диваны и отличный вид из окна, совершенно не радовал. Еще и, ко всему прочему, у Васьки закончились сигареты. Решил не утруждаться, хозяин он, или хрен с морковкой? И махнув рукой, подозвал пигалицу к себе. Вежливая улыбка на милых губах заставила Ваську нахмуриться еще больше. Была бы его воля, он бы запретил ей улыбаться в его ресторане. Так нет же, горячо любимый родитель категорически отказывался уволить девчонку.

— Принеси мне сигарет из бара, — скомандовал Барычинский, — Саня знает какие.

Вздернув курносый нос, девчонка расправила плечи и поплыла в сторону бара. Васька, проследив за хрупкой фигуркой, хмыкнул, и собрался было допить уже остывший кофе, но не успел. Холодный горький напиток встал поперек горла, отказываясь проваливаться. Глаза у Василия расширились от вида прямоугольной плитки от известного производителя сладостей. Да только Васька совсем не шоколадку велел притащить.

— Это что? — прокашлял Бася.

— Это гораздо полезнее сигарет, — спокойно улыбнулась Груня, глядя на парня бесстрашными зелеными глазами.

— Я херею с такой малины! — рявкнул Барычинский, — Уволю, на хрен!

— Во-первых, — тихо произнесла девчонка, — Не вы мой наниматель. Во-вторых, в зале присутствуют дети, так что попрошу подбирать выражения.

— Да ты... да я... да какого черта?! — взревел Васька, подскакивая на ноги, — Ты кто вообще такая? Твое дело: принеси, подай! Нехрен из себя

доктора строить! Велел тащить сигареты, значит, тащи и не вякай! Пигалица желторотая! То, мля, пересядь, то не кури! Ты б лучше за собой следила, детский сад, штаны на лямках!

В пылу гнева Барычинский вплотную подошел к Груне. Но девчонка не испугалась, только глаза прикрыла, словно пережидала ураган. А Васька, раззадоренный отсутствием страха с ее стороны, орал все громче и уже не старался подбирать выражения. Барычинский кричал на девчонку, сверля ее макушку гневным взглядом, до тех пор, пока к ним не подлетел Вовчик.

— Вась, ты чего разошелся? — примирительно заговорил Владимир, — Грунь, беги, чего встала? Иди, я все улажу.

— Защитник хренов! — рявкнул Василий, переводя взгляд на парня.

— Вась, ты с чего завелся, народ вон перепугал, — спокойно говорил Вова.

— Ты видал, чего она мне притащила? — уже тише, но с не меньшей злостью, — Я сигареты просил.

— Ну, принесла, — примирительно говорил Вовчик, — Так она как лучше хотела. Ты за два часа уже недельную норму выкурил.

Васька хмуро взглянул на администратора.

— У нее характер такой, заботится обо всех, — втолковывал Владимир.

— Да мне ее забота никуда не упиралась! — Василий сгреб со стола телефон, ключи от машины, прихватил куртку и широким шагом направился в кабинет директора.

Нет, эта пигалица достала, до печенок, а может глубже!

Широко шагая через длинный коридор, ведущий в кабинет, Васька все еще крыл матом всех кругом. Его бесило все. То, что вместо сигарет он получил плитку шоколада. То, что пигалица не испугалась, а спокойно выслушала его оскорбления. То, что за нее вступился Вовчик. А также то, что на душе стало еще поганее после вспышки необъяснимого гнева. Но сквозь бубнеж и ворчание, Барин отчетливо разобрал тихие всхлипы, доносившиеся из-за двери, ведущей на техэтаж. Васька так и не дошел до кабинета, в который направлялся, а свернул за эту самую дверь.

Груня сидела на бетонных ступеньках, обхватив колени, затянутые в темно-бордовый форменный фартук, всхлипывала и стирала слезы уголком бумажной салфетки.

Барычинский много раз видел, как плачут женщины. Ну, плачут, значит, хотят порыдать. Кто бы что ни говорил, а женские слезы его не особо трогали. И парень не очень понимал, как шмыгающие носы и

красные заплаканные глаза могут заставить нормального здорового мужика плясать под бабскую дудку.

Оказывается, могут.

Василий Павлович шагнул ближе, аккуратно прикрыв за собой двери.

— Слушай, пигалица.... — начал он, но осекся.

Девчонка резко вскинула голову, отвела ладошки от лица. Громко шмыгнула носом, утерла влажные щеки, а потом вдруг прищурилась.

— Вы, Василий Павлович, беспринципный, безалаберный, невоспитанный, хулиганистый грубиян и задира, страдающий от вечного похмелья, косноязычия, вредных привычек и с полным отсутствием понятий об элементарных правилах приличия!

Речь Груни была четкой, а голос, казалось бы, звенел от не до конца пролитых слез, но был тверд и решителен, как и взгляд зеленых глаз.

— И к Вашему сведению, Василий Павлович, — девчонка уже поднялась на ноги и с высоты своего среднего роста отважно смотрела на мужчину, который был вдвое тяжелее и на голову выше ее, — У меня есть имя. И оно не «Пигалица»!

Груня из подсобного помещения вылетала разгневанной фурией, громко хлопнув дверью, не заботясь о том, что подумают о ней сотрудники ресторана. Было откровенно плевать. Уволит? Ну и ладно!

Бася смотрел на закрытую перед его носом дверь.

— Оху...хереть, — выдохнул он, проводя рукой по волосам.

Выйдя из подсобки, Барычинский решил не идти в кабинет, а прогуляться по свежему воздуху. Оказавшись на улице, Васька все еще молчал, находясь в некоем подобие ступора. Не случилось еще с ним такого. Никто не ставил его на место, наверное, лет пятнадцать. С тех самых пор, как директор школы грозил ему отчислением. У Барычинского в голове никак не укладывалась информация. Мелкая такая девчонка, а накричала на него, еще и дверью хлопнула. А что сделал он? Вместо того, чтобы уволить, слинял, словно провинившийся подросток. Во, делааа!

Глава четвертая, в которой у Василия Павловича проснется рыжеволосая совесть

Прощание друга детства, Геры Черепанова, с холостяцкой жизнью прошло отлично. Все, как полагается, сауна, бар, и много алкоголя. Жаль, правда, не было жарких цыпочек. А все почему? Потому что мальчишник нельзя отмечать в компании мужиков, до одури любящих своих жен.

Именно об этом думал Васька, медленно бредущий по улицам ночного города. Вернее, уже просыпающегося после дождливой ночи. Спрятав руки в карманы куртки, Бася бесцельно вышагивал по брусчатке, переступая через лужи.

А Черепанову повезло, он сейчас в заботливых руках любимой женщины, которая совсем скоро, ну примерно через полгода, а то и чуть больше, родит ему ребенка. Нет, Герыч все же счастливчик.

Почему именно Барычинский потребовал у таксиста притормозить и высадить его в центре города, парень и сам не понял. Просто решил погулять. Почти весь хмель уже вышел, но ноги все еще немного подкашивались и хотелось спать. Но Васька упрямо топал вперед, не поддаваясь на провокацию подвыпившего организма.

Взгляд зацепился за вывеску ларька с яркими неоновыми буквами «Цветы 24 часа». Васька даже остановился, рассматривая стеклянную витрину. Хмыкнув, парень вошел внутрь. Сонный продавец хмуро взглянул на странного клиента.

— Слышь, парень, а вот таких у тебя сколько? — спросил Барычинский, ткнув пальцем в высокие темно-бордовые розы.

— А сколько нужно? — сонно уточнил паренек.

— Полсотни будет? — прищурился Васька.

— Вам на панихиду? Может гвоздики подойдут? Обычно их берут по такому случаю.

— Чё? — мозг Василия соображал туго, — Запихай гвоздики себе... Мне для девушки. Извиниться хочу.

— Вы сказали пятьдесят штук, я и подумал, что... — оправдывался паренек.

— Короче, пятьдесят вот этих, а сверху еще белых, штук пятнадцать, — хмуро решил Васька, вынимая бумажник из кармана

джинсов.

Пара крупных купюр легко легли на стол ночного работника ларька, а Бася, зевнув, кивнул на улицу.

— Перекурю, а ты пошевеливайся, — скомандовал парень.

Спустя десять минут и две выкуренные сигареты, Василий Павлович покидал ларек, отмахнувшись от сдачи. Мужчина целенаправленно тащил охапку роз в один, отдельно взятый, и совершенно случайно расположенный за углом дом.

Усевшись на лавке, Бася флегматично наблюдал за дворником, убирающим мусор на детской площадке. Часы показывали восемь утра. Васька перебирал в уме фразы, которые он мог бы сказать девчонке. От обычного «прости» до грозного «Не возьмешь веник — уволю!». Но подниматься в квартиру он не спешил.

На помощь Барычинскому, совершенно неожиданно, пришел мелкий паренек лет двенадцати, выбежавший из подъезда с рюкзаком за плечами.

— Эй, парень, иди сюда! — перехватил Васька мальчишку.

— У меня денег нет! — опасливо произнес паренек.

— О, так это же отлично! — обрадовался Васька, поднимаясь с лавки, — Вот, держи тебе на леденцы от кашля! И будь другом, отнеси букет на третий этаж.

Минуту мальчишка переводил взгляд с огромного букета, который он с трудом смог бы поднять, на странного незнакомца, внушавшего страх. Но мальчик по имени Димка вот уже почти год копил на новый велик. А тут деньги халявные. И почему бы не помочь мужику?

— Только платите вперед! — потребовал парень.

— У вас тут все такие борзые проживают? — хмыкнул Васька, улыбаясь, — Вот. Столько же дам, когда доставишь до места букет.

— Я мигом! — пообещал мальчик Дима, — Кому нести? Там две квартиры на третьем. Баба Надя и полковник. Вам куда?

— Точно не полковнику, — пробормотал Васька, — А девушка такая, рыжеволосая, Груня Пепел, где живет?

— А она у бабы Надя, — улыбнулся паренек, — Ну, я побежал? А то мне в школу нужно, и ехать еще далеко. Две пересадки.

— Ну, давай, двигай, — разрешил Василий и помог парнишке перехватить массивный букет.

По закону жанра, да и вообще, по всем понятиям, Барычинский должен был бы развернуться и уйти, или дожждаться, пока вернется малец, отдать обещанное вознаграждение, и тихонько свалить домой, отсыпаться. Так нет же. Василий решил подняться следом за парнишкой.

Зачем? Да он и сам не знал. Просто захотелось.

Стоя на некотором расстоянии и, словно нашкодивший подросток, прячась и подглядывая, Васька понял, что мысли все разбежались. Вот взяли и закончились. А всему виной пигалица. Девчонка со смешными косичками, в зеленой кофте с какими-то мышами, в смешных мохнатых тапках, в просторных брючках в сердечки. И эта девчонка смотрела широко распахнутыми глазенками на мальчика и на букет, смешно моргала, сонно и мило, и пыталась пацана вопросами. «Ты точно ничего не напутал? А кто передал? А как выглядел? А во что одет? Стой тут, я в окно гляну! Нет, ну, что же ты стоишь! Тебе в школу пора!». Сотня вопросов в минуту и все строгим голосом. Малец опустил голову и, молча, слушал строгий выговор в исполнении пигалицы. А потом Груня, отпустив парня, с трудом схватила цветы. Постояла, поулыбалась над ними и захлопнула дверь, отсекая квартиру от незамеченных ею зрителей. Вернее, зрителя, который все еще находился под впечатлением нежной, немного смущенной улыбки.

— Дядь, а, дядь! — громким шепотом позвал малец, остановившись в метре от прятавшегося Барычинского, — Цветы я отдал.

— Держи! — хмыкнул Васька и сунул мальчишке свернутую купюру.

Парень убежал, а Васька спустился следом. Оказавшись на улице, осмотрелся по сторонам, увидел припаркованную машину такси и, договорившись с водителем, поехал домой. Но если бы Бася, выйдя из подъезда, поднял бы голову вверх, то он увидел бы рыжеволосую девчонку, буквально прилипшую к оконному стеклу третьего этажа.

* * *

Завтрак вновь не удался, вернее, Груня опять проспала, благополучно его пропустив. И она бы опоздала и на дополнительное занятие, если бы не соседский мальчишка Димка, который буквально разбудил ее, заставив окончательно выпутаться из сказочных снов.

И причина Димкиного прихода была милой. Нет, правда, милой. Глядя на огромный букет роз, который и в ведро-то не влез, девушка глупо улыбалась. Столько цветов ей еще не дарили. Нет, кактус там в горшке. Или тюльпаны на Восьмое марта, это да. А вот чтобы так шикарно, к тому же еще и розы. Нет, не было.

Поставив цветы в воду, Груня не удержалась и сделала, наверное, сотню снимков. А потом помчалась на занятие сломя голову. Да что там мчалась, Груня летела. И после учебы, так же, перепрыгивая через лужи,

побежала на работу. Сегодня Груня заступила на смену раньше обычного. Что именно двигало этим поступком — она и сама не знала. Просто хотелось как можно быстрее оказаться в ресторане.

Смена прошла тихо и спокойно, никаких происшествий, никаких язвительных фраз и уже привычного «Пигалица!». Ничего.

И сколько бы Груня себя не уговаривала, девушка поняла одно: она до жути хотела взглянуть в карие глаза, нахальные и невоспитанные, младшего хозяина ресторана. Но его не было. Василий Павлович на работу в этот день не явился.

Возвращаясь домой после смены, Груня шла, пряча руки в карманы куртки. Погода изменилась в лучшую сторону. А вот настроение Груни наоборот, ухудшилось.

Еще больше Грунька печалилась от мысли, что днем она уезжает из города денька на три, не меньше. Пару дней назад позвонила тетушка, и по голосу Груня поняла, что та простудилась. Вот Грунька и решила навестить родную кровинушку, отпросившись у куратора и у Пал Палыча. Билет на поезд, уже купленный, аккуратно сложенный, ждал своего часа в кошельке. Оставалось только побросать вещи в рюкзак. И уехать, попрощавшись, пусть всего на три дня, с городом, который Груньку иногда душил, не позволяя сделать глубокого вдоха всей грудью. За все то время, что девушка жила в городе у бабушки, она никогда не искала причины задержаться даже на час в шумном мегаполисе. Но не сегодня. Почему-то сейчас все изменилось.

Квартира бабушки встретила Пепел тишиной и уютом. Бабушка уже спала, оставив дверь в свою комнату приоткрытой. И Грунька тихонько прокралась в свою спальню. Прихватив полотенце и пижаму, девушка отправилась в душ. А потом, так и не включая нигде света, скользнула в постель. Накрывшись до самого подбородка одеялом, Груня смотрела на ведро, полное изумительных роз. Нет, что ни говори, а Василий Павлович смог ее удивить.

Утром, проснувшись, как ни странно рано, Груня под строгим взглядом бабушки позавтракала, и побежала к соседям. У них сегодня намечено торжественное событие. Елена Соколова, с которой они знакомы с самого детства, выходила замуж. И по старой, так сказать, дружбе, она упростила Груню сделать несколько снимков ее и жениха.

Груня отказать не смогла. Но поскольку билет на поезд уже грел карман, а тетушка у себя в деревне пекла пироги и ждала студентку-племянницу, девчонка предупредила, что сможет задержаться только до часу дня. А поскольку регистрация была назначена на половину третьего,

то Груня договорилась поработать с камерой только в доме и на улице.

Вооружившись фотоаппаратом, неунывающей улыбкой и отличным настроением, Грунька приступила к работе. Ленка Соколова на фотографиях получалась шикарной, нежной и изящной принцессой. Груня отсняла, наверное тысячу фотографий, радостно и с одобрением посматривая на дисплей, и перелистывая кадрики.

А потом приехал картеж жениха во главе с Герасимом Черепановым — счастливым женихом. Наведя объектив на парня, Груня на миг застыла.

Человек, чьего присутствия она абсолютно не ожидала, хмуро смотрел на нее. Грунька четко разобрала, как пару раз Барычинский пытался подойти к ней ближе. Но девчонка вновь принималась щелкать кадры один за другим. А Василий Павлович только недовольно хмурился.

Ровно в оговоренное время Грунька исчезла, на прощание помахав Елене. Сбегав за рюкзаком домой, Пепел спрятала в него камеру и отправилась на железнодорожный вокзал. И уже сидя в поезде, который скоростной стрелой уносил ее все дальше из города, Грунька пролистывала отснятые кадры, увеличивая их, а не понравившиеся — удаляя. Пока не наткнулась на одну картинку, заставившую ее замереть на месте. Василий Павлович. Он смотрел куда-то в сторону, слегка склонив голову набок. Выглядел он при этом по-мальчишески милым. Настолько непохожим на того, обычного Василия, к которому Груня уже привыкла за время работы, что сердце невольно пустилось вскачь.

Глава пятая, в которой Груня искренне удивится, но вида не подаст

Появившись в ресторане на утро после свадьбы друга, Барычинский не стал заходить в зал, а напрямик направился в кабинет директора. Подписав пару бумаг, о которых просил отец, Барин бросил взгляд на часы.

Уже три. Скоро прибежит пигалица, с которой ему не удалось поговорить на вчерашней свадьбе. Девчонка как сквозь землю провалилась, так же неожиданно, как и появилась во дворе полковника Соколова, из квартиры которого друга Черепанова во главе с Василием выкупали невесту — Елену-Прекрасную.

Вчера, как только машина оказалась в уже знакомом дворе, Баська сразу понял, что тот самый полковник — сосед Груни по лестничной клетке и дядька Елены — одно и то же лицо. А значит, был шанс встретить пигалицу. И встретил ведь. Да только девчонка не обратила на него, Ваську, ровным счетом никакого внимания. Только и знала, что прыгала вокруг народа со своей камерой и неугомонным позитивом. Ее улыбка, впрочем, как и всегда, настолько заряжала всех положительными эмоциями, что Баська стискивал зубы каждый раз, когда на пигалицу кто-то излишне пялился, подмигивал ей, норовил взглянуть на дисплей камеры, типа, посмотреть получившуюся фотку. Василий и сам не понимал, что вообще вокруг происходит. Но объяснения получить хотел, хотел подойти и в лоб спросить, а какого, собственно, лешего, она скачет здесь, а не на рабочем месте? Но не выходило. А потом, когда Васька буквально отвернулся на минутку, чтобы утрясти вопрос с машинами для подружек невесты, как Груня и вовсе бесследно исчезла в неизвестном направлении.

И теперь вот, на следующий день после свадьбы и удачного торжества, на котором, на минуточку, Василий вообще не выпил ни грамма алкоголя, он за каким-то лядом притащился на работу. С самого ранья. Как дурак. Притащился, переделал все важные дела и сидит тихонько за прежним столиком, почти каждую минуту поглядывая то на часы, то на двери, из-за которых вот-вот должна была появиться пигалица.

Но время шло, Василий скурил пачку сигарет, уже и пообедал. А потом, плюнув на все, подозвал к себе Вовчика.

— Пигалица где? Почему не вышла? — хмуро спросил Василий, прикуривая сигарету и щелкнув зажигалкой.

— Пал Палыч отпустил, — спокойно ответил администратор.

— С хера ли? — вырвалось у Барычинского, а сам парень, выпуская дым изо рта, смотрел на Вовчика цепким взглядом.

— Не в курсе, — пожал плечом Вовчик, — Мне не доложились. Рангом не вышел.

Васька не стал отвечать, а только встал с дивана. По счастливой случайности, именно в этот момент, в ресторан решил подкатить и старший владелец. Павел Павлович вошел в зал, кивая постоянным клиентам. С кем-то здоровался за руку, кого-то хлопал по плечу. А потом скрылся в коридоре, в направлении своего кабинета.

Когда Бася решительным шагом, можно сказать, ворвался в кабинет отца, родитель чинно восседал в своем кресле и читал кулинарный журнал, перелистывая глянцевые страницы.

— Ты только глянь, — заметил отец, не взглянув на сына, но прекрасно зная, кто именно вошел в кабинет, — Лобстеры нынче в моде. А мне так наши раки ближе. Что думаешь?

— Бать, ты девчонку куда отпустил? — не стал юлить сын, единственный родитель знал отпрыска, как никто другой, и поэтому Васька не видел смысла вести беседы вокруг да около.

— Какую? — хитро прищурился Барычинский, не поднимая головы и не отвлекаясь от чтения.

— А у нас тут много девчонок? — Васька уже начинал кипеть.

— Алефтина, Марь Дмитриевна и Катенька еще, — перечислил Пал Палыч весь малочисленный женский коллектив, — Все трудятся на благо ресторана под крылом Михалыча.

— Вот только не нужно из меня дурачка делать! — взревел Василий.

— Ты, Василий, обороты сбавь! — рявкнул отец, стукнув кулаком по столу, одаривая сына тяжелым взглядом, — Я тебе не пацан сопливый!

Василий выдохнул, чуть прикрыл глаза рукой, потер переносицу, успокаиваясь.

— Извини, пап, — хмуро изрек Барин, — Чет нервы шалят.

— Подсадила, гляжу, тебя пигалица твоя, — задумчиво проговорил Пал Палыч, внимательным взглядом изучая напряженное лицо сына, и прежде, чем он успел что-то возразить, добавил, — К тетке уехала. В деревню. Через два дня обещала быть.

— В какую деревню? — переспросил Барычинский, присаживаясь на диван.

— Не сказала, — ответил отец, — А ты, Васька, слушай, что скажу. Не для обид девочка, не для игр. Хочешь бабу, сам знаешь, где искать. А за нее

я тебя выпорю, не посмотрю, что лет под тридцать и сын единственный. Понял?

Васька долго смотрел на отца, будто вникал в смысл сказанных им слов. А потом, молча, вынул сигареты из кармана, и собрался было прикурить.

— И завязывал бы уже, — хмуро заметил Пал Палыч, — Во, держи. Скушай лучше ферментов счастья.

Барычинский-старший вынул из верхнего ящика стола шоколадку и бросил ею в сына. Васька, словив летящую в него плитку, покорно спрятал пачку обратно в карман. А с шоколадкой выпил чаю в компании с отцом.

* * *

Поезд, на котором возвращалась Груня от тетушки, казалось бы, полз. Грунька так сильно хотела оказаться в городе, как можно скорее, что и не обращала внимания ни на кого вокруг. Дорога от вокзала до дома тоже показалась длиною в вечность. И только в своей комнате, куда девчонка буквально влетела, Грунька застыла, стараясь перевести дыхание.

Розы были на прежнем месте. Бабушка исправно меняла воду и подрезала стебельки, чтобы дольше простояли и не увяли. Легко пробежавшись кончиками пальцев по уже распустившимся бутонам, Груня улыбнулась. И выдохнула. Как же, оказывается, приятно, вернуться домой.

Учеба пронеслась, словно одно мгновение. И Груня, гораздо раньше обычного оговоренного с Пал Палычем времени, уже бежала в ресторан. Словно маленький, рыжий и широко улыбающийся ураганчик, девчонка ворвалась в «Барин», приветствуя коллег радостными улыбками, взмахами ладошки и кивками.

Быстренько переодевшись, Груня помчалась на кухню. Михалыч уже колдовал в своем царстве, а увидев рыжую девчонку, заулыбался. Отложив нож, которым шеф-повар мелко нарезал украшения для очередного шедевра, мужчина приблизился к Груне.

— Ох, и скучали мы по тебе, Грушенька! — удивил девочку Михалыч, да так, что она мило засмушалась, — Но ты не расслабляйся, девочка! Вот, носи начальству. Ждет, оголодало там совсем.

— Куда нести? — все еще улыбалась Грунька, хватая круглый поднос с уже выставленными на нем двумя тарелками, хлебной корзиной и приборами.

На тарелке ароматное мясо и изумительные на вид овощи

напомнили Груньке, что она с утра, как обычно, ничего и не ела. Пообещав себе и своему организму, что поест сразу же, как только отнесет обед Барычинским, девчонка торопливо отправилась в указанный Михалычем кабинет. Что показалось девчонке странным, ведь обычно начальство предпочитало обедать и ужинать в зале.

Оказавшись перед директорским кабинетом, Груня постучала в дверь костяшками пальцев. Но, так и не дождаввшись разрешения войти, отворила дверь. В кабинете было тихо. И в первое мгновение Груня решила, что Михалыч ошибся, и обед нужно все же нести в зал. Но, шагнув глубже, вдруг увидела лежащего на диване мужчину.

Василий Павлович мирно сопел во сне, спрятав ладони под мышки. От этого движения футболка на руках мужчины натянулась, обрисовывая рельеф мышц. А при каждом вдохе грудная клетка поднималась, привлекая внимание девушки. И Груни подумалось, что Василий Павлович обладает очень и очень шикарной фигурой.

Вздыхнув и отбросив все ненужные в эту минуту мысли, Грунька смело шагнула в кабинет. Тихо подошла к столику, осторожно, чтобы не разбудить мужчину, расставила тарелки, разложила приборы, и собралась уже так же тихо и незаметно покинуть кабинет, как вдруг сонный голос заставил ее замереть на месте.

— Ты обедала?

Голос звучал тихо, хриловато со сна, и совсем не так, каким его запомнила Груня. Словно этот Василий Павлович был другим человеком.

— Нет, пока не успела. Но я как раз собиралась, пока народу немного.

Василий сел на диване, потер лицо ладонями, будто сгоняя остатки сна. Бросил взгляд на наручные часы. Потер грудную клетку, словно прогоняя дурной сон. И легко поднялся на ноги.

Груня уже мелкими шажочками прокралась к приоткрытой двери. Но Васька, хмурясь, опередил ее. Захлопнул дверь перед носом девчонки, и, ухватившись горячими ладонями за плечи, развернул ее лицом к столу.

— Не выйдешь, пока не поешь, — сказал, как отрезал.

— Но Пал Палыч... — начала возражать Груня.

— На слете рестораторов твой Пал Палыч, — ответил Василий, подтолкнул девчонку к столу и сам сел напротив.

Грунька минуту колебалась, вздыхая и переводя взгляд с аппетитной и изумительно благоухающей тарелки на хозяина ресторана.

— Так и будешь стоять и ждать, пока остынет? — хмыкнул Василий, приступая к своей порции.

Девчонка вздохнула еще раз. Нет, ведь и вправду может не выпустить.

А ей еще работать смену. Все-таки придется обедать здесь.

Послушно усевшись на стул, Груня аккуратно взяла приборы в ловкие пальчики. Мясо не только на вид, но и на вкус оказалось изумительным. Впрочем, как и всегда у Михалыча. И Грунька не заметила, как съела все, до последнего кусочка. Послушно выпила стакан сока, который Василий Павлович налил и поставил перед ней, быстренько собрала грязную посуду на поднос и уже встала из-за стола, как короткая фраза заставила ее вновь плюхнуться на стул.

— Выпьешь со мной чаю? Или кофе, — как-то очень тихо спросил Василий Павлович и добавил, — С шоколадкой.

Груня изумленно подняла брови вверх.

— С шоколадкой? — переспросила девчонка, — А может быть, перекурим лучше. Второй раз вам извиняться не придется.

А дальше Груня не просто была удивлена, а сражена наповал. Потому что по кабинету разнесся раскатистый глубокий мужской смех. Лицо Василия Павловича растеряло всю хмурость и морщинки вокруг красиво очерченного рта, а глаза искрились смехом и весельем. И Груня поняла, что тоже тихо посмеивается, любуясь лучиками морщинок-смешинок вокруг глаз парня. Интересно, подумалось Груне, а сколько ему лет? Сейчас, когда он улыбался, задорно глядя на нее, Груня поняла, что Барину около тридцати. А не к сорока, как она изначально думала. Просто вечно хмурое выражение лица значительно прибавляло ему возраст.

И еще девчонка поняла, хотя, признаться честно, это она поняла уже давно, что Василий — очень красивый мужчина. Очень.

— Беги, пигалица, — разрешил Барычинский, — И возвращайся на чай. Не помрет никто без тебя в зале.

— Василий Павлович, у меня имя есть, — напомнила Груня, обернувшись в дверях.

— Я помню, — ответил Василий, провожая девчонку взглядом.

Парень сидел, сыто откинувшись в директорском кресле на спинку и переплетя пальцы, устроив ладони на животе. Все внимание карих глаз мужчины было устремлено на застывшую фигурку девчонки. На искреннее удивление в ее глазах от того, насколько ласково прозвучала фраза, сказанная бархатисто-хрипловатым голосом. На милые ямочки на чуть порозовевших щечках.

Кивнув, пигалица скрылась за дверью кабинета, а Васька заулыбался, словно сытый кот, и причиной был не только вкусный обед.

* * *

Чаепитие прошло так же, как и обед. Барин спокойно отпивал душистый напиток из огромной кружки. А Груня, из чашки поменьше, наслаждалась липовым чаем, который Михалыч специально приготовил для них по секретному рецепту. Между молодыми людьми на столе лежала развернутая плитка шоколада, разломанная на дольки. Добрую половину уже приговорил Бася, а Груня медленно пережевывала второй кусочек. Тишину кабинета не хотелось нарушать. И Груня только едва заметно улыбалась, задумчиво глядя в окно. А Васька тем более молчал. А о чем говорить? Звать на свидание? Так пошлет же, изысканно и интеллигентно. А тем для бесед общих пока не было.

Выпив чашку до дна, Груня посмотрела на Барычинского, на его кружку, и вновь в карие глаза.

— Торопишься? Я отнесу сам, беги.

Груня кивнула, оставляя чашку в покое. И быстренько, пока не передумала, исчезла из кабинета. А Васька еще долго сидел в кресле, задумчиво глядя в то самое окно, куда смотрела пигалица. Смотрел и думал, как же быть ему дальше-то?

* * *

После сытного обеда и горячего чая курить хотелось просто зверски, да так, что уши скручивались в трубочку. Взяв пачку и зажигалку, Васька вышел к черному входу, как был, в одной футболке. Выкурив сигарету, Барин зябко поежился. Снег мелкими снежинками уже ложился на сырую землю. А ведь вчера еще светило осеннее солнце.

Баська усмехнулся. И с каких пор он начал замечать, как светит солнце, и как падает снег? Нет, определенно, твориться что-то странное с ним.

Решив, что неплохо проветрить мозги, пока не натворил глупостей, Барычинский, не спеша, обошел здание и зашел с парадного входа. Медленно двигаясь по залу, Васька присел на свое обычное место, не за пятый столик в зону для курящих посетителей, а туда, откуда просматривался весь зал.

Рыжеволосая пигалица уже сновала по залу, вежливо общаясь с клиентами, улыбаясь им своими ямочками и, как казалось Ваське,

игнорируя его самого. Но он старался не нервничать по этому поводу. Сильно старался. Только выходило плохо.

— Чего сударь желает? — подскочил к нему Вовчик, хитро щуря глазенки, — Аль кого?

— Смойся, — беззлобно проворчал Васька, — Кофе тащи, все равно не отвянешь.

Админ послушно испарился, а спустя минуту, к столу Барина подплыла Груня с чашкой кофе в руках. Улыбнулась, сверкая ямочками, поставила чашку перед ним.

— Приятного, — скромно пожелала девчонка и отошла от столика.

Васька, как ни пытался, скрыть улыбку не смог. Уж больно рад он был сегодня. И сам не понял толком, отчего. Но считал это неважным. Ему хорошо и спокойно на душе, а остальное — по боку.

Грунька отошла от его столика на пару шагов, и тут же была перехвачена клиентами. Тройка молодых парней обосновалась на уютных диванах, и ожидала заказанных ранее блюд.

— Слышь, малышка! — четко разобрал Бася и мотнул головой в сторону соседнего столика. Уж больно не понравился ему голос пацана, — Кальян неси!

— Прощу прощения, — вежливо произнесла Груня, — Но кальяны у нас не подают. К тому же, эта зона для некурящих посетителей. Для вашего удобства в нашем заведении оборудованы курилки.

— Я бы тебя простил разок-другой в той самой курилке, — пробормотал второй товарищ.

Парень говорил довольно тихо, но Груня расслышала его слова. Как и Васька, реакция которого не заставила себя долго ждать.

Стремительно дернувшись из-за стола, Барин приложил того самого любителя курилок головой о стол. Из его носа двумя струйками хлынула кровь, заставив хозяина носа истошно взвыть.

— Рот закрыл! — прошипел Василий, фиксируя пацана за шею и низко склонившись над распростертым на столе теле, — Собрал товарищей, и свалили! Живо!

Парни, как и было велено, торопливо свернули компанию и удалились, уводя друга, пострадавшего в неравном бою со столом. А Васька вернулся на свое место. Спокойно и невозмутимо отпил кофе из чашки. И встретил возмущенный взгляд зеленых глаз.

— Вот зачем вы так, Василий Павлович?! — громким шепотом отчитала парня Груня, — Они же дети еще. Безобидные.

— Эти дети — крокодилы, старше тебя, — фыркнул Бася.

— Но они наши клиенты, — возразила Груня, — а клиентов нельзя мордой о стол.

— Так, — Васька чуть склонился вперед, опираясь локтями о дубовую гладь стола, — Беги-ка ты лучше работай, пока я не вспомнил, что являюсь невоспитанным хамом и грубияном, не передумал и не выловил их у входа.

Груня вздохнула, но промолчала. Барычинский видел по ее глазам, что девчонка хочет много чего сказать в его адрес. Но сдержалась. Только недовольно зыркнула своими зелеными глазищами и, поджав губы, убежала к Михалычу за очередным заказом.

Глава шестая, в которой Груня Пепел мило смутится, немного расстроится и растеряется

По графику у Груни был выходной, но в связи с тремя днями отсутствия на рабочем месте девчонка вышла в смену в воскресенье. Но не к пяти, как обычно, а с самого открытия.

Уже привычно влетев в здание ресторана, Грунька радостно помахала Владимиру. Парень стоял у стойки рецепшена, внося какие-то поправки в записи резерва столиков и кабинок. Увидев широко улыбающуюся красавицу-официантку, Владимир перехватил планшет и направился к ней.

— Переодевайся, и пойдем кое-чего покажу! — улыбался парень.

Грунька послушно скрылась в комнате для персонала, а спустя пару минут уже выскакивала в зал, на ходу повязывая фартук на талии.

— Глянь, что у меня есть! — в руках Владимира появилась небольшая книга в черно-белой обложке, и, увидев название и автора, Пепел буквально расцвела на глазах.

— Вова! — громким восторженным шепотом произнесла девушка, — Это же сам Марк Шахов!

— Дарю! — рассмеялся Вовчик, глядя, как трепетно девчонка перелистывает страницы книжки, попавшей в ее цепкие пальчики.

— Ты даже не представляешь, какой он талантливый фотограф! Маэстро! — восхищенно рассказывала Груня, любуясь фотографиями работ известного в города, да и во всей стране фотографа, — Как ты узнал? Вовка! Спасибо тебе огромное!

Девчонка не удержалась и от переизбытка чувств кинулась парню на шею. Тот только тихо посмеивался, придерживая веселый и радостный огонек с редким именем руками.

Молодые люди настолько увлеклись подарком, беседой и словами благодарности, что абсолютно не заметили нечаянного зрителя, застывшего каменной глыбой в просторном зале. Каменная глыба, буквально скрежеща зубами, убийственным взглядом сверлила веселую парочку. И если бы взгляд мог бы убить, то у Вовчика не было бы шансов на выживание. Карие глаза прикипели к мужской ладони на узкой осиной талии, а руки с хрустом сжались в кулак. Внутри каменного изваяния с горящими глазами бушевал ураган, грозящий снести все на своем пути, в частности отдельно взятого

администратора престижного ресторана города.

Барин постарался выдохнуть, предпочитая не думать о том, насколько счастливой сейчас выглядела пигалица.

— Василий Павлович! — словно из тумана выволок его голос пигалицы, радостный, счастливый, задорный, — А у нас тут вот...

Васька предпочел не слушать что у них там «вот», а только рывкнул во всю глотку так, что затряслась посуда за баром у Сашки.

— Генеральная уборка! Чтобы через час весь зал блестел, как у кота яйца! И посуду посчитайте!

Дверь директорского кабинета гроыхнула так, что едва не слетела с петель. Девчонка в недоумении посмотрела вслед стремительно исчезнувшему парню, перевела взгляд на Владимира.

— Не обращай внимания, Грунька, — хитро прищурился Вовчик, — Генеральная уборка — не страшно. Парни за полчаса все сделают. А посуду вчера считали.

— Да я и не боюсь, — пожала плечом Груня, все еще прижимая к груди подаренную книжку, — Просто нельзя вот так без причины кричать на людей. В конце концов, мы не рабы и не крепостные!

Владимир, зная Барина не первый год, сложил два и два: появление Груни, необъяснимые вспышки гнева и попытки урезать суточное потребление никотина, мордобой клиентских рож, рискнувших бросить пошлые намеки в адрес пигалицы, и получил вполне очевидную картинку.

— Ты, Грунька, беги, парням помощи, — решил Владимир, — А я пока утрясу кое-чего.

— Знаешь, Владимир, — решительно заявила Груня, обходя администратора, — Так дело не пойдет.

И прежде, чем Вовчик успел перехватить девчонку, она уже едва ли не бегом скрылась за многострадальной дверью директорского кабинета.

Откровенно говоря, Владимир мог легко ее догнать, крикнуть, велеть не вмешиваться. Но что-то подсказывало ему, что влезать в отношения начальства и девчонки не стоит.

* * *

Барычинский стоял у окна и курил, вернее, пытался прикурить, нервно клацая зажигалкой.

— Вы несправедливы к своим подчиненным! — строго произнесла Груня, входя в кабинет, — Посуду вчера пересчитали. А в зале Катенька

порядок навела еще рано утром. Мальчишкам нужно зал открывать, а не с тряпками бегать!

Васька медленно обернулся, посмотрел на девчонку сверху вниз, сжав губами фильтр.

— Какого ... хутора ты приперлась?! — рявкнул Васька.

От мужского крика, прокатившегося по служебному коридору, кажется, сотряслись стены. Но Груня и бровью не повела, только крепче стиснула книгу в своих руках, непроизвольно привлекая к ней внимание Василия.

— Вы бы подбирали выражения! — прищурилась Груня.

— Тебе мои выражения не нравятся?! — прищурился Василий, шагнув ближе, — А я, знаешь ли, не вшивая интеллигенция! Школ благородных девиц не кончал!

— И что? — возмутилась Груня бесстрашно, — Все равно, нельзя так с парнями!

— За парней печешься? — прищурился Васька, — За кого конкретно? За Вовчика?

Взгляд Барина задержался на книге в руках пигалицы. И настолько сильно взбесила его эта штукавина, словно красная тряпка быка, что Васька не смог сдержаться. Подойдя ближе, дернул подарок Вовчика из рук пигалицы и, что есть силы, зашвырнул ею в стену, совершенно не глядя, куда она летит. Раздался звон бьющегося стекла. Коллекционные бутылки бати посыпались на пол с полки.

— Ну, вы...! — возмутилась Груня, и, резко выбросив руку вперед, выдернула не прикуренную сигарету изо рта Васи, — Невоспитанный хам и засранец!

Демонстративно раскрошив сигарету на пол, Груня уперла руки в бедра.

— Вот теперь берите и генеральте здесь! Сами! А Катенька имеет право на законный перерыв!

Выходя, Груня хлопнула дверью, едва ли не так же сильно, как и Васька за пару минут до нее. Оставшись в кабинете, Барычинский привалился бедром к столу.

Это что, мать твою, только что случилось?

Взгляд задержался на кучке стекла и этикеток, на луже растекающегося элитного алкоголя отца. На книге, промокшей и безвозвратно испорченной.

Нет, и все-таки он, Васька, тот еще осел. Так думал Василий Павлович, собирая осколки с пола, и вспоминая счастливое лицо пигалицы, когда она

держала книгу Шахова в руках.

* * *

Смена выдалась тяжелой. И дело даже не в потоке клиентов, заполонивших, казалось бы, весь зал и второй этаж. Груня не находила места от того, что за обычным столиком всю смену ни разу не появился хмурый и хамоватый младший хозяин «Барина». Даже на обед не пришел. Вообще, как уехал после утренних криков и разборок, так и не возвращался еще. Грунька порывалась несколько раз взять у Вовчика номер телефона, позвонить и извиниться. Но не решилась. И к закрытию Грунька поняла, что с момента ее работы в «Барине», ее жизнь окончательно и бесповоротно изменилась. И доказательством тому явились фотографии, сохраненные в памяти телефона.

Фотографий в телефоне Груни было много. Снимков родного дома, где жила с первых лет жизни с тетушкой Нюрой, родной деревни с просторными улочками, животными, речкой и перелесками. Имелись кадры и городского пейзажа. Но с недавних пор все эти снимки Груня пересматривала крайне редко. Гораздо чаще, в сотни раз чаще, девчонка любовалась всего тремя снимками. Теми, на которых задумчиво улыбался хамоватый Василий Павлович. Улыбался естественно, открыто. И Груня очень гордилась тем, как у нее вышло «подловить» грозного и резкого Барычинского. Даже тетушка, увидев снимок, полюбопытствовала:

— А что это за милый молодой человек?

Грунька промолчала, только смущенно заулыбалась. А потом и призналась, что он — тот самый даритель охапки цветов, и по совместительству, ее начальник.

В ответ мудрая тетя Нюра похлопала племянницу по ладошке и тихо предупредила:

— Будь осторожна, Грунечка.

Груньке ничего не оставалось, кроме как кивнуть. И вот сейчас, вздыхая и переодеваясь после смены, девчонка поняла, что имела в виду тетушка. Подлый хам своим скверным характером и полным отсутствием манер, но вниманием к некоторым мелочам и тягой к справедливости безошибочно отыскал путь к ее сердцу.

Попрощавшись с парнями, Груня вышла из ресторана. Постояла на крыльце. Запрокинув голову, взглянула на тучки, бегущие по ночному небу. Звезд не было видно. И Груне показалось, что даже небо хмурится вместе с

ней за компанию. Камера уже послушно переключалась из рюкзака в руки девчонки, но внимание привлек небольшой белоснежный конверт, торчащий из чехла камеры. Вытянув его и раскрыв, Грунька замерла, широко распахнутыми глазами изучая содержимое конверта. Два пригласительных билета на эксклюзивный показ работ того самого Марка Шахова! Пепел читала в ленте новостей, что известный фотограф откроет двери своей галереи всего на день. И билеты достать просто нереально, а если и реально, то за баснословные деньги, которых у девчонки просто не было.

Мысли путались и убегали, и Груня торопливо вынула телефон. Единственным человеком, с которым она говорила о своем кумире Шахове, был Вовчик. Набрал телефон парня, Пепел улыбалась.

— Вов! Ну, ты зачем?! Дорого же! — затараторила Груня.

— Ты сейчас о чем? — поинтересовался Вовчик, и тут же появился за спиной девчонки, уже переодетый в обычные линялые джинсы, свитер и дутый жилет. На голове красовалась смешная шапка с помпоном, превращая строгого админа ресторана в бесшабашного парнишку.

— Вот! — Груня потрясла перед носом друга конвертом с пригласительными билетами.

— А че я сразу? — возмутился Вовчик, хитро глядя на девчонку, — Вон, черный Мерин. Туда вопросы. А я помчался. Не скучай, крошка.

Вовчик щелкнул Груню по носу и поспешно удалился в сторону припаркованного рядом с крыльцом велосипеда. А девчонка смотрела в указанном Вовой направлении. Черный Мерседес с тонированными стеклами стоял в нескольких парковочных местах от ресторана. Грунька прекрасно знала, кому принадлежал сей транспорт. Вздохнув поглубже, Пепел подошла ближе. Водительское стекло было опущено, сигаретный дым облачком устремлялся ввысь при каждом выдохе. А сам хозяин Мерседеса и ресторана сидел в салоне, задумчиво глядя через лобовое стекло на улицу.

Подойдя еще ближе, Груня замерла. Наклонившись, заглянула в салон автомобиля.

— Василий Павлович? — тихо привлекла к себе внимание Груня, — Вот. Я хочу вернуть билеты. Вам не стоило, они дорогие, и потом....

— Что «потом»? — перебил Василий Павлович, не глядя на девушку.

— И потом, у вас, наверно, и без меня есть с кем пойти, — уже тверже говорила Груня, — И вы совершенно не обязаны извиняться за утренний случай. И цветы... Тоже не нужно было тогда.... Еще и в таком количестве...

— Почему? — Васька все еще не смотрел на девчонку, только выбросил сигарету в лужу через окно.

Груня проследила взглядом за окурком, утонувшим в луже. Замечание уже готово было слететь с ее губ, но Василий опередил ее. Вышел из машины, хлопнув дверцей. Хмуро посмотрел на пигалицу сверху вниз.

— Потому что я невоспитанный хам и засранец? — припомнил Василий, сквозь прищур глаз, изучая лицо пигалицы, — Думаешь, не гожусь для выставки этих твоих любителей прекрасного? Думаешь, прямо с порога начну бить всем морды и плевать мотом?

— Вообще-то я такого не говорила! — упрямо поджала губы Груня, расправив плечи и бесстрашно глядя на собеседника, — Я сказала, что вы легко найдете спутницу. Заберите билеты!

— Сдались мне твои билеты! — уже громче и более грозно отвечал Василий, — Не нравятся — выбрось!

— Вот и выброшу! — пригрозила девушка, прищурившись, и протягивая парню конверт с пригласительными внутри, — Заберите немедленно!

— Не возьмешь? — прищурился Васька, чуть склонив голову ближе к смешной шапке пигалицы.

— Нет! — затрясла головой Груня.

Баська схватил конверт и одним движением смял его в кулаке.

— Вы что творите?! — вскрикнула Груня, — С ума сошли!

Девчонка обеими ручками схватилась за кулак Барычинского и принялась разжимать пальцы, извлекая смятые клочки бумаги.

— Варвар невоспитанный! — бормотала Груня, высвобождая разноцветные кусочки плотной бумаги из цепкого захвата, — Да разожмите уже, наконец, пальцы!

Васька стоял, словно в ступоре. Ловкие пальчики порхали по его ладони, заставив обостриться все чувства. А он не мог пошевелиться. Потому что девчонка его просто убила. Своей наивностью. Своим теплом и блеском зеленых глаз. Своим светом и улыбкой.

— Садись, — тихо скомандовал Барин, — Домой отвезу.

— Глупости, я живу в паре кварталов от ресторана, — отмахнулась девушка, радуясь, что билеты практически не пострадали. Так, измялись немного.

— Лучше сядь в машину! — пригрозил Василий и, не дожидаясь ответа, сел за руль. А когда девчонка, к его удивлению, без возражений заняла соседнее переднее сиденье, добавил, — Начало в пять. Заеду в четыре. И не переживай, без причины в драку не полезу.

Дорога до дома, в котором жила Груня, заняла всего несколько минут. Пигалица вертела в ладошках билеты, разглаживая их и расправляя. А Баська толком и не следил за дорогой. Ехал скорее на автопилоте. Потому, что девчонка отвоевала себе большую часть его мозгов. Сидела рядом. Пахла своей весной. В общем, Василий Павлович понимал, что увяз он по самые помидоры.

Припарковавшись около подъезда, Барычинский не стал глушить мотор. Заглушит, и что скажет? До завтра? До свидания? Вот что, едрит-Мадрит?

Васька подумал, что нужно бы посоветоваться у верного друга Герыча. Тот уж точно знает, как общаться с прекрасным полом. Вон как быстро женился, еще и на такой красавице.

— Василий Павлович, — нарушила затянувшуюся тишину пигалица, тем самым неосознанно выручив растерявшегося шефа, — А как завтра с работой?

— Я разберусь, — Васька рукой потянулся за лежавшей на приборной панели пачкой сигарет, но сам себя заставил одернуть ладонь, — Беги. Выспись лучше.

— До свидания, Василий Павлович, — улыбнулась Груня своей волшебной улыбкой, и, дождавшись короткого кивка от хмурого Барина, выскочила из машины.

Оказавшись в подъезде, Грунька взлетела на этаж выше и выглянула из подъездного окна. Черный Мерседес все еще стоял на прежнем месте. Грунька помялась немного, рассматривая дорогое авто через стекло, а потом, вздохнув, поднялась на третий этаж. Когда девчонка выглянула из окна своей комнаты на улицу, Мерседеса уже не было.

* * *

Проснувшись рано утром, Пепел бездумно смотрела в потолок. Сегодня она попадет на выставку своего кумира, с которым не была знакома лично, но как-то раз известный фотограф проводил мастер-класс для всего потока. И вот сейчас Груньке как-то не верилось, что она действительно посмотрит его работы. Нет, о знакомстве с маэстро речи и не шло. Девушка хотела просто посмотреть на шедевры воочию.

Искупавшись и уложив волосы, Грунька распахнула дверцы шкафа. Не самого шикарного, скажем прямо. И поэтому Груня капельку приуныла. Понятно, что эксклюзивная выставка — это значимое событие и в простых

джинсах и сапожках с жирафами на нее не явишься. Вздохнув, девчонка перерыла весь свой гардероб. Дважды. Вопрос с нарядом так и не был решен, даже после третьего осмотра шкафа целиком.

Делать нечего. Груня, поднявшись на цыпочки, достала небольшую деревянную шкатулку. Вытряхнув все сбережения и пересчитав купюры, Грунька натянула джинсы, тонкий свитер, и отправилась за новым платьем.

Спустя три часа, немного грустная из-за отсутствия сбережений на новенькую камеру, но довольная из-за пополнения гардероба, Грунька уже вертелась перед зеркалом в своей комнате.

— Красотка ты у меня, — в дверях замерла бабушка, а потом и вошла в комнату, присела на краешек кровати, — Вся в мать. Та тоже была первой красавицей. Женихов за ней толпа ходила.

— Бабуль, — Груня присела рядом с бабушкой, обняла старушку, приластилась, — Не плачь. Хорошо? Я тебя знаю, разрыдаешься сейчас.

— А чего рыдать? — вздохнула Надежда Вадимовна, — Если бы не сынок мой, дуралей, каких мало, живы были бы. А теперь вон, одну тебя оставили, сиротинушку.

— Брось, бабуль, — Грунька прижалась к старушке, поцеловала в щеку, — Зато они вместе.

— Как там Нюра поживает? Давно к нам не выбиралась, — поворчала старушка, вытирая глаза платочком.

— Ты ведь знаешь, она город не любит, — ответила Груня, — Давай лучше мы к ней как-нибудь вдвоем наведаемся? Она всегда тебя ждет в гости. Знаешь ведь.

— Знаю, Грушенька, знаю, — улыбнулась Надежда Вадимовна, — Через недельку-другую поедем. Душевная женщина, наша тетушка Нюра. И куда мужики смотрят? Не пойму я.

— Душевная, — согласилась Груня.

— А ну, повертись еще, погляжу на тебя, — вновь улыбнулась Надежда Вадимовна, — Красавица ты у меня выросла. И куда собралась?

— Бабуль, на выставку! Представляешь, к самому Шахову! Билетов не достать! — не удержалась и похвасталась девушка.

— Если не достать, то чего идти? У калитки постоять? Так лучше дома сиди, вон я и пирогов напекла, с капустой, как ты любишь, — заворчала старушка по-доброму, вновь украдкой смахивая слезу. Уж очень похожа стала Грушенька на покойную невестку.

— А меня Василий Павлович с собой берет! — радостно выпалила Грунька.

— Это который? — нахмурила брови старушка, — Ентот что ли? С

цветами? Видала я его на свадьбе у Соколовых. Мужик, конечно, видный. Тут не поспоришь. Но ты у меня барышня воспитанная, девочка совсем. А он уже давно не юнец.

— Бабуль, — всплеснула руками Груня и сунула ноги в туфли-лодочки, которые успела достать из коробки, — Я же просто на выставку схожу. А ты придумала себе лишнего.

— Ага, столько цветов просто так не дарят, — проворчала бабушка, подходя к окошку, на котором стояло ведро с цветами, и отрывая увядшие лепестки.

Грунька улыбнулась. Как бы ни ворчала бабуля, а цветы ей нравились. Вот и ухаживает за ними лучше самой Груни, воду меняет каждый день, беседует с ними украдкой.

Бросив взгляд на дисплей телефона, Груня поняла, что уже почти четыре. Вот-вот должен явиться Барычинский за ней. И девчонка совершенно не знала, как вести себя в его присутствии.

В дверь позвонили, и Груня поняла, что настал тот самый момент, когда она выйдет к Василию Павловичу не в простых джинсах или в униформе, а в черном вечернем платье чуть выше колен, ладно облегающем фигурку, в туфлях на невысоком каблуке, с уложенными и чуть подкрученными локонами. И, самое удивительное, девчонка ждала реакции Барина. Едва ли не больше, чем визита на саму выставку.

Бабушка открыла дверь, а Грунька замерла на пороге своей комнаты.

— Здравствуйте, — услышала Груня глубокий голос Барычинского.

— Здравствуйте, здравствуйте, — хмыкнула старушка, и, повернувшись к внучке уже громче крикнула, — Грушенька, а здесь у нас ухажер на пороге. Чего делать с ним? Пирогоми кормить? Аль так пускать?

Груня рассмеялась, видя, что старушке приносит удовольствие роль бабушки-простушки.

— А пироги вкусные? — не растерялся Васька.

— Шутите, молодой человек? — подбоченилась Надежда Вадимовна, и уже громче в квартиру, — Грушенька, ухажер твой — шутник, оказывается.

— Бабуль, — Груня решила вмешаться в беседу бабушки и начальства, — Во-первых, это не ухажер, а Василий Павлович. А во-вторых, мы не успеем с пирогами. Ехать далековато.

Грунька уже успела дойти до коридора и снять с вешалки свое пальто. Приветливо улыбнувшись застывшему на пороге Василию Павловичу, девушка коротко поцеловала старушку в щеку.

— Я мигом тогда, — спохватилась старушка, — В дорогу собираю. По

пути и съедите. Василий вон какой мужчина. Такую гору кормить нужно, как следует, по-богатырски.

Грунька улыбалась Барину, застегивая пуговицы на пальто. Старушка потопала на кухню, собирать пироги в дорогу. А Васька все также стоял, хмуро глядя на девчонку.

— Вы извините, Василий Павлович, — вздохнула Груня, — С ней спорить бесполезно.

— Угу, — хмыкнул Васька.

А Груня заметила, что в руках мужчина держит небольшой, по сравнению с прежним, букет цветов. Букет был красиво собран и украшен. Вновь ярко-красные розы, а в центре композиции — более светлые, практически белые.

— Димку не нашли? — улыбнулась хитро Груня, — Решили без него справиться?

— Какого Димку? — хмуро спросил Барычинский.

— Соседского мальчишку, — пояснила Груня, кивая на букет в руках Барина.

Васька перевел взгляд на цветы в своих руках, взглянул, словно видел его впервые.

— Ну, — только и произнес Бася и протянул букет пигалице.

Тут же появилась бабулька с пакетом пирогов. Обменяла сверток на цветы, и, распахнув дверь, выпроводила молодежь из квартиры. И как только внучка с кавалером вышла из подъезда, Надежда Вадимовна уже звонила соседке, жене полковника Соколова. Тактично напросившись в гости, Надежда Вадимовна, прихватив бутылочку вишневой наливки от Нюры, ушла к соседям. И уже там, вместе с Антониной Макаровой они решили, что нужно бы пригласить на рюмочку домашней вкуснотищи нового человека, недавно влившегося в их кружок веселых пенсионерок. Мария Семеновна Черепанова не заставила себя долго ждать. И спустя сорок минут, Надежда Вадимовна знала всю биографию Василия Павловича Барычинского, друга детства соседского зятя.

* * *

Дороги в такой час были почти пустыми. Но Васька все равно хмурился. В голове вертелись только маты. Вот что делать, а? Не воспринимает пигалица его, как ухажера! Василий Павлович! Мать его етить!

— Василий Павлович, мне кажется, вы превышаете допустимо разрешенную скорость, — тихо заметила Груня, неотрывно глядя на приборку.

Васька крепче сжал руки на руле, пытаясь унять неуместный совершенно гнев. Игнорируя замечание девушки, Васька вздохнул.

— Обязательно по отчеству называть? — тихо спросил он, бросив на девчонку взгляд.

— Вы мое начальство, — пожала плечом Груня.

— Давай так, я не называю тебя пигалицей, — предложил Васька, — а ты меня Павловичем. Идет?

— За стенами ресторана, — выдвинула Груня.

— Идет, — согласился Барин, чуть улыбнувшись.

Нет, это ведь шаг вперед? Небольшой, правда. Но с другой стороны, они едут вдвоем культурно отдыхать. Чем не свидание? Еще немного и перейдут на «ты».

Нет, кажется, все весьма неплохо.

Настроение Баси стремительно поползло вверх, и он даже сбросил скорость до допустимой отметки на этой части трассы.

Загородный дом Марка Шахова, в котором и была организована выставка в этот день, встретил вновь прибывших гостей длинной вереницей припаркованных по обочине подъездной аллеи машин. Васька отыскал свободное место, припарковался и вышел. Даже умудрился придержать дверцу для пигалицы. По лицу Груни Василий видел, как девчонка волнуется, нервничает и переживает.

— Ой, билеты же у меня, — спохватилась Груня, открыв сумочку и принявшись искать в ней конверт.

Васька только снисходительно улыбнулся, глядя на рыжую макушку, на хрупкие плечи, по которым рассыпались длинные локоны волос. Взгляд сам собой скользнул на ее ноги, стройные и красивые, такие, что вмиг захотелось провести по ним ладонями. По черному платью, тоже красивому и коротенькому. На черные туфли на невысоком каблучке. А потом Барычинский нахмурился. Ведь холодно уже, а она в туфлях. Совсем безголовая!

— Пойдем, — коротко скомандовал Васька и, прихватив девчонку за локоть, потащил в сторону крыльца.

Оказавшись в просторном холле трехэтажного дома, Груня в удивлении вертела головой в разные стороны. Ни разу она не бывала еще в подобных особняках, шикарных, стильных, как в модных журналах, и на подобных мероприятиях.

Стены были увешаны огромными фотографиями — работами Шахова, некоторые из них она видела на мастер-классе. И с первых же шагов Груня просто обомлела, одновременно боясь и отчаянно желая прикоснуться к глянцевым холстам.

— Вася, — благоговейным шепотом произнесла Груня, замерев напротив очередной фотографии, около двух метров высотой, в черно-белом стиле, на которой был изображен силуэт, — Только посмотри! Я бы никогда так не смогла! Слов просто нет, настолько она красивая!

— Думаете? — услышала за спиной Груня смутно знакомый мужской голос.

Обернувшись, девчонка замерла, широко распахнув глаза. Марк Шахов собственной персоной стоял позади нее, держа в руках бутылку с пивом, смотря на Груню поверх стильных очков в модной оправе и загадочно улыбаясь.

— Вот видишь, Бася, ценят твою хмурую рожу, еще и такие красотки, — хохотнул Шахов, — А ты все: отвали, да отвали.

Груня перевела взгляд на молчаливого Барычинского, вновь взглянула на стену с изображением мужской спины.

— Это вы? — удивилась Груня, во все глаза рассматривая обнаженные плечи, спину, затылок натурщика, — Невероятно просто!

— Невероятно, — рассмеялся Марк Шахов, — Это то, что он согласился. Я его полгода уговаривал.

— Завязывай языком чесать, — проворчал Василий, — Вали к гостям, не хрен без дела шляться.

Груня еще больше удивилась. Как можно в таком тоне разговаривать с кумиром и маэстро?

— А мне, может быть, здесь интереснее, — не унимался Марк и протянул Груне руку, — Позвольте представиться, Марк Шахов!

— Не верь ему, Груня, — хмыкнул Васька, пряча руки в карманы брюк, — Ванюша Пупкин он по документам.

— Агриппина Пепел, — ошарашено произнесла Груня и протянула руку маэстро.

Мужчина тут же принялся целовать ее ладонь, вроде бы галантно, но гораздо дольше, чем того требовали правила этикета.

Груньке захотелось отдернуть ладошку, но Шахов, то есть Пупкин, только крепче ее сжал.

— А хотите, я подарю вам свою работу? — проникновенно зашептал Шахов, придвигаясь ближе к Грунечке и заискивающим взглядом заглядывая в зеленые наивные глазки.

— Сразу нет! — вмешался в разговор Василий, — Ваня, не борзей!

— Да ладно, Бася, — махнул рукой Шахов, — Агриппина, у меня к вам небольшое предложение. У вас такое изумительное лицо! Такая фигура! Всё! Решено! Я меняю любую свою работу на ваш портрет! Вот даже Ваську забирайте! Пусть я и гонялся за ним сто лет. Не жалко! А вас хочу в свою коллекцию!

— К стоматологу на прием сперва запишись, — пробормотал Васька, глядя на приятеля с прищуром, прикидывая, когда именно проредить ему зубы.

— Я даже и не знаю, — растерялась Груня, глядя на Василия Павловича, потом на его фотографию, вернее, его спины, и вновь возвращаясь к маэстро, — Она же двухметровая, мне и повесить ее некуда.

— Слышал? — хмыкнул Васька, — Захлопнись и двигай к своим меценатам.

Но Шахов не привык так легко сдаваться. По взгляду девчонки он понял, что именно эту фотографию она точно захочет в свою коллекцию.

— Я вам, Агриппина, и автограф чиркну, там и место свободное есть, — увещевал голосом змея-искусителя Шахов-Пупкин.

— Давно в травме не был? — ворчал Васька где-то на втором плане.

А Грунечка поняла, что уже согласна. Просто Василий Павлович, в полный рост с обнаженным торсом и в джинсах, но босой, еще и через объектив камеры ее кумира, смотрелся невероятно шикарно.

— Ну, хорошо, — едва заметно улыбнулась Груня, а Васька не заметил, как скрипнул зубами.

— Без самодеятельности, — пригрозил Васька, ухватив приятеля за ворот рубашки, пока Груня в очередной раз отвернулась к стене с фотографией.

— Василий, выдыхайте ровнее, — засмеялся Марк-Ваня, хлопнув приятеля по спине, и, перехватив Груню за локоток, потащил вглубь дома.

Васька, матерясь тихо под нос, шел следом. Нет, ему, несомненно, льстило, что пигалица выбрала именно его фотку. Но, млин, как же хотелось, чтобы Пупкин не вертелся вокруг нее.

— Только я не могу топлес, — прошептала Грунька скромно.

— Нью? — предположил Шахов, заводя девчонку в просторную комнату-студию и включая освещение.

— Херню не морозь! — рявкнул Васька.

Фотограф поморщился, а Груня даже и бровью не повела. Привыкла уже за последнее время к реву раненого бизона в исполнении Барина.

Васька уселся на небольшой диванчик в дальнем углу комнаты,

предварительно стянув пиджак и расслабив галстук. Нет, эта удавка его прикончит. Или Шахов своими выкрутасами. Или Груня всей собой, такой красивой и доверчиво наивной.

Откинувшись на спинку дивана, Бася наблюдал за этой парочкой. Василий видел, как скованно чувствует себя пигалица. Неуютно ей в роли модели. Девочка все больше привыкла быть по ту сторону объектива. Васька невесело хмыкнул. Этот Шахов кого хочешь достанет. Сам полночи с ним тут проторчал. И на хрена, спрашивается? Но душу грела мысль, что пигалица заберет его фотку себе домой. Определенно грела.

Глава седьмая, в которой Груня Пепел встанет перед непростым выбором

Минут двадцать Шахов прыгал и скакал вокруг пигалицы. Васька зорко следил, чтобы приятель не позволял себе лишнего. А потом, когда в кармане фотографа зазвонил мобильник, Барычинский даже, наглым образом, обрадовался и выдохнул, точно зная, что почти весь бомонд города и региона Шахову не позволят оставить без своего присутствия.

Извинившись, Марк, недовольно ворча и хмурясь слинял, бросив напоследок царственным тоном фразу, что позволяет им остаться в святая святых его резиденции.

— Вали уже, — хмыкнул Васька, поднимаясь с дивана.

Марк испарился, а Груня позволила себе осмотреться. Обычная мастерская с высокими до потолка окнами. Но что-то витало в воздухе, что-то сказочно-волшебное. И Груня поддалась порыву и достала свою старенькую камеру из сумки, оставленной на стуле вместе с пальто.

Торопливо, словно боясь, что прервут, Груня принялась отщелкивать кадрики один за другим. И вдруг поймала объективом стоящего около окна Барина. Мужчина опирался рукой о стену, вторую спрятав в карман брюк, а сам смотрел на улицу. Широкий разворот плеч и капельку ссутуленная спина навела девушку на мысль, что Барычинский думает о каких-то важных для него вопросах.

Боясь передумать, Грунька щелкнула и Ваську. А потом еще и еще, двигаясь и пытаясь поймать нужное освещение и удачный ракурс.

— Улыбнитесь, зачем хмуриться? — вдруг проговорила Грунька, а Васька вскинул голову, словно очнулся от тяжелых мыслей.

Заметив, как девчонка, широко улыбаясь, скачет вокруг него с фотиком, Васька и сам улыбнулся. Смешная она, все-таки. И красивая. Безумно красивая. До одури.

Грунька тем временем сменила угол съемки, подойдя с другого бока.

— Ну, все, хватит, — хмыкнул Васька, отлипая от стены.

— Как это хватит? — возмутилась Грунька, — Не могу я упустить такой шанс и не поработать в храме великого мастера фотографии! Тем более, с его моделью.

— Тоже мне модель, — мотнул головой Васька, шагнув ближе к девчонке, — Все, завязывай.

Но Груня не слушала Барина, а, звонко смеясь, не переставала фотографировать Василия.

— Груня, не шали! — пригрозил Василий, сам заражаясь настроением пигалицы.

Ему вдруг тоже захотелось смеяться и сделать какую-нибудь милую глупость.

Шагнув еще ближе, Васька вдруг понял, какую именно шалость он сделает. И чтобы заглушить угрызения совести, Барычинский на всякий случай, произнес строгим голосом, но взгляд его смеялся:

— В последний раз предупреждаю!

— Иначе что? — смеялась Груня, отступая назад и не переставая щелкать камерой.

Васька предпочел не повторяться. Мало ли, послушается и перестанет. И тогда точно не будет благоверного предлога для грядущей шалости.

Стремительно преодолев расстояние до девчонки, Васька крепко ухватил ее ладонями за осиную талию и притянул к себе. В первую секунду Груня застыла, судорожно втянув воздух в легкие, голову в плечи, а камеру прижав к груди. Во вторую — хлопнула ресницами, когда Васька приблизился на столько, что его дыхание опалило лицо Груньки. А в третью девчонка прикрыла глаза, потому что настойчивые и твердые мужские губы накрыли нежные и чуть подрагивающие женские.

Безвольные руки Груньки с зажатой в них камерой были отведены в стороны сильными мужскими ладонями и сами собой опустились вдоль тела, а из онемевших в одно мгновение пальцев выпал многострадальный фотоаппарат.

Васька что-то простонал, не желая разрывать объятий, не собираясь выпускать пигалицу из рук, зарываясь пальцами в длинные локоны. Не сейчас, когда он стал бредить ею, особенно во сне. Днем он хотя бы мог торчать в ресторане и смотреть на нее со стороны. А вот ночами... Когда тело сковывало возбуждение от проклятых эротических снов в главной роли с пигалицей, становилось невмоготу. И вот Васька дорвался до желаемого. И уже точно не мог остановиться.

Он вдыхал аромат девчонки, напоминавший ему весну. Дурел, словно махнул залпом литр элитного высокоградусного алкоголя. И не мог наддышаться. Не мог разомкнуть рта, просто, чтобы дать пигалице вздохнуть, не мог оторваться от ее губ. А еще дурел от того, какой податливой она стала в его руках. Как ее пальчики скользнули по его плечам. Ладонки прошли по шее, ероша короткие волосы. Как девчонка судорожно вздохнула носом, но не отстранилась. Наоборот, прильнула

ближе, так, что Васька чувствовал грудью через рубашку каждый изгиб девичьего тела. И понимал, что ему нужна эта девчонка, которая не боится высказаться в лицо, которая с головой бросится на защиту малознакомых, но, по ее мнению, несправедливо обиженных, даже если обидчик вдвое больше и сильнее ее самой, которая умеет радоваться даже лучам света, падающим через окно ресторана, и бесформенным облакам на небе. Девчонка, которая своей улыбкой яркими красками разрисовала его жизнь. Девчонка, напоминавшая ему солнечного зайчика, неугомонного и неуловимого.

К огорчению Баси, поцелуй не мог длиться вечность. И чуть отстранив пигалицу от себя, Василий взглянул в смущенное, растерянное и прекрасное лицо Груни.

Взмахнув пару раз густыми ресницами, словно прогоняя наваждение, но, к радости Васьки, не убирая ладошек с его груди, пигалица смущенно отвела взгляд.

Васька не хотел выпускать девчонку из рук. Но и понимал, что ей нужно время, чтобы привыкнуть к изменениям в их отношениях.

— Вася, кажется, он разбился, — потеряно прошептала Груня, умудрившись выскользнуть таки из крепких объятий, и начиная пятиться от парня назад.

Она пребывала в шоке. Губы нещадно горели и помнили вкус поцелуя Барина. Сердце тарабанило в груди так, что кровь летала по венам со скоростью света. А глаза мало верили во все происходящее.

— Грунечка, — ласково пророкотал Бася, — Лучше не бегай от меня. Все равно не убежишь.

— Я разбила камеру! — выдохнула Груня, пытаясь зацепиться хоть за какую-нибудь причину не поддаваться чувствам и соблазну.

— Иди сюда, зайчонок, — оказывается, хам-Василий умеет ворковать низким ласковым голосом, — Брось ты эту стекляшку. Новую куплю.

— Все для тебя так просто?! — задохнулась Груня, — В ней половина моей жизни! А ты — «новую куплю»! И ничего она не стекляшка!

Пигалица принялась подбирать с пола то, что осталось от фотоаппарата.

Бася, словно в ступоре, наблюдал за согнувшейся над полом фигуркой. Длинные волосы покрывалом рассыпались по плечам и спине. Пигалица горько вздыхала. А потом и вовсе ее плечи поникли и странно вздрогнули.

— Грунь, ты чего? — тихо и хмуро спросил Василий, присаживаясь рядом с девчонкой. Та уже успела собрать пострадавшую технику и прижать к груди. А у Васьки словно ком заложил все горло, и не

продохнуть, не сделать вдоха.

Пигалица сидела на полу, прижимала к себе сломанный фотик и часто-часто моргала ресницами. Васька сжал рукой свою черепушку, ероша короткие волосы.

— Ясно, — нахмурился Васька.

Поднялся на ноги, поднял девчонку, ухватившись за плечи. Та даже и не отстранилась. Только еще горше вздохнула. Бася прихватил пальто со стула, свой пиджак, и, удерживая девчонку за ладошку, поволок к выходу. По пути встретился Марк. Хотел было остановить приятеля и его девушку, да передумал, видя решительное и привычно хмурое лицо Барина.

— Курьером пришло, — мотнул головой Шахов на висящую на стене работу, подаренную Агриппине.

Васька кивнул, завернул девчонку в пальтишко и вытянул на улицу.

— А как же выставка? Я еще не все работы посмотрела, — вздохнула Груня, оглядываясь на особняк.

— Не дрейф, зайчонок, — едва заметно улыбнулся Бася, — Организую индивидуальный показ. По благу.

Груня сидела в дорогой машине, рядом с удивительным, пусть и хамоватым и хмурым мужчиной и готова была вот-вот разрыдаться. В руках она держала сломанный и дорогой сердцу фотоаппарат, да только не он был причиной ее слез.

Пепел совершенно растерялась. Она не знала, как смотреть в глаза Барину. Как говорить с ним. Как работать дальше. Сейчас она видела два выхода: первый — уволиться, второй — полностью избегать любых контактов с начальством. И, положив руку на сердце, ни первый, ни второй выход ей не нравился.

Погруженная в тяжелые мысли, выбитая из колеи поцелуем и своей реакцией на него, а еще ласковым «Зайчонок» и глубоким бархатистым тембром голоса Барина, Груня и не заметила, как черный Мерседес припарковался около огромного торгового центра бытовой техники, который, как назло был открыт для покупателей до полуночи.

— Василий Павлович, — спохватилась Груня, — Не нужно, правда! Я этот в ремонт отнесу.

— Пигалица неугомонная, — вздохнул Барин, а потом, повернувшись к девчонке и заглушив движок, улыбнулся, — «Вася» в твоём исполнении мне нравится больше.

Барин вышел из машины, обошел ее, открыл Груне дверь.

Пигалица все еще сидела, глядя на него своими огромными глазенками. Спасибо, хоть перестала прижимать к себе сломанный фотик.

— Выходи, — хмуро проговорил Васька и протянул руку к сломанной игрушке пигалицы.

Не слушая ее возражений, забрал треснувший и отколотый в нескольких местах фотоаппарат, а другой рукой вытянул пигалицу из машины. Широким шагом Васька направился в сторону входа.

— Василий, ну что вы, в самом деле?! — ворчала Грунька, торопливо следуя за Васькой.

— Мы не на работе! — уже начинал терять терпение Васька, а потом заставил себя сбавить обороты, — Без отчества и на «ты». Мы же договорились.

Застыв у входа, Барычинский хмуро посмотрел на пигалицу. Растерянность никуда не делась из ее взгляда. И Вася вздохнул. Вот ведь, млин, а!

Барычинский решил, что сотрясать воздух не стоит. Может и не поверить. Но не говорить ведь ей после первого поцелуя, что никуда он ее теперь и не отпустит?

Поэтому, вздохнув еще раз, Васька рукой, в которой держал камеру, обнял девчонку за талию, придвигая к себе. А второй погладил по розовой щеке. Минуту он молчал, смотрел на нее сверху вниз.

И Груня тоже молчала, только хлопала ресницами. А потом очень сильно постаралась скрыть улыбку. Потому, что вид осторожно целующего ее в нос Василия Павловича несказанно ее веселил. Ей тоже хотелось сделать какую-нибудь милую глупость. Но пока Грунька выбирала, какую часть лица Барина она хотела бы легко поцеловать, мимолетно, едва ощутимо, он уже, улыбнувшись уголками рта, вновь потянул ее к дверям магазина.

Войдя в торговый центр и отыскав нужный отдел, Барычинский кивнул парнишке-консультанту. Продавец подлетел к потенциальному клиенту, дежурно улыбаясь.

— Вот типа такой, только фуфло не суй, — хмуро велел Василий Павлович в своей манере и вручил парню Грунькин фотоаппарат.

А Груня сокрушенно покачала головой.

— Мягче нужно быть с людьми, Василий Павлович, — пожурила пигалица Барина, — Улыбнулись бы, выразились цивилизованнее.

— Он что, баба, чтобы ему улыбаться? — хмыкнул Васька, а сам демонстративно поправил на девчонке пальто, а то вон какой шустрый мальй, и на аппаратуру смотрит и умудряется на его девчонку коситься.

— Вася, — вздохнула Груня, заглядывая парню в глаза, — не баба, а девушка. Выходит, что и я не баба? Мне ты тоже не особо улыбаешься.

Васька смотрел, как девчонка прячет под ресницами озорной огонек, как улыбается своими ямочками, провоцирует его, и одновременно отчитывает, как сопливого юнца.

— Вот эта модель новее вашей, — вторгся голос консультанта в их задушевно-воспитательную беседу, и Васька начал прикидывать, как бы вежливее попросить парнишку свалить подальше, но не успел, пигалица уже рассматривала предложенную камеру.

— Нет, эта сильно дорогая, — заявила Груня, отходя от Василия на пару шагов.

— Тогда могу предложить вот эту, — подошел парень к фотикю подешевле.

— Слышь, друг, — вмешался Барычинский, — Не лепи мне тут! Сказал, фуфло не требуется. Вот и предлагай что получше.

— Но, Василий Павлович! — подала голос пигалица.

— Не лезь, — мотнул головой Васька, а потом мягче, — Погуляй пока. Может, еще чего присмотришь.

Агриппина Ильинична секунду смотрела на Василия. И как это понимать? По какому праву он здесь раскомандовался, словно в «Барине» сидит!

— Знаете что, Василий Павлович, — прищурилась пигалица и, шагнув к парнишке-консультанту, забрала у него свой фотоаппарат, — Мне ничего не нужно. Я не просила. Отвезите меня домой.

— Грунь, брось, — вздохнул Васька, — Я не то хотел сказать. Я ж не подумал.

— А вот и зря, — встряхнула головой пигалица, а Васька понял, что вот ни черта он не понял.

Груня, развернувшись, гордо топала к выходу. А Васька, скользнув взглядом по стенду с товаром, выбрал самый дорогой, ткнул пальцем консультанту.

— Этот оформляй, — распорядился он, — В темпе давай.

А сам рванул за девчонкой. Нет, вот он что, пацан желторотый, бегать за ней? Матеря себя последними словами, среди которых мелькали фразы «каблук», «идиот» и «тормоз», Барин догнал Груньку на ступеньках центра уже на крыльце.

— Зайчонок, ну хватит, — обратился Василий, перехватив ее за руку.

— Мне не нужно ничего, правда, — поджала губы пигалица, — тот поцелуй не дает вам никакого права командовать мной.

— Грунька, — вздохнул Василий, — Ну вот такой я, понимаешь? Не могу ничего поделать. Хам и грубиян.

Груня смотрела на Барина, и злость испарилась. Мужчина стоял перед ней на ступеньке ниже. Их лица были почти на одном уровне. Хмурое и суровое лицо Васьки не отталкивало и не пугало. Наоборот, жутко притягивало. А потом, когда произошло совершенно неожиданное событие, Грунька и вовсе растерялась.

Уголки рта Барычиснского поползли вверх, а широкая улыбка заплясала на его лице.

— Ты красивая очень, — удивил ее Василий.

— Под зарплату, — вздохнула Грунька, понимая, что вот этой улыбке отказать не может.

— Красивая под зарплату? — переспросил с хитринкой во взгляде Васька, — Так я тебе каждый день буду зарплату выдавать.

— Дурной, — рассмеялась Груня, — Камеру под зарплату. В подарок не возьму.

— Пойдем, горе ты мое рыжее, — улыбался Василий, беря в плен ладони тонкую ручку пигалицы. Ага, под зарплату, как же.

— Василий, я серьезно, — потянула Грунька Барина за руку, заставляя остановиться.

— Так и я не шучу, — подмигнул Васька и потащил девчонку обратно в магазин.

Консультант уже маячил перед кассой. Васька, кивнув, забрал коробку с фотиком, вынул бумажник из кармана.

— Вася, — тихо прошептала Груня, — Эта не та камера.

Васька нахмурился, глянул на консультанта вопросительно. Дождался кивка.

— Та, не волнуйся, — улыбнулся Васька Груне и одновременно протянул кассиру кредитную карту, — Знаешь, я чет жра... проголодался. Тут недалеко есть кафе приличное.

— Отказаться я, конечно же, не могу? — поинтересовалась Груня, глядя на ямочку на щеке Барина. Милую такую, мальчишескую. И понимая, что да, отказаться она не сможет. Да и, собственно, не хочет.

* * *

Кафе было уютным, с удобными мягкими диванчиками и вкусной кухней. Нет, не такой, естественно, как у Михалыча, о чем Груня не забыла упомянуть. Васька только хмыкнул. После еды жутко хотелось курить, но он терпел, сидя напротив пигалицы и слушая ее веселое щебетание.

Основной темой стало творчество Шахова. Бася, едва заметно улыбаясь, рассказывал о приятеле без зазрения совести всю подноготную. О том, как они учились в параллельных классах, и как забитого пацана Ваню с жуткой фамилией Пупкин все в школе гнобили и опускали ниже плинтуса. А Васька по необъяснимым причинам вступился. Но после школы дороги разошлись. Единственным другом Барина стал Гера Черепанов, а с Пупкиным судьба вновь свела гораздо позже.

— Значит, подрабатываешь натурщиком в свободное время? — задорно поинтересовалась Груня.

— Да это было-то разок, — отмахнулся Василий, скользя по лицу пигалицы жадным взглядом. Кажется, он готов вот так просидеть всю жизнь, наблюдая за тем, как она пьет чай, помешивая сахар ложкой.

Барычинский вдруг наклонился немного вперед, опираясь локтями о стол, и рукой накрыл свободно лежавшую ладошку пигалицы.

— Давай завтра сходим куда-нибудь? — вдруг предложил Барин, а Груня замерла.

— А куда? — растерялась Грунька.

— Зайчонок, я не знаю, — честно признался Васька, перевернув ладошку и водя повнутренней стороне большим пальцем, — Я не мастак в романтических делах.

— Я так и поняла, — рассмеялась Груня, — Но на ваше предложение, Василий Павлович, вынуждена ответить отказом. Я завтра работаю.

— Фигня, — улыбался Василий Павлович, — Могу утрясти твой график. У меня блат в «Барине».

— Еще чего! — возмутилась Груня, а потом уже серьезнее, — Вась, правда, не нужно.

Васька промолчал, но уже от того, что руки она не убирала, позволяя проводить пальцами по нежной коже, он радовался и не собирался спорить.

Посидев еще немного, молодые люди вышли из кафе. Груня захотела опробовать новенькую камеру. И утащила Ваську в небольшой скверик, расположенный через дорогу от кафе. Барычинский не стал возражать. Какой там! Он был до одури рад видеть, как его зайчонок улыбается и смеется, щелкая затвором фотоаппарата, вызывая ответную улыбку у него и у случайных прохожих.

Когда в миллиардный раз она принялась щелкать Ваську на фоне очередного дерева, парень уже и не возражал. Ну, хочет, девчонка, пусть развлекается. А потом проходящая мимо парочка приветливо предложила сфотографировать Ваську и Груню вместе.

— Что вы, спасибо, не нужно! — улыбнулась Груня.

— Как это не нужно! — возмутился Васька, отобрал у пигалицы камеру, сунул ее в руки парню, а сам сгреб в охапку Груню.

Первое мгновение пигалица застыла в его руках. А потом немного расслабилась. И даже взглянула на него своими зелеными глазами. А Васька не удержался и склонился ниже, провел рукой по нежной щеке, выдохнул шумно, прижался своим лбом к ее и коротко поцеловал, чуть приподняв голову девчонку, удерживая за подбородок пальцами.

— На, держи, друг, — донесся до слуха Барина голос паренька-прохожего, — Хорошая фотка вышла. Можно и на стену повесить.

— Спасибо, — Васька взял камеру в руку, а второй все еще обнимал пигалицу. А потом нахмурился. Нос у нее был ледяной, — Замерзла? Двигаем к машине.

Быстрым шагом Васька увел Груню из сквера, а потом, усадив в машину, секунду думал, куда бы еще поехать.

— Перекурю и поедem, — пообещал Васька, и, дождавшись кивка, прикрыл дверь.

Барычинский курил, стоя рядом с машиной. Курил, стряхивая пепел в лужу. И думал. Больше всего, разумеется, хотелось взять пигалицу к себе. Но не дело это. Не время пока. Но хотелось до жути.

Выкурив сигарету, Васька сел за руль. Кондиционер работал, нагревая салон. А Груня, откинувшись на сиденье и пристегнувшись ремнем, тихо спала. Минуту Васька любовался красивым личиком. А может и больше. Не важно. А потом, вздохнув, тронулся с места. Спустя полчаса черный Мерседес уже был припаркован около знакомой пятиэтажки. Пигалица не спала, а положила ладошку на ручку двери.

Васька решил не тянуть, пусть и хотелось задержать ее рядом дольше. Вышел из тачки, обошел ее, открыл дверцу. Даже руку подал. А Груня улыбалась своими щечками-ямочками.

— Спасибо за чудесный вечер, — поблагодарила Пепел, — И за камеру. Я бы никогда такую дорогую модель не купила.

— Мелочи, — отмахнулся Барин, стоя близко-близко к девчонке, — Фотокарточку подаришь с автографом?

— Непременно, — пообещала пигалица.

Груня подняла голову вверх, словно ждала прощального поцелуя. Но Барин понял, вот поцелует ее сейчас и хрен отпустит. Именно поэтому, аккуратно щелкнув ее по носу, отступил на шаг.

— Беги, зайчонок, — выдохнул Барычинский.

Грунька послушно скрылась в подъезде. А Васька, опираясь бедром о крыло Мерина, закурил. Сигаретный дым улетал вверх, а парень смотрел

на знакомые окна и ждал, когда в них загорится свет. Но света не было. И Васька уже собрался было рвануть в подъезд, ну, мало ли, что там могло произойти. Но замер с сигаретой в руках.

Пигалица стояла у своего окна, отодвинув занавеску. Стояла и смотрела на него. И Васька смотрел в ответ. Долго смотрел, пока сигарета не догорела до фильтра, обжигая пальцы. Василий отвлекся на окурок и бросил его на землю, а когда поднял голову вверх, девчонка уже исчезла.

Сев в машину, Василий поехал домой, всю дорогу растягивая рот в счастливой, дурацкой улыбке. Часы показывали начало первого. Ночные дороги были свободны и не загружены движением, поэтому Барин быстро добрался домой. Отец уже спал в своей комнате. Васька, не включая свет, пошел к себе. Приняв душ, уселся на балконе. Ночное небо было звездным и безоблачным. И у Васьки появилась идея, куда на следующее свидание он поведет своего зайчонка.

* * *

Груня на рабочем месте появилась без опозданий, даже раньше на полчаса. Всю ночь она размышляла над ситуацией, в которой оказалась. Нет, она не жаловалась, но приняла определенное решение, единственно верное для нее.

Перед входом стояла машина Барычинского-старшего. А черный Мерседес отсутствовал. Что даже к лучшему.

Войдя в ресторан и поприветствовав парней, Груня отправилась в служебные помещения. И не как обычно, в комнату отдыха официантов, а в кабинет директора.

Коротко постучав и дождавшись разрешения войти, Груня приоткрыла двери.

— Пал Палыч, — поприветствовала девчонка начальство, — А можно отвлечь вас на несколько минут? Я быстренько.

— Входи, Грушенька, — махнул рукой мужчина и улыбнулся, — Что стряслось, девочка?

Груня вошла, а спустя десять минут вышла. В кабинет остался Пал Палыч. Задумчиво постучав пальцами по столу, вздохнул. Вынул мобильник и набрал номер телефона сына.

— Привет, Василий, — сдержанно поприветствовал он сына, — Ты где? Подъезжаешь? Хорошо. Жду тебя в кабинете.

Васька, ворча, сбросил вызов. Взглянув на телефон, пожал плечом.

Странный нынче батя. Но Барин не стал заострять внимания. Все равно через десять минут он уже будет в ресторане. Судя по времени, пигалица уже должна быть на рабочем месте. Но как же ему хотелось утащить ее оттуда, словами не передать!

Ресторан младшего хозяина встретил уютом, негромкой музыкой и занятыми столиками. Бизнес процветал, радуя владельцев. Но Васька не мог топтаться на месте, вот и открывал еще одно заведение в другом районе города. Стройка отнимала кучу времени, нервов и сил. Но все равно он умудрялся часами торчать в «Барине». Вот и сейчас, строители все нервы вымотали, а он рвался к зайчонку. Дорвался. Зашел в зал и увидел ее.

Пигалица бегала между столиками, приветливо улыбаясь клиентам, большая часть из которых были мужиками. Васька понял, что зубы опять свело. Нет, нужно как-то умудриться и утащить ее в укромный уголок. На секундочку. Просто поздороваться. Была бы его воля, утащил бы вот так, забросив на плечо. Но ведь возмущаться станет. Задавит его морально, совестью загрызет.

Васька вздохнул, проводив горячим взглядом, потопал в кабинет. Не зря же батя звонил, значит, нужен он родителю.

Войдя в кабинет, увидев отца за столом, Васька стянул куртку.

— Что за кипишь? — поинтересовался сын.

— А вот это ты мне расскажи, — хмуро сказал отец, протягивая сыну белоснежный лист бумаги, на котором каллиграфическим почерком были выведены красивые буквы.

— Че за хрень? — не понял Васька, вчитываясь в текст, — Какого...? Ну да, хрен там!

— Мне уже доставать ремень? — поинтересовался Пал Палыч, — Я ж предупреждал: обидишь — выпорю!

— Я все решу, — хмуро изрек Васька и, смяв лист в руке, сунул его в карман, а сам стремительно вылетел из кабинета, и уже в коридоре Пал Палыч разобрал рев сына «Вовчик!».

Барычинский — старший, улыбаясь, встал из-за стола. Осмотревшись, спрятал все острые предметы от греха подальше и освободил помещение, предполагая, что сыну оно в этот момент нужнее.

Спустя минуту Барин вернулся в кабинет. Отца уже и след простыл. Это даже хорошо, решил Васька. Почти следом за ним в комнату скромно вошла Груня.

— Вова сказал, вы хотели меня видеть? — тихо произнесла Груня.

— Угу, — согласился Васька, — Двери закрой.

— А надо? — опасливо поинтересовалась Грунька.

— Еще как, — хмыкнул Васька, присаживаясь на край стола и скрестив руки на груди, и, дождавшись, когда пигалица прикроет за собой двери, спросил, — Что за выкрутасы, Груня?

— Что, простите? — не поняла девчонка.

— Это, говорю, что за новости? — Васька развернул смятый листок и сунул его под нос пигалице, — Никакого увольнения! Поняла?!

— Василий Павлович, — возразила пигалица, вскидывая глаза на Барина, — Но я не могу так. Долг я буду выплачивать, на карточку переводить вам. Не переживайте.

— А по мне видно, что я переживаю? — прищурился Василий.

— Скорее, злитесь, — ответила Грунька, — Мне, правда, лучше уволится. Я не могу так. Я себя скомпрометировала. И не хочу, чтобы за моей спиной шептались.

— А мне наср... пофиг, кто там шепчется, — мотнул головой Васька, — Я тебя не отпускаю!

— Крепостное право отменили уже давно, — возразила Груня, — У нас свободная страна.

— Страна — возможно, — хмыкнул Васька, заставляя себя успокоиться и не психовать, — Но ты нет. Так что, выбрось глупости из головы. А неси лучше чаю.

— Чай принесу, — согласилась Груня, — Но работать не буду. По закону я....

Но Васька не дал ей договорить. Просто сгреб в охапку и прижал к себе.

— Я тебя не отпускаю! — властно заявил Барин и запечатал рот поцелуем.

В этот раз касания губ были иными, чем Груньке запомнились со вчера. Жестче, требовательнее, словно он действительно не отпускал, заставляя подчиниться своей власти. И Груня не имела сил противиться. Наоборот, как шальная, скользила ладонями по плечам, затылку, щекам, будто желая стиснуть парня еще крепче, прижать сильнее.

Груня и очнуться не успела, как Барин, подхватив, уже усадил ее на стол, руками лихорадочно водя по девичьей спине, плечам, затылку, горстями спутывая волосы, собранные в косу.

— И глупости не думай! — велел он, тяжело дыша и прерываясь между поцелуями.

— Вот именно поэтому я и хочу уволиться, — отвечала Груня, упираясь руками в широкую грудную клетку, — А вдруг кто-то зайдет? Я не хочу, чтобы парни считали, что я получила работу через постель!

— Почему? Боишься, что они станут требовать прибавки? Тоже через постель? — хмыкнул Васька, послушно выпуская пигалицу из рук.

— Ха-ха, — скорчила Груня рожицу, — Ничего смешного не вижу! Ужинать будете?

Фраза уже готова была сорваться с языка, мысленно повторяясь сотни раз. Ох, он бы с радостью отужинал одним солнечным зайчиком, вредным таким и неугомонным. Но вместо этого кивнул.

— А ты ела? Давай вместе? — с надеждой спросил Васька, алчно глядя на одну расстегнутую пуговку у шеи. Странно, а раньше он не позволял себе вот так открыто пялиться на нее.

— Нет, я не голодна. Дома у бабушки поела. Кстати, она шлет тебе привет, — вздохнула Груня, поправляя одежду и демонстративно застегивая пуговицу на блузке, — Интересовалась, когда ты явишься отведать ее пирогов с мясом.

— Так уже лечу! — подмигнул Васька, а Груня непроизвольно улыбнулась в ответ. Таким веселым Ваську она еще никогда не видела.

— Дудки! — строго заявила Груня, — Ужин принести в зал?

— Конечно в зал, — кивнул Васька, — Ты ж не хочешь со мной. Фиг ли мне в одиночку есть.

— Курить будете? — поинтересовалась Груня, делая шаг к двери и зорко следя за парнем, чтобы не делал резких движений в ее сторону, — За пятый посадить?

— Не буду, за обычный сади, — Баська демонстративно разорвал заявление об увольнении и выбросил его в мусор, — И без меня домой чтобы не убегала. Ясно?

— Узурпатор! — уличила Груня Барина и вышла из кабинета.

Уволиться не вышло. Значит, нужно выпутываться как-то иначе. Да, честно признаться, она бы и сама, наверное, не ушла. Уж очень сильно нравилось ей в «Барине». Как и сам младший владелец ресторана.

Глава восьмая, в которой Василий Павлович примерит на себя образ романтичного тайно влюбленного рыцаря

Груне казалось, что все парни-официанты смотрят на нее слишком уж загадочно. А Саша-бармен вообще улыбается и странно подмигивает. Принеся расчет очередному столику, Груня поискала взглядом вероятную причину пристального внимания со стороны сотрудников. Нашла.

Василий Павлович, выпивая уже третью чашку чая, не сводил с нее своих карих глаз. На его спокойном лице красовалась улыбка, а в глазах — хитрый блеск.

Груня отвернулась от начальства. Но затылком чувствовала горячий взгляд парня, который пробуждал все воспоминания, как вчерашние, так и сегодняшние.

Прихватив от Сашки очередную чашку с чаем и салфетки, Груня отправилась устраивать нагоняй Василию Павловичу.

Приблизившись, девчонка заменила чашки и взглянула строго на Барина.

— Прекратите пялиться! — шепотом потребовала она.

Василий только усмехнулся, и весьма правдоподобно удивился:

— Я? Да ни разу не было!

— Василий Павлович, — еще тише проговорила Груня, — Правда, неудобно перед парнями.

— Прости, но на них пялиться я не буду, — хмыкнул Васька и как-то незаметно для Груньки коснулся ее ладони пальцем, проведя по внутренней стороне, — Когда, говоришь, бабушка пироги печет?

— Вы, Василий Павлович, просто невозможный тип! — сокрушенно проговорила Груня и отошла от столика.

А Васька, улыбаясь, следил за ее фигуркой. Нет, вот так сидеть и глядеть на нее издали, конечно, хорошо, но не помешало бы придумать, как утащить ее в кабинет. Хотя, была бы воля Баси, он бы и прилюдно поцеловал ее. Ему-то скрывать нечего, наоборот, хотелось показать всем и каждому, девчонка эта — его.

Пигалица, словно прочитала его мысли, обернулась и недовольно прищурилась. Что ж, вздохнул Васька, пусть работает, если хочет. Тем более и у него скопилось несколько срочных и неотложных дел, по которым

не помешало бы сделать пару звонков.

Как только Барин скрылся в кабинете, Груне вмиг стало легче дышать. Пару раз она относила младшему хозяину чай с пирогом. И торчала там по тридцать-сорок минут. Не по своей воле, естественно. Василий просто не выпускал ее, шутя и дурачась. А поскольку парня в таком настроении она еще ни разу не видела, то не особо торопилась выбраться из «заточения».

Когда ресторан был закрыт, и Груня вместе с сотрудниками вышла из здания, то сразу же наткнулась на припаркованный черный Мерседес. Парни неожиданно исчезли, а Груня, вздыхая и понимая, что вся конспирация улетела к чертям, села в машину с тонированными стеклами.

— Привет! — улыбнулся водитель, — Как работа?

— Привет! — изогнула Грунька бровь, — Неплохо. Шеф, правда, со странностями. Приставучий. А в остальном все замечательно.

— Это который? — черное авто медленно тронулось с места, — Старший или младший?

— Младший, — хмыкнула Груня, наблюдая за водителем, — Старший — просто замечательный человек. А вот его единственный сын — невоспитанный и упрямый хам.

— Че сразу упрямый? — насупился Васька, — Нормальный я.

— Вась, — вздохнула Груня, — Я ведь просила, чтобы в ресторане не узнали. А ты как ребенок.

— Зайчонок, — вздохнул Васька, предполагая, что подобный разговор рано или поздно должен состояться, — Это мой ресторан. И мне плевать, кто и о чем чешет языком.

— А мне не плевать! — возразила Груня.

Во время разговора Василий уже успел преодолеть практически весь путь до дома Груни. И, включив сигнал поворота, съезжал с дороги во дворы.

— Я не могу так, когда все кругом смеются надо мной и шушукуются, — возмущалась девчонка.

— Да насрать, — вздохнул Васька.

— А мне нет! — потрянула головой Груня, — Не мог бы ты вести себя иначе в зале в мою смену?

— Как? — Васька заглушил двигатель и барабанил пальцами по рулю, вот не нравился ему затеянный пигалицей разговор, напрягал.

— К примеру, не требовать, чтобы я обслуживала твой столик, и в кабинет ужин и обед чтобы относили парни, — предложила Груня.

— Зайчонок, не пори чушь, — хмыкнул Васька, — Ты слишком заморочилась на эту тему.

— По-другому я не умею, — отвернулась Груня к боковому окну и скрестила руки на груди, — Уж простите, Василий Павлович, я такая, какая есть.

— Угу, — вздохнул Васька, проводя ладонью по лицу, понимая, что пигалица слишком уж завелась на ровном месте.

— Мне вообще начинает казаться, что все это неправильно, — уже тише прошептала Груня, — Ошибка все.

— Чё? — вскинул голову Василий, — Ты сейчас о чем?

— Обо всем, — пояснила Груня, — Мне кажется, я не очень подхожу вам. Вернее, вообще не подхожу.

— Чет я не догоняю, — сознался Васька, сквозь прищур глаз глядя на девчонку.

— Я не знаю... я совсем запуталась, — призналась Груня, — И я устала. Мне пора идти.

— О, как, — хмыкнул Васька, чувствуя, как внутри растет гнев и отрицание происходящего, — Беги, раз уж пора.

Васька не предпринял попыток ее удержать. Только смотрел, как пигалица идет от машины к подъезду, как хрупкие девчоночьи плечи опустились и голова поникла. Долго Василий Павлович терпеть не смог. Выскочил из машины, догнал пигалицу и рванул на себя.

— Ты меня когда-нибудь доведешь до дурки, — отчаянно прорычал Барин, схватив девчонку за плечи и встряхнув разок, — Никакая не ошибка. Поняла?

Груня старательно прятала глаза, мутные от появившихся в них слез. А руки сами собой легли на плечи парня. Хотелось прижаться к его горячему и надежному телу, но не рискнула. Ведь привыкнет. Что делать потом будет-то?

Но Васька и сам уже все решил. Сам прижал девчонку ближе, заставляя уткнуться носом в шею.

— Запуталась — распутаем, — тихо говорил Васька, — дел-то на копейку.

Груня выдохнула, из груди вырвался тихий нервный смешок.

— Мне нужно время, — наконец, призналась девчонка, — Самую капельку.

— Понял, не дурак, — пробормотал Василий, — Эту неделю, так и быть. Но с понедельника прятаться я не буду.

— Две недели, — настояла Груня.

— Неделю, — не сдавал позиции Барин, — Но обещаю обедать только в кабинете. И постараюсь не паять. Только сразу скажу, это очень тяжело.

Ты у меня такая красавица.

В ответ Груня захихикала. Вот что с ним делать, с этим Баринном?

Вернуться в машину пигалица отказалась, как и поехать куда-нибудь. Идти к девчонке в гости среди ночи и тревожить бабушку — Васька не рискнул. Поэтому постояв в темноте в обнимку, Васька отправил девочку домой. Но прежде, чем она скрылась в глубине подъезда, вынул с заднего сиденья длинный тубус.

— Вот, Ваня передал, — тубус перекочевал в руки Груне.

— Марк? — переспросила девчонка с ожиданием в голосе.

— Ну, — хмыкнул Васька.

Груня поторопилась открыть тубус. Черно-белый холст приятно охлаждал кончики пальцев. И Груня поняла, что по-детски счастливо улыбается.

— Беги, пока не простыла, — проворчал Васька и на прощание коротко поцеловал пигалицу жарким поцелуем.

Груня торопливо скрылась в подъезде, оглянувшись уже в дверях. Васька дождался, когда в окнах третьего этажа загорится свет, и уже потом только медленно уехал.

* * *

Оказавшись в комнате, жадно прилипнув к окну и провожая взглядом скрывающиеся в темноте улицы красные огоньки Мерседеса, Грунька вздохнула.

Еще утром, казалось бы, девчонка нашла выход из сложившейся ситуации. И даже написала заявление об уходе. Но Василий отказал ей в весьма категоричной форме. И домой подвез, и вновь целовал, да так, что мысли до сих пор путались.

Отойдя от окошка, и сев на кровать, уже привычно нырнула рукой под подушку, Грунька вынула небольшую светло-розовую книжку, в которой между страницами она хранила все дорогие ее сердцу фотографии. На первом развороте были вклеены фотокарточки родителей, погибших вскоре после ее рождения. На втором — тетушка Нюра и бабушка — два самых дорогих и самых близких человека, вырастивших ее, две сильные и негибаемые женщины.

Дальше шли фотографии дома, друзей, подруг, одноклассников, одноклассников. Груня вздохнула, перелистывая самодельный альбом ее памяти. Дотянулась до рюкзака и вынула небольшой конверт из его недр. В

конверте были распечатаны новые фотографии, которые девчонка собиралась вклеить в памятный альбом. О том, где Груня разместит новые кадры своей жизни, долго думать не пришлось. Разворот, одна сторона которого удерживала плотную обложку, а вторая начинала альбом, пустовал. Не было надписей и рисунков. Но Грунька поняла, что именно с этой страницы она хотела бы вспоминать свою жизнь, возвращаясь к ней, когда грустно.

Вооружившись клеем, Груня тщательно смазала обратную сторону фотографии и аккуратно прогладила ладошкой по внешней стороне. Улыбка появилась на лице девушки, когда глаза замерли на мужественном лице, на скрытой в глубине карих глаз улыбке, на коротком ежике темных волос, на крепких и властных руках, прикосновение которых она отчетливо помнила. Помнила и то, как гулко стучало ее сердце, когда незнакомец щелкнул ее камерой, поймав в объектив пару: парень обнимал девушку и смотрел на нее с мягкой улыбкой и их губы вот-вот сольются в нежном поцелуе.

Грунька вздохнула, смущенно и вместе с тем счастливо, когда вклеивала второе фото, то самое, с поцелуем.

Проводя кончиками пальцев по изображению мужчины, Груня улыбалась. Нет, ей категорически не верилось, что все это происходит с ней наяву. Вот не может такой мужчина, как Барычинский ухаживать за ней. Не может и все тут.

Отложив альбом, Груня развернула портрет от маэстро. Еще одно событие в ее жизни, которое просто не могло случиться с ней. Не в этой жизни точно. Но оно случилось. Она лично познакомилась с одним из самых талантливых фотографов современности, и более того, позировала ему. Но этот факт смазался на фоне красоты мужского тела.

Не задумываясь, как будет пояснять бабушке свой поступок, Груня аккуратно приклеила фотографию на пустую стену. С трудом холст поместился, но пришлось передвинуть кресло ближе к окну. Зато можно было лежать в кровати и любоваться мужской фигурой.

Чем и занялась Груня, наспех приняв душ и забравшись под одеяло в пижаме. Теперь, когда не было свидетелей, можно было признаться самой себе. Барычинский — сногшибательный мужчина. Пусть хам и грубиян, но он красив, честен, справедлив и, что уж скрывать, невероятно сексуален.

Грунька, лежа в полумраке комнаты, рассматривая в отблеске ночной лампы фигуру Барина, понимала, что он ее невероятно привлекает. Каждое мгновение, когда она видела Барина, она хотела прикоснуться к нему, провести руками по плечам, шее, груди. А сейчас, когда она увидела его

полуобнаженного, пусть и на фото, а не вживую, то желание потрогать и пощупать становилось почти непреодолимым.

Прижав свою подушку ближе, Грунька почувствовала, как по телу бегут странные непонятные волны, приятные, но опасные. Крепко зажмурившись, девчонка вжалась лицом в подушку.

— Засранец! — простонала она, понимая, что даже на расстоянии он уже заполучил власть над ней.

Да только Груня все еще боялась поверить, боялась, что их отношения обречены на провал, и именно поэтому собиралась сопротивляться до последнего, насколько хватит сил.

* * *

Следующая пара дней для Груни показались мучительными, и в то же время замечательно-прекрасными.

Барин, как она и просила, в рабочее время к ней не лез, издали не смотрел пристально, в кабинет не звал, обедал в одиночестве. Все, как она просила. Но... Но поняла, что ей не хватает их перепалок, его пресловутого «чё» и взгляда нахальных карих глаз. Нет, Барин ее по-прежнему поджидал после смены в машине за пределами здания и отвозил домой. Даже если Василий не появлялся в ресторане, то все равно ждал Груню к концу рабочей смены. Все эти дни их прощания были долгими, страстными, неожиданно откровенными для Груни.

Васька не позволял себе лишнего, но и не останавливался на простом пожатии руки и коротком прощальном поцелуе. Стоило машине припарковаться во дворе, как что-то неразборчиво ворча, Барычинский перетаскивал девчонку на колени и зарывался руками в огненные волосы, стягивая с них смешную шапку и не слушая возражений Груни.

А потом, спустя час или два, а может быть и три, отпускал ее домой. И уже лежа в своей одинокой девичьей постели Грунька воображала, как «это» все у них случится. Поскольку опыта не было, Груня перечитала парочку откровенных романов, найденных в сети. Краснела густо, фантазировала, глядя на фотку Барина на стене, мысленно посылая ему такие же мучения, и засыпала.

На третий день девчонка решила послать все лесом. Да, ее ультиматум долго не продлился. Даже неделю она не смогла вытерпеть. Но что делать, если чувства требовали выхода, а сердце — ласки и любви.

После занятий Груня непривычно быстро мчалась на работу. Сегодня

она собиралась сама принести Барину ужин в кабинет, и, если наберется смелости, то первая его там и поцелует. Без пояснений. Пусть сам все решает и понимает.

Решительно кивнув своим мыслям, Груня влетела в ресторан, переделась. Вовчик, коротко кивнув ей и улыбнувшись, тихо велел идти к Михалычу за готовыми блюдами для VIP-кабинки.

— А Василий Павлович уже появился? — покраснев, решила спросить Грунька.

В случае отрицательного ответа девчонка готова была даже первой позвонить Барычинскому, чего зареклась никогда и ни при каких обстоятельствах не делать, глядя, как после первого «взрослого» поцелуя Василий собственноручно вбивает свой номер в ее телефон.

— Да там и сидит с гостями, — мотнул головой Вовчик, не обращая внимания на девчонку, поскольку был занят просмотром брони на вечер.

Груня улыбнулась и, расправив плечи и удобнее перехватив поднос с тремя горячими блюдами, решительно вошла в указанную кабинку.

Ее сердце пело от принятого решения, тяжесть груза сомнений больше не давила. Решив прыгнуть в водоворот чувств, Грунька осознала, насколько прекрасен мир вокруг. Да, обжигает. Пусть. Но иначе невозможно дышать полной грудью.

Дверца кабинки подалась легко. Войдя, Груня коротко поздоровалась с гостями. Да так и замерла.

— Привет! — ответила Елена Черепанова, чуть больше недели назад бывшая Соколовой, — А ты, оказывается, здесь работаешь?

Казалось бы, изумлению девушки не было предела, но в красивых глазах плясали веселые искорки.

— Да, — кивнула Груня, расставляя тарелки перед гостями и непривычно молчаливым Бариним, — Здравствуй, Герасим! А я ваши фотографии почти обработала. Скоро скину на диск и отдам.

Груня, вежливо разговаривая, в основном смотрела на Василия. А тот, удостоив ее мимолетным кивком, переключил внимание на друга и его жену.

Изначально Груня решила не обращать на это внимания. Она ведь сама просила именно об этом. Да только сейчас, когда она все для себя решила, Барин ведь должен вести себя иначе. Или нет?

Спустя полчаса Груня вновь была отправлена Вовчиком к шефу, но уже в директорский кабинет, где расположился младший хозяин ресторана и Черепановы.

Груня вошла, неся перед собой чашки и чайник фирменного чая

Михалыча. Открыв дверь, Груня так и застыла в дверном проеме, услышав любимый голос, в котором искрился смех и сквозили бархатные нотки, которые она так любила.

— Леночка, бросай ты этого идиота, — ласково увещевал Барычинский, — Выходи за меня? Разве он тебе еще не надоел?

— Василий Павлович, — весьма серьезным тоном произнесла Елена, — Я уже говорила, вы не в моем вкусе.

— Леночка, признайся, я ведь лучше? — не унимался Василий Павлович.

А Груня прикрыла глаза. Вот так.... И почему она не послушалась разума? Почему сердцу позволила решить все за нее?

Чашки предательски звякнули, и Груня поняла, что ее приход не остался незамеченным. Приклеив дежурную вежливую улыбку к губам, девчонка подошла к столу, спокойно, насколько позволяли едва заметно подрагивающие руки, поставила чашки, чайник, и собралась незаметно исчезнуть из кабинета, а потом, если получится уговорить Владимира — из ресторана. Душа просила убежать, скрыться, провалиться сквозь землю.

Выпрямившись и тихо пожелав приятного чаепития, Груня шагнула к двери. Не успела. Твердая рука перехватила ее запястье.

Грунька предпочла не смотреть на хозяина этой руки. В его предательские красивые глаза, которые лукаво и с озорством только что смотрели на другую. Что обычно делают в таких ситуациях? Груня не знала. Но настойчиво и аккуратно выдернула свою руку из крепкого захвата и вышла из кабинета, тихо прикрыв за собой дверь.

Стоило деревянной преграде отсечь ее от компании, как Грунька пустилась бегом, на ходу срывая с себя фартук.

— Вова! — встретила Груня непосредственное начальство с радостью, — Мне нужно срочно уйти. Срочно!

— Беги, — отпустил Вовчик, отступая и освобождая путь девчонке.

Не успела Грунька схватить свою куртку, и, совершенно позабыв о сапожках, скрыться в переулке, в который вел черных выход ресторана, как на Вовчика наткнулся переполошенный Барин.

— Где пигалица? — потребовал ответа Васька.

— Отпросилась, — пожал плечом Вовчик.

— Какого хрена ты ее отпустил? — взревел недовольный шеф, но Вовчик предпочел проигнорировать. Ничего, пусть побегает, Барину полезнее будет и ценнее.

Груня бездумно бродила по городским улочкам, погруженным в сумерки. Красивые старинные постройки, набережная, даже ярко-желтые листочки, одевшие деревья в парке — ничего не радовало глаз юного фотографа. Перед глазами стояло смеющееся лицо Васи, а в ушах звенел бархатистый голос, вновь и вновь повторяющий «Я ведь лучше?».

Лучше. Так и хотелось крикнуть во все горло. Но Грунька только глубже спрятала руки в карманы крутки. Ноги в балетках давным-давно промокли, но девчонка, казалось бы, не замечала этого.

Больше всего ее в этой ситуации ранило то, что Елена — замечательный человек. Нет, вполне понятно и логично, что Васька влюбился именно в такую девушку: красивую, изящную, с чувством юмора, обеспеченную.

Нет, Грунька, будь парнем, и сама бы влюбилась именно в нее, а не в девочку вроде себя: рыжую, курносую, конопатую сироту без особого содержания.

Сумерки сменились темнотой ночи, а Грунька все бродила по набережной, пока зубы не принялись отстукивать барабанную дробь. Бросив мимолетный взгляд на мобильный телефон и ахнув от времени, прошедшего с момента ее стремительного ухода из «Барина», Груня поняла, что пора бы идти домой и ложиться спать.

Оказавшись около дома бабушки, Груня даже и не предполагала, что Барычинский может появиться где-то рядом. Но он стоял, подпирая рукой дверцу машины и смотря на приближающуюся девчонку исподлобья.

Финт с незаметным проскальзыванием мимо припаркованного Мерседеса не прошел. И Грунька остановилась, когда Барин преградил ей дорогу.

— Где была? — спросил он резко.

— Неотложные дела, — повела плечом Груня, избегая требовательного взгляда карих глаз.

— А Надежда Вадимовна утверждала, что дел у тебя на сегодня нет, — прищурился Барин, — Говорит, нет у тебя планов, кроме работы. С которой, кстати, ты срулила.

Груня повела плечом, словно говоря, что вести беседы с Бариним не собиралась.

— В чем дело? — Васька не унимался, всем телом преградив путь пигалице.

Ему до чертиков не нравилась ее бледность, тусклый взгляд и промокшие ноги в легких туфлях в сырую погоду.

— Пусти! — Груня опустила взгляд на крепкую ладонь парня, сковавшую ее запястье.

— Где ты была? — не унимался Васька, уже готовый взорваться прямо здесь, около подъезда.

— Не твое дело! — Груня вскинула голову, открыто и враждебно смотря в карие глаза, — Не твое!

— Слышала, значит, — хмуро кивнул Васька, не спуская взгляда с девчонки, — Грунь, это только треп с Ленкой. Понимаешь? Приколы такие.

— Мне, как вы, Василий Павлович, любите повторять, — спокойным и ровным тоном произнесла пигалица, — Глубоко пофиг. Но скажу одно, я знаю Елену с самого детства. Вижу, как сильно она любит мужа. Так что, вам, Василий Павлович, ничего не перепадет.

— Ты вообще слышишь, что я говорю?! — взревел привычным ревом раненого бизона Василий, — Млять! Мне ты нужна, а не жена друга!

— Это все досадное недоразумение, — повела плечом Груня, отходя от мужчины на шаг назад и сбрасывая его руки со своих плеч, — Фотоаппарат я верну. Или возьму деньгами.

— Да твою же мать! — выругался Васька и, не обращая внимания на сопротивление девчонки, потащил ее в машину, усадил в салон, в сердцах захлопнул дверь и стремительно обошел тачку.

— Выпустите меня, — спокойно говорила Груня, глядя прямо перед собой, — А вообще, Вась, я тебя понимаю. В Елену невозможно не влюбиться.

— Твою же Бога душу мать! — взревел Васька окончательно выходя из себя, — Ты глухая? Я не люблю Ленку! Не люблю! Поняла?!

Груня смолчала. Только переплела пальцы рук между собой, сложив их на коленях.

Спокойствие девчонки убивало Ваську. Рванув машину с места, Барин вдавил педаль газа в пол. От ее спокойствия и отчужденности Басю бросало то в пот, то в жар. Ведь говорил Герыч, болтливость до добра не доведет. Не довела.

Ваське хотелось тормознуть тачку и на словах, на жестах, на чем угодно разъяснить, что никакая Ленка ему не нужна. А вот эта самая пигалица, упрямая и вся такая правильная, нужна по самые гланды, по самую печень нужна, да по все органы!

Но Барин понимал, что в машине разговора точно не получится. Просто потому, что ему нужно смотреть в глаза девчонки, чтобы читать в

них все ее чувства. Если они имелись.

Ближе всего находился ресторан, который уже парни закрыли, и Вовчик сбросил сообщением краткий отчет. Припарковавшись у черного входа, Васька заглушил движок.

— Я не пойду, — спокойно произнесла Груня.

И ее тихий, но уверенный голос, совершенно непробиваемое, на первый взгляд, лишенное эмоций лицо окончательно вывело Барычинского из равновесия. Выскочив из машины и с такой силой захлопнув дверцу, что машина качнулась в стороны, Барин двинул кулаком по задней двери, пытаясь спустить пар. Не вышло, буря все еще клокотала внутри, требуя выхода.

И Васька сам испугался своего буйства и взрывного характера. Испугался тех последствий, которые могли повлечь за собой его несдержанность и темперамент. Больше всего он боялся, что ослепленный яростью причинит вред пигалице. Хрупкой и ранимой, но способной одним словом вывести его из равновесия.

— Вась? — голос был тихим, едва различимым на ветру.

Ваське показалось, что бредит.

Поднял голову, поймал взгляд, зеленый и задумчивый, поверх машины. Девчонка вышла и стояла по ту сторону Мерса, глядя прямо на Барина.

В бессилии, опираясь руками о дверцу и крыло, Василий, сжав рот в прямую линию, смотрел на девчонку, стоящую в полутора метрах от него. Она была до чертиков спокойна. На первый взгляд. А в глазах — мокрые озера слез. В руках шапка.

— Шапку надень, на хрен! — процедил Бася сквозь зубы, и опустил голову на руку, упираясь лбом в машину. Закрыл глаза.

А когда открыл, девчонка уже стояла рядом и несмело прикоснулась рукой к его склоненному затылку. Злость и ярость мгновенно, и почти бесследно, исчезли. Оставив после себя горький привкус.

— Мне не нужна ни Ленка, ни Машка, ни Глашка, — тихо проговорил Васька, но он знал, Груня его прекрасно слышит, — Ты нужна. И больше не будем об этом.

Васька повернул голову, девчонка стояла рядом, продолжая несмело поглаживать его напряженную шею и затылок, словно пыталась снять напряжение, сковавшее все тело.

— Дура да? — тихо прошептала Груня, а Васька уже не мог просто так стоять. Сгрел девчонку в охапку и прижал к себе, сильно, крепко, словно не видел сто лет, а скучал еще дольше.

— Сквернословить это по моей части, — проговорил Василий, обнимая податливое тело.

— С кем поведешься, так тому и надо, — ответила Груня, прикрывая глаза от переполнявших ее чувств.

— Если заболеешь, пеняй на себя, — пригрозил Бася, приподнимая Груньку над землей, — Из меня поганый доктор.

— Не заболею, — пообещала Груня.

Васька только хмыкнул, закрыл машину, поставил на сигналку. И повел пигалицу в здание, и выпустил из рук только, когда оказался в кабинете. Усадил девчонку на диван, хмуро уставился на мокрые туфли.

— Снимай, — скомандовал парень.

— Вась, да нормально все, честно, — улыбнулась Груня.

— Не снимешь, сниму сам, — пригрозил Васька, подходя к бару отца и выискивая открытую бутылку водки.

Алкоголь нашелся сразу. Груня, неожиданно для Василия, тихо ворча что-то под нос, стягивала мокрые носки. А Барин, устроившись напротив пигалицы пятой точкой на небольшом, но крепком столике, ухватил широкой ладонью изящную стопу. Не отказал себе в удовольствии и провел пальцами по обнаженной лодыжке. А потом отлив немного водки в ладонь, принялся растирать мокрые и ледяные ноги. Вторую ступню постигла та же участь. Закончив, Барин укутал ноги в плед, лежавший на диване, и усадил Груню удобнее.

— Не вздумай шевелиться, — пригрозил Васька и испарился за дверь, оставив ее открытой.

Груня, улыбаясь и пряча смех в ладошки, слышала, как хозяин ресторана, матерясь и не стесняясь в выражениях, бродит по кухне, чем-то гремит, с кем-то говорит по телефону. Спустя пятнадцать минут, Василий вернулся. В руках он держал поднос с чайником, двумя чашками, и большой тарелкой свинины с овощами под соусом от Михалыча.

Гуляя озорным взглядом по тарелке, рукам, разливающим чай по чашкам, по лицу с упрямо сжатыми губами, Груня поняла, что ужасно голодна. Васька сел рядом, вручил девчонке вилку, поставил на колени тарелку, подложив под нее салфетку, и хмуро скомандовал:

— Ешь.

— Прости меня, Васенька, — вздохнула Груня.

— Не обиделся, — хмурый взгляд от ласкового обращения стал чуточку теплее, — Ешь.

Груня предпочла не перечить. Послушно осилила добрую половину порции и запила чаем.

— Я, правда, тебе нужна? — тихо прошептала Груня.

Пока пигалица ела, Бася устроился на диване рядом с девчонкой, немного съехав по спинке. Ноги он сложил прямо на столик, предварительно сбросив ботинки на пол. Парень пил горячий ароматный чай, чуть прикрыв глаза. И, кажется, вот-вот готов был уснуть.

Услышав вопрос пигалицы, Васька вздохнул. Нет, все-таки слов ей явно не достаточно. Значит, пора переходить к жестам.

Убрав чашку из своих рук, оставив и тарелку Груни в сторону, Васька обнял хрупкие плечи, и устроил девчонку под своим боком, уложив ее ноги на свои колени, зорко следя за пледом, чтобы не раскрылся и не съехал. Рукой он обхватил пигалицу за затылок, не позволяя двинуться. Да она и не собиралась, судя по теплому и нежному взгляду.

Поцелуй был осторожным. Таким, словно Васька боялся испугнуть нежное и ласковое счастье, словно хотел бережно удержать теплый и уютный свет, из которого состояла Груня, своими грубыми руками.

Поцелуй был глубоким и чувственным, словно Васька учился дарить нежность и ласку близкому и любимому человеку, и боялся перешагнуть ту черту, после которой уже трудно будет остановиться, черту, за которой царил только страсть и сумасшедшее желание.

— Правда, зайчонок, — тихо ответил Василий, позволяя девчонке сделать вдох.

Груня опустила голову на грудь парню. А руками скользнула по спине и груди, обнимая, обволакивая его и крепко-крепко прижимая к себе. Улыбка играла на губах девчонки, а веки стали вмиг невероятно тяжелыми.

— Кажется, я усну и скомпрометирую тебя и наши отношения, — прошептала Груня, вздыхая.

— Я сам уже все скомпрометировал, — хмыкнул Васька, блуждая руками по рыжим локонам, затылку, плечам, спине, — Как-то фраза Вовчику «Куда ты дел мою девчонку?» заставляет сделать определенные выводы.

— Так и сказал? — улыбнулась Груня, прижимаясь щекой к мужскому свитеру.

— Помимо прочего, — тактично увильнул от ответа Васька, — По камерам посмотришь. Завтра.

— Боюсь, мне будет за тебя стыдно, — шептала Груня, уже почти засыпая, на столько было уютно и тепло в руках Василия, — Кричал, хамил и сквернословил, наверное.

— Не без этого, — согласился Василий Павлович, пряча нос в волосах своего зайчонка.

— Возьмусь я за тебя, — пригрозила Груня.

— Да я уже почти ручной, — признался Васька, но пигалица его уже не слышала. Девчонка спала, прижавшись щекой к сильному телу Барина.

А наутро Ваську, который за несколько часов сна успел сменить положение и развернуть спящую Груню и уложить удобнее на диване, разбудило появление отца.

Пал Палыч вошел в кабинет, замер на пороге, хмуро взглянул на сына.

— Вась, ну как дети, — тихо проговорил отец семейства, — Привез бы уже к нам. Будто места в доме мало, по ресторану бегаете.

— Так вышло, — пробормотал Василий, потирая лицо ладонью. Вторая была полностью отвоевана Грунькой и использовалась в качестве подушки.

— Помирились хоть? — улыбнулся Пал Палыч.

— Да и не ругались вроде, — губы Васьки растянулись в улыбке, — Я же подумал. А не пора ли мне мотнуться на знакомство с родней? Давненько я в деревнях не был.

— Ты там ни разу не был, — напомнил отец, — И зови-ка Грунькиных к нам. Сюда или домой, сами уж решите.

— Поговорю, — согласился Васька, — Бать, дай еще пару часов. Пусть поспит.

— Убегаю, — улыбался Пал Палыч, прикрывая за собой дверь кабинета и оставляя сына наедине со спящей девчонкой.

Глава девятая, в которой появятся новые и старые знакомые

Пигалица просыпалась смешно. Сначала взмахнула густыми ресницами, сонно протерла глаза кулачками, села, осмотрелась, вновь взмахнула рыжими веерами, испуганно глянула за окошко, где всюду светило солнце.

— Обалдеть! — подпрыгнула Грунька на диване, упираясь руками в широкую грудь лежащего рядом парня.

— Обалдеть! — повторила она, торопливо перебираясь через Барина и становясь на пол босыми ступнями.

В ответ Васька тихо заржал, наблюдая на лице пигалицы растерянность, неверие, и, кажется, даже панику.

— А сколько сейчас? Черт! Бабушка мне голову открутит! Я дома не ночевала! И занятия! Я ведь опоздаю!

— Не трясись, зайчонок, — весело выдал Барин, пребывая в наилучшем расположении духа, — Успеет. А бабуле твоей я позвонил час назад.

Груня схватила телефон и принялась изучать список пропущенных звонков и входящих сообщений.

— Тетя Нюра звонила?! Боже мой!

— Звонила, — улыбался Барычинский, вставая с дивана и натягивая снятый среди ночи свитер, — Занятная у тебя тетка. Устроила мне допрос с пристрастием. Она случайно не прокурор?

— Что ты ей рассказал?! — потребовала Грунька, замерев с носками в руках.

— Правду, только правду и ничего кроме правды, — шутливо отчитался Васька, даже руку поднял правую, как в кино.

— Вась! — нахмурилась Грунька, — Я серьезно! Потому что, если она начнет волноваться, то прилетит сюда. А волноваться ей нельзя. И город она не любит. Вообще.

— Грунь, да я нормально с ней поговорил, — вздохнул Василий, понимая, что девочка не настроена на шутливую волну, — Не хамил. Не тупил. Даже поздоровался вежливо. Сказал, что к тебе у меня супер-серьезные намерения.

— Все, точно приедет, — вздохнула Грунька.

— Думаешь, все настолько плохо? — хмыкнул Васька.

— Вась, когда ты своим басом говоришь, что все серьезно, — нахмурилась Груня, — Это звучит, как минимум, страшно.

— Да ладно, — махнул Бася рукой и присел около девчонки на диван, — Позавтракаем, а там придумаем, что да как. Идет?

Груня даже улыбнулась, глядя на уверенное и мужественное лицо парня. Нет, когда он не рычит и матерится, то вполне себе похож на обычного среднестатистического мужчину. Васька засучил рукава свитера, чем привлек внимание глаз Груни к своим мускулистым рукам.

Нет, нет в нем ничего среднестатистического — решила девчонка. Тетушка точно придет. И досконально изучит весь ресторан. Даже, скорее всего, познакомится с начальством, чтобы проверить, обижают ли ее драгоценную племянницу на рабочем месте. Уж слишком зашкаливает у тетки чувство справедливости.

Грунька вздохнула, придется попросить Пал Палыча уделить пару минут тетке. Не с Васькой же тете Нюре вести светские беседы?

* * *

Опасения Груни подтвердились. Перед университетом, умудрившись забежать домой, принять душ и переодеться, она умчалась на учебу. Вернее, Васька ее кругом возил, не слушая возражений и ожидая девчонку в компании бабушке на небольшой, но уютной кухоньке за пирогом и чашкой чая. Он порывался и забрать после занятий, но Груня только настойчиво мотнула головой. Вот еще не хватало, сам говорил, что «дел за гланды».

А после занятий всю дорогу до ресторана Груня разговаривала по телефону с тетужкой, которая уже была в пути. Хуже всего другое, что тетка едет на машине со знакомым, у которого были неотложные дела в городе. А значит, тетужка Нюра появится гораздо раньше, чем если бы она ехала поездом.

Около ресторана, в своей привычной манере, стоял Василий. Парень курил, но стоило увидеть приближающуюся к нему и перепрыгивающую через лужи пигалицу, как Барин улыбнулся и выбросил сигарету. Вообще, Васька и сам заметил, что улыбаться он стал гораздо чаще. Бывало, что губы сами растягивались в улыбке помимо воли, когда он просто смотрел на рыжеволосого зайчонка.

Как только пигалица поравнялась с ним, Васька притянул ее к себе за

талию.

— Что нового? — спросил он, подмечая, что девчонка чем-то озабочена, но не отстранилась от его рук, наоборот, будто ближе прижалась.

— Тетя Нюра вот-вот подъедет, — вздохнула Грунька, — Можно я ей все тут покажу? Она не отстанет. Считает, что меня все кругом обидят, обманут, в лучшем случае станут угнетать морально.

— Да запросто, — кивнул Василий, — Все организую в лучшем виде. И батя поможет.

— Вась, только я тебя очень прошу, — тихо попросила девчонка, поглаживая руками кожаную куртку на груди Василия, а он, тихо млея от ее касания, готов был согласиться на что угодно, — Не ругайся при ней. У нас с этим строго.

— Буду пай-мальчиком, — пообещал Васька, пряча улыбку в уголок рта, — Ладно, двигаем. Перед сменой поешь. Иначе работать не пуццу.

Груня не успела возразить. Да никто возражений и не принял бы.

Васька гордо шел через весь зал, ведя чуть покрасневшую Груню за руку. Если кто-то и удивился такому раскладу, то вида не подал. Разве что Вовчик позволил себе подмигнуть девчонке. За что и получил короткое:

— В рыло дам!

Груня сокрушенно покачала головой. Нет, Василий Павлович никогда не перевоспитается. Да и нужно ли? Он именно таким и дорог ее сердцу.

Пока Васька вел Груню через зал, кухню и коридоры, у него три раза звонил мобильник. Он с кем-то говорил. Иногда резко, иногда на матах, иногда просто молчал в трубку. И как только привел девчонку в кабинет отца, коротко скомандовал:

— Бать, ты проследи, чтобы поела, — хмурился Василий, выпуская руку девчонки из ладони, — Я метнусь на стройку. Максимум через час вернусь. Грунь, когда говоришь, тетя твоя появится?

— Не знаю. Через полтора часа, наверное, — пожала плечом Груня, стягивая куртку.

— Успею, — решил Васька, — Скажу Михалычу, пусть соорудит ужин для нас. В VIPке сядем.

— Вась, ну, правда, не нужно, — решила отговорить Груня Василия.

— Как это не нужно? — нахмурился за сына отец. А Васька уже убежал, многозначительно посмотрев на отца прежде, чем скрыться из кабинета.

Анна Михайловна была женщиной обстоятельной. Не терпела грубиянов и хамов. Опекала всех брошенных, бездомных и униженных. Подбирала раненых животных на улице. Вернее, те уже и сами знали, где живет единственный на все село ветеринар, и нагло являлись к ней в дом за порцией ласки, еды и заботы.

Анна Михайловна жила в большом деревенском доме одна. Вернее, вот уже несколько месяцев она живет одна. А до этого вместе с единственной родственницей — дочкой погибшей сестры, милой девочкой Агриппиной.

Работа у Анны Михайловны была не самой престижной, но нужной и важной. Женщина была в курсе всех происшествий, у кого, когда и сколько появилось телят, поросят, цыплят и прочих тварей копытных, а зачастую и двуногих. К ней постоянно сбегалась, свозилась и сползалась вся раненая, и не очень живность.

Анна Михайловна город не любила категорически. Не любила шум проезжающего транспорта, не любила незнакомых людей, снующих по улицам толпами, не любила суматоху мегаполиса. Но больше всего Анна Михайловна не любила воспоминания, которые этот город будил в ней.

Вот и сейчас, выходя из машины, женщина плотнее завернулась в пальто, прячась от пронзительного осеннего ветра. Первым делом Анна Михайловна решила навестить Надежду Вадимовну. Старушка уже ждала, приготовив к чаю пирог и любимое Анной жаркое.

Сумки, нагруженные соленьем-вареньем, были аккуратно доставлены на третий этаж водителем — соседом по земельному участку и приятным молодым человеком Тарасом.

После чая Тарас предложил подвезти Анну Михайловну к месту работы Груни. Женщина хотела отказать, распрощаться до завтрашнего дня, до оговоренного часа, когда парень обещал ее так же отвезти обратно в деревню. Но Вольных упрямо и вежливо настоял на своем.

Анна Михайловна только вздохнула, украдкой ловя взгляд Надежды Вадимовны. Обе женщины уже успели по телефону обсудить ухажера Груни, ее первую серьезную влюбленность, даже фото на стене ее комнаты. И Тарас во всю ситуацию никак не вписывался. Но молодой человек был настойчив, и в последнее время не пытался скрыть намерения в отношении племянницы.

Анна Михайловна решила, пусть все идет своим чередом. А заодно и посмотрит, что там за Васька такой, о котором Надежда Вадимовна так тепло отзывалась.

Припарковав внедорожник перед входом в ресторан «Барин», Тарас открыл дверь для соседки. Тетя Нюра вежливо кивнула. Всегда спокойная и собранная, она, казалось бы, изрядно нервничала и переживала.

— Не люблю я город, — пояснила женщина, немного виновато улыбаясь.

Тарас пожал плечом. Он и сам выбирался исключительно по необходимости, большую часть времени проводя в деревне.

С виду ресторан был весьма неплохим. Тарас ранее не бывал здесь, но судя по интерьеру и вышколенному персоналу, заведение пользовалось успехом.

Стоило новым посетителям войти, как их уже встречал паренек в костюме и с дежурной улыбкой на лице.

— Приветствую вас, — улыбался парень, — У вас заказан столик?

— Здравствуйте, — вежливо поприветствовала Анна Михайловна, а Тарас сдержанно кивнул, — У меня здесь работает племянница, Агриппина пепел.

— Здравствуйте! — уже более радостно и по-настоящему заулыбался парнишка, — А мы вас уже и заждались! Следуйте за мной!

Тарас хмыкнул, а Анна Михайловна сдержанно улыбнулась. В гардеробе парнишка с бейджем «Администратор Владимир» стянул с них верхнюю одежду.

— Проходите, вот здесь у нас главный зал, там — отдельные кабинеты и VIP — залы, — тараторил парень, — В той стороне у нас святая-святых всего заведения. Шеф-повар подойдет позже, он очень хочет познакомиться с тетей нашей Груни. А вот здесь у нас малый кабинет. Очень уютный, для семейных мероприятий.

Радости парня Тарас совершенно не разделял. Уж слишком сильно тот радовался и обхаживал тетю Нюру. Но женщина только улыбалась снисходительно, и кивала словам администратора.

Дверь в кабинку услужливо была распахнута Владимиром и гости вошли внутрь.

Дверь в кабинку услужливо была распахнута Владимиром и гости вошли внутрь.

Груня, у которой только что отобрали фартук, дали отгул и чашку чая в руки, сидела за столиком. Рядом чинно восседал Пал Палыч, отпивая вино из высокого бокала и хитро щурясь в сторону девчонки.

— А ты чего так распереживалась? — мягко говорил Пал Палыч девочке, — Встретим мы твою тетю Нюру в лучшем виде. Покажем, что ты в надежных руках. Пусть Васька мой и охламон, но простой, как три рубля. Так что, не переживай, все будет в шоколаде.

Мягкий тембр голоса Пал Палыча Груню успокаивал. И чего собственно, она разнервничалась? Но что-то словно подсказывало: волнуется она не зря.

Не ошиблась.

Во все глаза Груня смотрела, как через открытую дверь в комнату входит тетушка, а следом и широкоплечая фигура соседа, с которым Груня знакома едва ли не с рождения, Тараса Вольных. И все было бы замечательно, если бы этот самый сосед всю юность не оказывал Груне знаки внимания. Даже как-то молчаливо намекал на самые светлые чувства с его стороны. На что Груня ответила мягким отказом и уверениями, что свою половинку парень еще встретит. Но Вольных отказов не понимал и не принимал. И уже с момента переезда Груни в город, второй раз приезжает ее проведать.

Раньше Пепел не очень переживала по этому поводу. Ну, приехал. Ну, привез разок из деревни в город. Зато теперь, когда вот-вот должен появиться Васька, внимание Тараса совсем было не к месту.

— Мам Нюра! — подскочила Груня с места и рванулась к тетке.

Дальше события начали разворачиваться одновременно и абсолютно неожиданно для Груни, как и для всех присутствующих.

Пепел метнулась к тетке в объятия. Тарас с щенячьим взглядом уставился на девочку сверху вниз. Пал Палыч, поднявшись на ноги, побледнев и пошатнувшись, во все глаза смотрел на будущую, как он предполагал, родственницу, а из груди вырвался шумный выдох с единственным восклицанием «Анюта?».

Сама Анна Михайловна застыла в дверях, увидев мужчину, медленно поднимающегося на ноги из-за стола. И Груня в недоумении всмотрелась в лицо тетки. Но та словно и не видела племянницу, обнимавшую ее.

— Паша? — голос тетушки был тихим, практически неузнаваемым от волнения.

И только Васька, появившийся следом за гостями, оценил всю ситуацию в целом и гаркнул Вовчику:

— Неси аптечку и в «скорую» звони!

Васька ломанулся вглубь, ближе к отцу, стремительно бледнеющему и оседающему обратно на диван. Груня, с тихой паникой и шоком в глазах, смотрела то на тетку, тона Пал Палыча. Анна Михайловна стояла,

вцепившись руками в плечи племянницы и с набежавшими на глаза слезами, смотрела на мужчину напротив. И только Тарас Вольных невозмутимо стоял у стенки. А потом усадил Анну Михайловну на придвинутый стул, вручил ей стакан воды. И пока женщина пила мелкими глотками, парень переключил внимание на рыжеволосую девчонку, ради которой он и приехал в город.

— Здравствуй, — улыбнулся парень и, протянув руку, погладил щеку Груни костяшками пальцев, — Не надоел еще город? А я за тобой.

— Тарас, давай вот не сейчас! — отмахнулась Груня, присаживаясь рядом с тетушкой, — Мам Нюр, что случилось?

Но Анна Михайловна молчала, только прикипела взглядом к знакомым до боли глазам. Глазам, которые часто снились ей по ночам, от которых она пыталась убежать. И убежала. По крайней мере, так думала, пока вновь не столкнулась со своим прошлым.

В комнату ворвался Владимир с аптечкой. Василий торопливо отыскал валидол и сунул в принудительном порядке таблетку отцу в рот.

— Слышь, бать, не дури, — требовал Васька.

— Я «скорую» вызвал, — отчитался Владимир.

— Молоток, — кивнул Барычинский-младший.

Груня, убедившись, что с тетушкой все в порядке, за ней присматривает Владимир и Тарас, подбежала к Пал Палычу с суetyщимся вокруг него Васькой.

— Пал Палыч, вы как? — ворковала Груня, смачивая полотенце в холодной воде и обтирая проступивший холодный пот на лбу мужчины.

Но Пал Палыч не обращал внимания на детей, только руку протянул в сторону открывшейся двери.

— Грунечка, — дернул Пал Палыч пигалицу за рукав, — Останови Анюту. Не дай уйти, пожалуйста.

Груня, обернувшись, пытливым взглядом всмотрелась в бледное лицо тетушки Нюры, которая, держась за стеночку пробиралась в двери.

Подскочив, переложив полотенце в руки Барина, девчонка помчалась следом.

Анна Михайловна далеко не ушла. Съехав по стене на пол, сидела в углу элитного ресторана и плакала, пряча лицо в ладонях.

— Так, все ясно, — разобрала Груня голос друга детства, — Машина у входа. Двигаем.

— Тарас, не лезь, — отмахнулась Груня, — Мы сами все решим! Мам Нюр, не плачь!

Грунька обхватила женщину руками, прижимая к себе за

подрагивающие плечи, пытаясь стереть слезы на заплаканном лице. Первый раз в жизни она видела тетушку в таком состоянии.

— Мам Нюр, успокойся, — ласково шептала Грунька.

— Грунь, поедem домой, — настойчиво говорил Тарас, присаживаясь около женщин на корточки, — Так и знал, что учеба в городе — плохая идея.

— Тарас, давай ты не будешь сейчас лезть! — весьма резко ответила Груня, бросая взгляд на парня.

— Агриппина, я хочу как лучше для тебя, — нахмурился Вольных, — Пора бы уже понять. Не чужой я вам.

— Слушай, Тарас, — начала девчонка, но не успела закончить фразу. Крепкие руки соседа дернули ее вверх за плечи.

— Нет, это ты послушай! — нетерпеливо проговорил хмурый парень, — Сколько можно бегать от меня? Говорил, дам, что захочешь. Хочешь листочки свои щелкать — пожалуйста. Я и камеру тебе купил. Вон, в машине лежит. Хочешь зверьем с теткой заниматься — да запросто! Я помогу с расходами на веткабинет. А ты все нос воротишь!

— Пусти! — прищурилась пигалица, тихо шипя, — Отпусти меня и уезжай.

Грунька торопилась спровадить Тараса, затылком чувствуя приближение Барина. Пусть и стояла спиной к стене. Но что-то подсказывало ей, что Васька уже совсем близко. И он точно не обрадуется действиям деревенского соседа.

— Не уеду! — мотнул головой Тарас, — Только с тобой. С вами.

Руки Тараса крепче прижимали сопротивляющуюся Груню к себе, подтверждая слова.

— Я же люблю тебя, дурында! — в сердцах проговорил Тарас, притиснув к себе Грунькино тельце против воли хозяйки.

Девчонка почувствовала себя крошечной, слабой и совсем беспомощной. Нос прижимался к рубашке парня, но все тело и все чувства кричали, что нужно вырваться из крепких рук. Но не выходило, как бы она не пыталась.

— Какого х**? — разнесся рев по всему второму этажу ресторана, и в следующее мгновение Груня почувствовала, как ее рванули из крепкого захвата, — Ты, мать твою, что за хрен?! — рычал Васька.

— Жених Агриппины! — воинственно ответил Тарас, сверля убийственным взглядом неизвестного парня, посмевшего забрать Груньку из его рук, — Я забираю дам, и мы уходим!

— А ты, мля, не надорвешься?! — прошипел Васька, и с сарказмом, —

Жених?

— Вась, Васенька! — кинулась Грунька к парню, — Никакой не жених! Успокойся, пожалуйста!

Но Васька не слышал Груню, а, размахнувшись, прямым ударом саданул нежданному гостю и, судя по всему, сопернику, в челюсть.

— Прекратите! — заверещала Груня, замирая в метре от завязавшейся потасовки.

Плечистые парни уже бежали ей навстречу. Но неугомонный Барин коротким «Я сам!» не позволил им приблизиться. Анна Михайловна все так же плакала, сидя у стеночки и пряча лицо в ладонях.

А подошедший на шум Михалыч тихо присвистнул, глядя, как Груня утирает слезы родственнице, и, замечая краем глаза, как Васька техничными и хорошо поставленными ударами мастера спорта по боксу отправляет неизвестного парня в нокаут.

Присев на корточки перед съезжившейся фигуркой плачущей женщины, Михалыч расплылся в широкой улыбке.

— Привет, Анютка, — взъерошил он волосы могучей рукой под удивленным взглядом Груни, — А Пашка уже и отчаялся найти. Далеко спряталась. И как только смогла?

— Фамилию взяла мамину, не пряталась я, просто мешать не хотела, — шмыгала носом Анна Михайловна, и, высморкавшись в предложенную салфетку, улыбнулась, — Здравствуй, Миша.

* * *

В кабинете директора ресторана «Барин» собралась разношерстная и весьма интересная компания. Врачи скорой сделали пострадавшему укол, от госпитализации этот самый пострадавший отказался. Второй пострадавший вообще отмахнулся от врачебной помощи, держа у разбитого лица пакет со льдом. Покидать заведение он не спешил, пусть ему и было весьма недвусмысленно указано на дверь хозяйским сыном.

Пал Палыч, вот уже пятнадцать минут сидел на диване и смотрел на женщину, которая скромно устроилась на стуле напротив и старательно прятала глаза.

Васька, полностью игнорируя любые правила приличия, затащил Груню на свои колени, а сам сидел в директорском кресле. Груня возмущалась, шипела на ухо, требовала выпустить. Но Василий Павлович не поддавался, заявляя права на девчонку в присутствии соперника. Лев

свободных прерий, не иначе.

Все, что он позволил Груни, это тихонько обрабатывать открывшуюся после драки рану на руке. А сам сверлил убийственным и обещающим расправу взглядом соперника.

Сам соперник сверлил невеселым взглядом мужские руки на хрупком теле девчонки и мысленно строил план по завоеванию незаконно оккупированных территорий.

— Голодная? — вдруг тихо спросил Васька Груне на ухо.

— Нет, — торопливо ответила пигалица, а потом всмотрелась в бледное лицо тетушки, в горящие глаза обычно спокойного Пал Палыча и добавила, — Да.

С раной она уже закончила. Наложила повязку и завязала красивый бантик, который Васька и не заметил даже.

— Пойдем, — кивнул Васька, — Пусть сами тут поговорят.

Груня торопливо слезла с колен Барина, хотела выйти вперед, но Васька задержал ее, притянув к своему боку.

— Ну, Вась, — вздохнула Груня, всем телом чувствуя, как напрягся Василий, замерев напротив Тараса.

— Пойдем, покурим, — мотнул головой Барычинский, — Зайчонок, сбегай к Михалычу. Пусть ужин греет.

— Василий Павлович! — нахмурилась Груня, — Тарас уже уезжает. Так ведь, Тарас?

— Так, — кивнул парень, — Перед отъездом на пару слов тебя можно?

— Нельзя, — резко бросил Васька, — Занята девчонка. Руки в ноги и свалил.

Но Тарас полностью игнорировал разъяренного Барычинского, сосредоточив все свое внимание на соседке.

— Две минуты и я уеду, — глядя в глаза Груне, повторил Вольных.

Ждать ответа парень не стал, вышел из кабинета, оставив по пути пакет со льдом на кухне. Вольных пересек зал и остановился только возле гардероба. Он был уверен, что Агриппина придет поговорить с ним.

— Хрена с два ты будешь с ним беседы вести! — возмущался Васька, закрывая за собой дверь кабинета и оставляя отца наедине с Анной Михайловной.

— Вась, ты обещал, — напомнила Груня, сжимая ладонь парня своими обеими ладошками, — Обещал не выражаться.

— Так я и не выражаюсь, — хмыкнул Васька, — Да и не слышит тут никто. Здесь вообще, кроме нас никого нет.

Грунька оглянулась. Действительно, в длинном коридоре было тихо, и

кроме них ни души. Васька тем временем притянул пигалицу к себе ближе, обхватив ладонями за талию.

— Грунь, а давай пошлем всех лесом, — вздохнул Барин, опуская подбородок на макушку девчонки, — Отдохнем. Посидим где-нибудь. Я даже знаю где.

— Васенька, — вздохнула Груня, в ответ обнимая Барина и пробираясь ладошками под пиджак, — Пусти меня на две минуты. Я его с детства знаю. Он не уйдет, пока не поговорит со мной.

— Так я провожу, дверь покажу, крыльцо, — хмыкнул Васька.

— Нет, Вася, — несмело улыбнулась Груня, — Дай мне две минуты. Пожалуйста.

— При мне, — твердо заявил Василий, — На моих глазах.

— Хорошо, — сдалась Грунька, понимая, что этот упрямый человек не уступит, да и не хотела она от него никуда уходить и оставаться наедине с Тарасом.

— Хорошо, — повторил Васька и потянул девчонку за руку, но не в зал, где поджидал потенциальный соперник, а свернул в подсобку, где еще совсем недавно плакала Груня, а потом и отчитывала его, как пацана.

Грунька не успела и пискнуть, как дверь за спиной Барина закрылась с тихим щелчком, а девчонку он прижал спиной к ней. Настойчиво и не позволяя высвободиться из крепких рук.

— Вась, а ты что делаешь? — прошептала Груня в сантиметре от лица Барычинского.

— Расставляю приоритеты, — хмыкнул Василия, скользя носом по щеке девчонки, спускаясь к шее, оставляя поцелуй на тонкой коже.

— Скорее метишь территорию, — исправила парня Груня, прикрывая глаза.

В голове вмиг вспыхнули картинки из недавнего сна, где обнаженная спина Барина жаром плавилась под ее пальцами.

— Может и так, — хмыкнул Васька, прикусывая кожу на шее, и улыбаясь от того, что почувствовал мимолетную дрожь девчонки, — Пусть видит, что ловить здесь нечего.

— Пещерный ты человек, Василий Павлович, — вздохнула Груня, прогибаясь в настойчивых руках Васьки, отвечая на жаркие поцелуи и млея в умелых объятиях парня.

— Какой есть, — хрипло выдохнул Василий, — Грунь, а пойдём со мной на свидание?

— Прямо сейчас? — удивилась девчонка.

— А чего нет то? — хмыкнул Барин, зарываясь рукой в длинный

распущенные волосы на затылке, — Я и место нашел подходящее. Вид там просто закачаешься. Пиццать будешь от восторга. Фотки оттуда отпадные получатся.

— Коварный ты, — уличила девчонка Барина, — И зубы заговорил.

Груня, упираясь ладонями в плечи Барина, отодвинула его от себя.

— Стоишь и не лезешь, Василий Павлович! — строго приказала Груня, ткнув в Барина указательным пальцем.

— И не собирался, так, перекурю рядышком, — улыбнулся Васька, глядя, как милые губки пигалицы чуть припухли от его поцелуев. В принципе, как он и хотел. Пусть видит мужик, чем они занимались. Доказательства, так сказать, на лицо.

Груня вышла вслед за Василием Павловичем из подсобки. В зале их встретил Вовчик. На безмолвный вопрос Груни, парень только кивнул головой в сторону выхода из зала. Вздохнув, Груня пошла в указанном направлении. Следом двигался Барин, недовольно клацая зажигалкой. Поймав взгляд побитого соперника, Василий хмыкнул. В его, Барина, глазах явно читалась жажда крови и продолжения «банкета». И только Грунька его сейчас удерживала от кровопролития. Васька и сам не понял, с чего вдруг стал таким кровожадным. Да только девчонку свою он никому не отдаст. Особенно этому хмырю.

Груня стояла в двух метрах от Василия, слушала, что говорит Тарас и хмурилась. Васька вдруг подумал, что еще секунду и он наплюет на обещание и вышвырнет фраера из своего ресторана.

— Вот именно, ради нашей дружбы, — твердо говорила Груня, — Садись и уезжай. Я ценю тебя и твою помощь моей семье. Но я не просила о ней. Сам знаешь. И ничем тебе не обязана. Я не раз говорила, что ты мне просто друг. Но если не прекратишь, то и дружбы между нами не останется.

Васька улыбнулся краем рта, криво, скорее с сарказмом. Желание размазать парня по стене становилось все более непреодолимым.

— Ты просто посмотри на него, Агриппина, — настаивал Вольных, — На лбу написано: уголовник. Думаешь, такой тебе нужен?

— Думаю, нужен, — упрямо поджала губы Груня, — Уезжай.

Груня, неожиданно развернулась на каблуках. На секунду задержалась рядом с Василием.

— Не вздумай его бить! — строго практически приказала она, и, не оглядываясь, вернулась в зал.

Проводив взглядом девчонку, Васька выбросил не прикуренную сигарету в урну.

— Думаю, ты все понял, — насупился Васька, смерив взглядом собеседника, — Я тебя не увижу, и проблем не будет. А про нее забудь. Моя она.

Тарас, сжав рот в прямую линию, ушел из здания, сел в машину и уехал. А Васька, проводив взглядом отъезжающую машину, усмехнулся. Нет, будь он на месте Тараса, хрен бы его кто отогнал от пигалицы. Но испытывать судьбу Барин не хотел, да и не собирался. Слишком необходимой стала для него рыжеволосая девчонка. До чертиков нужна.

Глава десятая, в которой совершенно неромантичный Василий Павлович окончательно покорит нежную Груню

Пепел

— Не знала, что мне достался такой романтичный парень, — тихо посмеивалась Груня, всматриваясь озорным взглядом в безмятежное лицо Барина.

Молодые люди лежали на небольшой плетеной кушетке, укутанные пледами, словно в кокон. Сама кушетка была расположена в крытой кирпичной беседке, одну стену которой украшали резные решетки, и сквозь низ открывался безумно красивый вид на ночной город. Кирпичная конструкция с плетеными решетками и невысокими ступеньками по периметру была сооружена на холме, и сидя внутри можно было любоваться огнями города и безоблачным ночным небом вдали. Действительно красиво. Но Грунька не нашла в себе силы даже на пару фотографий. Ее новенькая камера так и осталась лежать в рюкзаке в машине, припаркованной в десяти метрах от самой беседки.

— Да нет, романтик из меня, как из дерьма пуля, — хмыкнул Васька, — Просто вспомнил про это место. В детстве часто тут играли с Герычем. Вид красивый. Горд как на ладони. А ночью звезды видно.

— Врешь ты все, — уличила Груня Барина и вновь устроила голову парню на грудь, потерлась щекой о ткань рубашки.

Свитер Василий натянул на Груню перед тем, как они легли на кушетку и завернулись в пледы. Девчонка попыталась возразить, что и в своей мастерке ей не холодно, да и курточка была на ней. Но Барин не слушал, стянул с себя вязаный свитер и надел на пигалицу. А поверх и куртку. Налезла с трудом, зато Грунька не замерзнет. К тому же, погода была безветренной и, несмотря на позднюю осень и пролетающие снежинки, в беседке было достаточно тепло. Да и схитрил Барин. Припер из багажника своего Мерса приготовленный специально для этого места тепловентилятор и подключил его, установив у противоположной стены. Так что в кирпичной беседке было тепло и уютно. К тому же, девчонка под боком грела похлеще любого радиатора, пьянила круче высокоградусного алкоголя. А если учесть, что ревность все еще бурлила в крови, то Барину о

холоде думалось в последнюю очередь.

— Значит, Анна Михайловна — твоя тетя, — задумчиво проговорил Васька, стараясь отвлечься от мыслей о податливом девичьем теле в руках и переключить их на недавние события.

— Знаешь, я в глубоком шоке, — призналась Груня, — Оказывается, они были знакомы. Поверить не могу!

— Я тебе скажу больше, — хмыкнул Васька, о прошлом отца он был куда осведомленнее, чем пигалица, — Они жили вместе. А потом Анютка исчезла в неизвестном направлении. Батя, помню, слетел с катушек. Искал везде. По ментам носился. Связи поднимал. Но не нашел. Мне было десять лет тогда, но я четко помню, как он бухал на кухне ночами, зажав фотку в руке.

— А почему исчезла? — тихо спросила Груня.

— Не знаю, — ответил Вася, — Батя не говорил. Помню только, что с матерью он тогда сильно поскандалил. Я думал, он ее грохнет. Они как раз разводились, а она все с бумагами мудрила.

— Я думала, твоя мама умерла, — честно призналась Груня, поглаживая Ваську по груди ладошкой.

— Для меня да, умерла, давно, — невесело усмехнулся Василий, — Не хочу о ней сейчас говорить. Единственное, что она умудрилась сделать хорошего — это родила мне сестру.

— У Пал Палыча есть дочка? — Груня едва не подпрыгнула на месте от удивления, но Васька заставил ее вернуться обратно в его объятия.

— Не-а, отцы у нас разные, — пояснил Вася, улыбаясь и вспоминая ураганчик, коим была его младшая сводная сестра, — Ивка тебе понравится. Уверен, вы найдете общий язык и будете дружить против меня.

— Дурачок, — ласково пожурила Груня парня, — Против тебя не будем.

— Знаю я вашу женскую солидарность, — хмыкнул Барин, — Дашь слабину и на голову сядете всем семейством.

— Больно нужно, — проворчала Груня.

Молодые люди замолчали, глядя в звездное небо. Шевелиться не хотелось, как и вставать и уходить из беседки, несмотря на поздний час.

— Я теперь понимаю, почему тетушка часто плакала ночами, — проговорила Груня, — И почему не любила город. Она не рассказывала про Пал Палыча. Говорила только, что когда-то давно любила достойного мужчину, но не могла быть с ним. Вот и решила жить в деревне. И меня там воспитала, когда погибли родители. Я ее очень люблю и хочу, чтобы она тоже была счастлива.

— Это понятно, — вздохнул Василий, а потом, помолчав, добавил, — Я даже точно знаю, кто теперь будет основательно работать над ее счастьем.

— Твой отец? — поняла Груня.

— А то! — хмыкнул Васька, — Я его знаю. Теперь, когда нашел, не отпустит. Он мне как-то говорил, что Аня — его единственная настоящая любовь.

— Романтик он, — улыбнулась Груня, — Ты весь в него.

— Зайчонок, — вздохнул Васька, — Не нужно видеть меня лучше, чем я есть. Правда, не стоит. Ты же видишь, какой я.

— Вижу, — украдкой улыбнулась Груня, но предпочла не переубеждать его. Он, кажется, и сам о себе всего не знает, какой он добрый, чуткий, отзывчивый и романтичный. Да, пусть он собственник, грубиян и хам порядочный. Но он настолько глубоко и тонко чувствовал своего отца, ее саму, так тепло говорил о сестре, что Груня понимала, не может этот человек быть плохим. Никак не может. Что бы ни говорил Тарас Вольных.

Груня замолчала, лежа и греясь в надежных руках Барина. А Васька и сам, успокоенный ровным дыханием и мягким поглаживанием теплых ладошек, понял, что вот-вот уснет.

— Зайчонок, — вздохнул Василий, — Здесь, конечно, круто вот так лежать, но не сезон. Давай-ка двигать в сторону дома.

— Не хочу никуда ехать, — честно призналась Груня, глубже пряча нос в район шеи Барина, и чувствуя, что начинает краснеть от вырвавшегося признания.

— Так я и не отпущу тебя, — нахально заявил Барычинский, — Здесь до нашего с батей дома рукой подать. У меня останешься.

— Вааась... — начала Груня, но Барина прервал девчонку.

— Не хочу тебя отпускать, и потом, уже почти утро, лучше поспим лишний часок, чем потащимся в город, — резонно говорил Василий, — А я, так и быть, честно не стану тебя помогать.

Грунька насилу смолчала. Вздохнула. Эх, знал бы кто, как сильно ей хочется, чтобы этот сильный и соблазнительно-сексуальный мужчина ее помогался. Но невинными неопытным девушкам не пристало намекать на интим и безобразия, вот и пришлось Груне смолчать, тихо помочь сложить пледы, сесть в машину и пристегнуться. А спустя пятнадцать минут черный Мерседес Барина уже парковался около двухэтажного особняка. Васька выудил из машины немного смущенную Груню, тихо уверил, что в доме нет никого, разве что бати, и потащил в дом.

Когда молодые люди вошли в просторный холл, то их внимание привлек свет, льющийся в коридор из кабинета отца через приоткрытую дверь. Приложив палец к губам, Васька взглянул на Груню. Та все поняла и на цыпочках прокралась вслед за бесшумно передвигающимся Василием. Молодые люди подошли к приоткрытой двери. Картинка, свидетелями которой они стали, заставила их тихо улыбнуться.

Пал Палыч сидел на удобном диване, а в его руках устроилась Анна Михайловна. Они о чем-то тихо шептались, то улыбаясь, то прерываясь на неспешные поцелуи, словно им было лет по шестнадцать, то обнимая друг друга. Они все говорили и говорили, не обращая внимания на окружающий мир, стремясь быть ближе друг к другу и рассказать, как провели почти двадцать лет друг без друга.

Груня, смахнув украдкой набежавшую слезинку радости, вздохнула. Но тут же попала в крепкие объятия Барычинского. Прижав к себе девчонку, Васька понес ее в свою комнату. И оказавшись на втором этаже, выпустил пигалицу из рук.

— Вот, держи, футболка, — протянул Васька Груне сложенный предмет гардероба, который он извлек из шкафа у стены, — Там ванная. Я перекурю на балконе, а то уши пухнут. И вернусь.

Груня послушно кивнула. Скрылась в ванной и принялась за вечерние процедуры. Чтобы принять душ, умыться и почистить зубы новой щеткой, которую она отыскала в тумбочке, Груне хватило пятнадцати минут. Надев футболку, девчонка взглянула на свое отражение.

— Даа, — вздохнула Груня, — И как этим парня-то соблазнять?

Решив, что соблазнение нужно отложить на завтра, Груня вышла из ванной. Волосы влажные после душа были завернуты в полотенце. Босые ноги мягко утопали в высоком ворсе ковра.

— Зайчонок, а тебе завтра куда-нибудь... — начал Барин, стоя к ней спиной и оборачиваясь. В руках он держал телефон, очевидно, собираясь выставить будильник. Да так и не смог закончить фразу.

— Нет, завтра у меня выходной, — несмело улыбнулась Груня.

— Отлично, — Васька как-то шумно сглотнул, выдохнул, и криво улыбнулся, — Выспимся. Я в душ. А ты ложись.

Постель уже была разобрана, и Груня послушно скользнула под одеяло. Васька торопливо исчез в ванной, а спустя секунду до слуха Груни донесся шум льющейся воды.

Лежа в полумраке комнаты, Груня поняла, что вот-вот провалится в сон. Подушка приятно пахла хозяином комнаты, одеяло согревало, как и вся комната. Уже засыпая, Груня услышала, как из ванной вышел Барин.

Выключив ночник, сел на постель, отчего матрас прогнулся. А потом Васька тихонько забрался под одеяло, безошибочно отыскивая хрупкое тело пигалицы и прижимая к себе.

— Господи, Васенька, ты весь ледяной! — тихо воскликнула Груня и принялась растирать ладонками руки и спину Барычинского.

— Грунь, лежи, пожалуйста, смирно, — хрипло прошептал Василий, прижимая руки девчонки к бокам, — Давай спать.

— Спокойной ночи, — шепнула Груня в ответ, послушно закрывая глаза.

— Приятных снов, — шепнул в ответ Бася.

* * *

Просыпаться не хотелось. Теплая живая и мирно сопящая батарея согревала и, спеленав по рукам и ногам, не позволяла шевелиться. Да Груня и не собиралась куда-то бежать, прятаться и скрываться. Но открыв глаза, девчонка сонно осмотрелась по сторонам.

Внимание зацепилось за ближайшую стену, на которой висел огромный, точно такого же размера, как и фото Барина в ее комнате, плакат. Ночью, оказавшись в комнате Василия, Груне было не до любования стенами. А теперь вот, рассмотрела. В первое мгновение Груня не поняла, что изображено на плакате. А когда догадалась — широко заулыбалась.

На стене висело фото девушки, черно-белое, с разметавшимися по плечам волосами. Стройная фигурка затянута в короткое черное платье. Голова девушки чуть склонена вбок. А сам вид открывался на хрупкие плечи и спину. Лица видно не было, но Груня себя узнала.

— Вот так и просыпаюсь, гляжу на стену, — услышала Груня хриплый голос Барина на ухо, — С дурацкой улыбкой и стояком. Каждое утро. Задолбался, если честно.

Груня залиvisto рассмеялась, пряча лицо на обнаженной груди ворчащего парня. Но долго радоваться не вышло. Их уединение было нарушено открывающейся дверью.

— Васька, спишь? — спросил Пал Палыч, после того, как вошел в спальню к сыну.

С тихим «Ой!» Груня спряталась под одеяло, а Василий хмуро уставился на улыбающегося отца.

— Стучать нужно, — проворчал Барычинский — младший.

— Закрывать нужно, — парировал поучительным голосом отец

семейства, — Раз уж вы оба здесь, то у нас с Анютой к вам приятные новости. Так что, спускайтесь к завтраку. И, Вась, без этих твоих...

Пал Палыч махнул в воздухе рукой, словно поясняя сыну, о чем конкретно он просил отпрыска.

— Я ж не дебил, — проворчал Васька, — Постараюсь фильтровать базар.

Пал Палыч удовлетворенно кивнул и, уже выходя из комнаты, весело добавил:

— Грунечка, доброе утро!

— Доброе, Пал Палыч, — донеслось из-под одеяла.

Барычинский — старший вышел, закрыв за собой дверь. А Васька, посмеиваясь, принялся стягивать одеяло со смущенной девчонки.

— Зайчонок, выползай, — позвал Василий.

— Не хочу, — ответила Груня, — Мне стыдно.

— Да брось, — фыркнул Васька.

Груня, веселя Барина пунцово-красными щеками и виноватым взглядом, показалась из-под одеяла, и вмиг была прижата к матрасу Васькой, со сверкающим хищным блеском глаз. Парень уже успел опереться руками в постель по обе стороны от лица девчонки и отвел рассыпавшиеся рыжие волосы в сторону.

— Чего смущаешься? — улыбался Васька, — Испугалась?

— Нет, просто я никогда... ну, не ночевала с парнями..., - сбивчиво пробормотала Груня, старательно отводя взгляд, — А теперь вот, уже которую ночь дома не ночую.

Васька заулыбался еще шире. Словами не передать, как ему понравилась фраза «не ночевала с парнями». Но поскольку Барин твердо решил, что девчонка должна привыкнуть к нему прежде, чем все у них закрутится основательно и окончательно, то заставил себя встать с кровати. Правда, не удержался и, втянув носом воздух, прошелся губами по щеке, виску девчонки, и задержался около ушка:

— Привыкай, — тихо выдохнул.

А когда встал, не оглядываясь, потопал в ванную. Вернувшись, уже одетый в футболку и легкие домашние брюки, застал Груню,правляющую постель. Да так и замер на месте, подперев плечом дверь в ванную.

Девчонка ловкими движениями разглаживала одеяло, взбивала подушки, вертелась вокруг кровати уже в джинсах и в простой рубашке в крупную клетку. Вертелась, пританцовывала, что-то напевая тихое и неразборчивое. И Васька понял, что если через секунду они не спустятся к

завтраку, то хрен они выйдут из спальни не то, что к обеду, к ужину не управятся.

Тем временем Груня закончила заправлять постель и выпрямилась. Под пристальным взглядом Василия капельку засмуцалась. Спрятав руки за спину, несмело улыбнулась.

— Мне тоже... ну... — Грунька совсем стушевалась, а Васька отлепился от двери и пропустил девчонку.

Дверь тихо защелкнулась за Груней, а сама девчонка замерла перед зеркалом. Волосы торчком, лицо заспанное, на щеке след от подушки. Дааа, секси-штучка, ничего не скажешь.

Вздыхнув, Грунька умылась, причесала волосы пальцами, не найдя расчески в шкафчике, собрала хвост на затылке, и решила, что тянуть — смысла нет. И вышла.

Василий Павлович вел себя странно. Наверное. А, хотя, кто знает? Может быть, жим лежа перед открытой балконной дверью — норма для мужчин?

Грунька смотрела, как перекачиваются мышцы на спине и плечах от каждого движения Барина. Смотрела и боялась, что вот сейчас он поднимет голову и по ее взгляду все поймет. Но ведь стыдно, вот так сильно хотеть мужчину. Или нет?

Стараясь не выдать себя, Груня зацепилась за первый попавшийся повод.

— Вася, ну не на сквозняке же! — строго проговорила Груня и торопливо прикрыла балконную дверь.

— Да ты, оказывается, ворчунья, — рассмеялся Васька, легко поднимаясь с пола. Подлетев к девчонке, подхватил ее, приподнимая над полом, да так и понес из комнаты в коридор. А уже там поставил на ноги.

— Не правда, — улыбнулась Груня, — Ворчать я не умею.

— Умеешь, — по-мальчишески улыбался Васька, — Вон как ворчишь.

— А вот и нет, — фыркнула Грунька.

— А вот и да, — парировал Василий, утягивая свою девчонку по лестнице, а потом и в сторону кухни.

Оказавшись в дверях комнаты, Васька заулыбался еще шире.

— Анна Михайловна! Как я рад вас видеть! — воскликнул парень.

— А ты все такой же, — улыбнулась тетушка Нюра счастливой улыбкой, — Сама непосредственность.

— А еще он редкий хам и упрямец, — заметил Пал Палыч, — Грунечка, садись за стол. Чего застеснялась? Все свои.

— Па, а, па? — глядя с улыбкой на Анну Михайловну,

поинтересовался Барин, — А можно Анну Михайловну я буду мамой Нюрой называть?

— Паяц, — вздохнул мужчина, а когда Груня, коротко поцеловав тетушку в щеку, уселась на указанное Пал Палычем место, — Кстати, вот именно поэтому мы и захотели вас собрать.

— Ясень перец, — хмыкнул Васька, — Мам Нюр, а можно я вас обниму?

— Иди сюда, охламон, — рассмеялась женщина, протягивая руки к парню, — Как же я скучала по тебе, ребенок!

Васька обнял хрупкую женщину и подмигнул Груне, наблюдающей за разворачивающимися событиями с улыбкой. От ласковых, по-матерински добрых и нежных рук женщины внутри Барычинского появилось давно забытое чувство. Вдруг вспомнилось, как будучи мелким пацаном, Вася любил вот так прижиматься к подруге отца. Она всегда находила для него свободную минутку, чтобы выслушать, расспросить как дела в школе или во дворе с друзьями. Те полгода, что Анюта жила с Барычинскими приятными моментами отложились в памяти юного Василия Павловича. Васька четко помнил, как однажды перед сном пожелал, чтобы именно Анюта была его мамой, а не та почти чужая женщина, которой и дела не было дородного сына, которую он видел раз в год на день рождения, а потом она и вовсе позабыла эту дату.

— Василёчек-Василёк, — ласково погладила Анна Михайловна парня по макушке, правда, с трудом смогла дотянуться, — Я бы и не узнала тебя. Вон, в какого парня вымахал.

— Ну, вымахал, — вмешался Пал Палыч в общение родни, — Только мозга так и не прибавилось.

— Бать, ну чего ты шарманку завел? — в шутку обиделся Барин, — Да если бы не я, так и чах бы по своей Анютке.

— Спешу напомнить, — заметил Пал Палыч, ставя перед Груней чашку ароматного чая, — Что Грунечку на работу взял я. А кое-кто сильно буйный хотел ее уволить в первый же день.

— Василий Павлович?! — недовольно произнесла Груня, — Значит, уволить хотел?

— Зайчонок, да прости дурака, — притворно раскаялся Бася, — Глупый был.

— А сейчас, значит, поумнел? — хмыкнула Груня.

— Давно, — Васька уже выпустил из рук Анну Михайловну и принялся моститься около Груни, но девчонка намеренно заняла весь диванчик и не собиралась пододвигаться и уступать Барину место, — Как

глаза раскрыл пошире, так и поумнел.

— Грунь, ты присмотришь, — хмыкнул Пал Палыч, — Это же сплошной комок поганого характера и буйного нрава, а не человек. Слово «адекватность» ему не знакомо.

— Бать, вот не лезь, а! — уже начинал злиться Барычинский-младший, места ему рядом с пигалицей так и не дали, сесть заставили через весь стол, напротив, еще и глаза Груне вздумали раскрыть на его поганый характер.

— Да я уже привыкла, Пал Палыч, — ласково улыбнулась Груня отцу, — И потом, уволить меня можете только вы.

Васька перестал хмуриться и даже криво усмехнулся. А потом, поймав взгляд Груни, брошенный украдкой на него, и вовсе развалился на стуле, как большой и довольный жизнью кот. Потому, как в ее взгляде прочел гораздо больше, чем она хотела сказать словами.

— Так чего вам не спится в такую рань? — перевел Васька разговор, приступая к аппетитному омлету и к пирогам от Михалыча, которыми всегда был забит холодильник в загородном доме мужчин.

— Анюта согласилась стать моей женой, и мы распишемся сегодня, — выдал Барычинский-старший.

— Ух, ты! — пробасил Васька, — Поздравляю!

— А не рано? — тихо спросила Груня, — Вы ведь только вчера встретились.

Васька перестал жевать, серьезно посмотрел на пигалицу. Та хмурилась и глядела на Анну Михайловну. Пал Палыч замер и тоже неотрывно следил взглядом за женщиной. А Анна Михайловна вперила взгляд в чашку чая, стоящую на столе.

— Такс, — встал Васька на ноги, строго проговорил, — Никуда не уходите, мы мигом.

Дальше Василий стремительно подошел к пигалице, быстренько выудил ее из-за стола и потащил из кухни, пока она не начала разглагольствовать на тему стремительного развития отношений предков.

— Вась, ну, все, отпусти меня, — Груня болталась на плече Барина, свесив руки упираясь лицом в его спину, — Я все поняла. Глупость сказала. Пойду, извинюсь.

— Зайчонок, — вздохнул Васька, ставя девчонку на пол, — Он ее искал почти двадцать лет. Она, думаю, тоже там без него страдала и любила всю жизнь. Такие отношения не забываются, а с годами только крепче.

— Ясно, — вздыхала Груня.

— Я вообще не удивлюсь, если Анюта сидела все это время без

мужика, — продолжал Василий, — У нее на лице все написано.

— Ясно, — повторила Груня.

— Чего тебе ясно? — усмехнулся Барин, а потом, прежде, чем успел подумать, ляпнул, — А ты бы ждала меня двадцать лет?

— А ты меня ждал бы? — Грунька подняла на парня широко распахнутые зеленые глаза, в которых плескался ураган чувств и эмоций.

— Понимаешь, Грунь, физиология — штука такая непонятная, что... — пробормотал Васька.

— То есть, нет? — прищурилась Груня, — То есть, мне, как женщине ждать полагается, а тебе — как представителю сильного и нестигаемого пола, можно загулять?

— Грунь, ты вот сейчас вообще не о том, — принялся оправдываться Василий, нутром чуя, что как-то он начинает влипать, и скандал уже маячит на горизонте.

— Слушай внимательно, Василий Павлович! — принялась отчитывать Груня парня, ткнув указательным пальцем в его грудную клетку, — Я не потреплю загулов налево, направо и в прочие стороны!

— Грунь, да я не уверен, что... — начал Васька, но вновь был прерван гневным взглядом разъяренной рыжеволосой фурии.

— Не уверен — не обгоняй! — рявкнула Груня, — Бабник!

И не слушая возражений Василия, Груня развернулась и стремительно пошла в сторону кухни. Васька почесал затылок, думая, как умудрился вот так налажать. А Груня тем временем уже оказалась около тетушки и принялась ее обнимать. Далее девчонки всплакнули от радости и до хмурого Баши им не оказалось никакого дела.

— Зайчонок, а давай... — начал было говорить Васька, но, наткнувшись на прищур зеленых глаз, умолк.

— Не давай, — прошипела Груня.

А после завтрака девочки отправились за платьями. Василий, пиная попавшиеся под раздачу шмотки в комнате, собрался и уехал на стройку. Пал Палыч, посмеиваясь над сыном-охламоном, вызвался быть личным водителем своих нежно любимых и обожаемых дам. И уже в машине, следя за дорогой и бросая изучающие взгляды на притихшую на заднем сиденье девчонку, улыбнулся.

— Так его, Грунечка, — подбодрил Пал Палыч, — Мурыж. Пусть побегает. Глядишь, поумнеет.

— Не перегнула? — с надеждой спросила Груня.

— Какой там! — махнул рукой мужчина, — Я бы сказал, не догнула.

— Хорошо, — заметно успокоилась девчонка.

Вздохнув, Груня принялась смотреть в окошко, наблюдая за меняющимся пейзажем. Вопрос Васи все еще крутился в голове. Ждала бы она его двадцать лет? Ответ был очевиден. Конечно, ждала бы.

Пал Палыч тихонько переговаривался с тетушкой Нюрой о чем-то своем. Она ласково поглаживала его руку, лежащую на ее коленях. И в машине витало стойкое ощущение романтики, счастья и любви настолько осязаемой, что, казалось бы, к ней можно прикоснуться. Никогда раньше глаза тетушки не сияли таким ярким внутренним светом, как сейчас. Да и ее жених выглядел бодрым и невероятно счастливым.

Груня украдкой смахнула набежавшую слезинку. Вдруг захотелось позвонить Ваське, услышать его голос, но только слова Пал Палыча о том, что она «не догнула» заставили ее спрятать телефон обратно в рюкзак. Что ж, чуть позже, когда вновь увидятся, они непременно помирятся.

* * *

Спустя несколько часов Анне Михайловне было приобретено красивое и элегантное вечернее платье нежно-кремового цвета, а Груня остановила выбор на коротеньком темно-зеленом, не менее элегантном, но более открытом, наряде. Расплатился за покупки Барычинский, тихо посмеиваясь в ответ на все попытки Анны оплатить самостоятельно.

Далее вся компания отправилась к Надежде Вадимовне. Познакомившись с милой старушкой и полакомившись пирогами, пока Груня бегала по дому и собирала пар-тройку необходимых ей вещей, забрасывая их в рюкзак, Барычинский — старший галантно пригласил пожилую даму на бракосочетание и уволок своих дам домой.

И уже там, в загородном доме, отправил девчонок наверх готовиться к мероприятию, а сам спустился в кабинет. Созвонился с Михайлычем, велел собрать ужин на их небольшую, но дружную семью, и явиться к вечеру. Все документы по оформлению брака уже были подготовлены и ждали своего часа. Так же к оговоренному времени должен был подъехать чиновник с документами, который и зарегистрирует брак.

Пал Палыч покачивался в своем кресле, задумчиво глядя в окно на сад, который он разбил много лет назад. Сейчас он понимал: он подсознательно надеялся на то, что рано или поздно Анюта вернется в его жизнь. Именно поэтому все в этом доме было построено под нее, даже цветы он посадил именно те, которые нравились его Анютке.

Ночью, прежде, чем уснуть, Барычинскому удалось вывести у

любимой причину, по которой она исчезла чуть меньше двадцати лет назад. Причина оказалась до банального простой, но вызвавшей в душе Пал Палыча гнев и ярость.

Они познакомились в ветеринарной клинике. Сын хотел собаку и припер домой дворнягу. Пал Палыч решил, что милого пса можно и оставить, но перед этим отвезти к специалисту и сделать необходимые прививки. Так и поступили. Помощником врача была хрупкая девушка с милым именем Аня. Отношения завязались быстро, и Пал Палыч не успел оглянуться, как уже собирал собственноручно вещи любимой в общежитии под ее недовольным взглядом. Первое время все было замечательно. Но одна тайна не давала Барычинскому жить спокойно. Он все еще был женат, пусть адвокаты и разводили их уже достаточно длительный период. Да и не претендовала бывшая жена на Пал Палыча, как и на сына. Только на недвижимость, которой бывшие супруги владели совместно. Но, тем не менее, фактически Барычинский был женат и глупо боялся признаться об этом Ане. А должен был бы. И за все эти годы он это отчетливо понимал. Да только в то время надеялся, что пронесет. Он получит развод и сразу же женится на любимой женщине. Но вдруг появилась та, нелюбимая, но завистливая. Появилась на пороге квартиры, совершенно случайно, когда Барычинского не было рядом. Увидела Аня, вмешалась и все разрушила. Возможно, Аня не восприняла бы слова Элеоноры так остро, не собрала бы вещи и не исчезла в неизвестном направлении, изменив фамилию и место проживания с города на глухую деревню. Просто бывшая супруга была в положении. И нагло соврала об истинном отце ребенка. И им точно не был Пал Палыч, который с Элеонорой общался уже пару лет только через адвоката. А милая, добрая и мягкая сердцем Аня просто не могла лишиться семью мужчины, а детей отца.

Пал Палыч с хрустом сжал кулаки. Господи, как бы ему сейчас хотелось вытрясти весь яд из бывшей и вернуть двадцать лет, украденных у него и Аня. Но ничего не воротишь. Время улетело, и нет его. Остается только надеяться, что судьба не подбросит подобных сюрпризов больше. А еще, надеяться на то, что дети не повторят ошибок родителей.

Чтобы не думать о прошлом, Пал Палыч решил отвлечься и отправился с инспекцией в подвал, где хранились бутылки с вином и прочими прелестями. Сегодня он собирался основательно распотрошить свою коллекцию элитного алкоголя.

Затарив бар в гостиной под завязку, Барычинский бросил взгляд на часы. Он все же решил позвонить буйному отпрыску и мягко намекнуть,

что пора бы двигать в сторону любимой девушки с глубочайшими и искренними извинениями.

Отпрыск в телефон тихо изливал ненормативную лексику, а потом послушал совета отца. Поинтересовался, чего бы такого ему купить по дороге домой, чтобы пигалица его простила и не дулась. Когда Васька принялся перечислять отцу все вероятные покупки, Пал Палыч только возвел глаза к потолку.

— Бать, а может и правда шубу куплю? Ну, холодно же, пусть греется.

— И в кого ты у меня такой? — вздохнул Пал Палыч, — Купи, и я с удовольствием посмотрю, куда ты улетишь с этой шубой. Животинку ей купи. Она любит. Анята говорила, что девчонка котов с детства в дом тащила.

— Кто-то говорил, что вроде модно нынче норку держать дома, — припомнил Васька, — Че думаешь?

— Ты ей еще крокодила подари, пусть из него портфель сделает, — засмеялся Барычинский — старший, — Сам думай. Сам наворотил дел, сам и гребни. Только к регистрации чтобы девчонка улыбалась.

Пал Палыч сбросил вызов, не став слушать ответа сына. Только усмехнулся. Ясно все как день. Васька в лепешку расшибется, а с девчонкой помирится. С первого взгляда видно, как он свихнулся на рыжеволосой красавице. Кажется, это у них семейное.

Размышления и уединение нарушил короткий стук в дверь.

— Дядь Паш! — звонкий голос девчонки заставил Пал Палыча улыбнуться и обернуться к желанной гостье этого дома, — Привет! А Васька позвонил, новость сообщил. И я примчалась!

— Привет, ребенок! — рассмеялся Пал Палыч, поднимаясь из кресла, — Вот, решил жениться на старости лет.

— Дядь Паш, не прибедняйся! — захихикала девчонка, — Ты не старый. Ты в самый раз.

Тем временем девушка подошла к хозяину дома и крепко обняла мужчину, повиснув на его шее и широких плечах. В ответ Пал Палыч, приподняв девчонку, прижал к себе.

Со стороны, если посудить, то их отношения могут показаться странными. Однако, эта девочка всегда была ему близка, словно родная дочь. Да и соскучился Барычинский по неугомонной девчонке, которую мать вновь сослала за границу на полгода. В который раз Пал Палыч удивился, вот как у такой стервы, как его бывшая жена, смогли появиться на свет такие замечательные дети. Василий, пусть порой и смахивал на неандертальца, но был хорошим парнем. И Иветта, пусть такая же

вспыльчивая, как и брат, но была замечательным человеком.

— Подлиза ты, Ивушка, — рассмеялся Пал Палыч, выпуская девчонку на пол, — Скоро мои красавицы спустятся, познакомлю.

— Ну да, я же не вытерплю! — воскликнула Ива, — Мне же до чертиков любопытно, как твоя избранница выглядит.

— Ну, беги, — разрешил Пал Палыч, понимая, что девчонку не удержать. Копия брат.

Девчонка умчалась, а мужчина позвонил другу с проверкой. Михалыч уже был где-то в пути. И через час должен подъехать знакомый чиновник с документами. А кольца Пал Палыч уже прикупил и бережно носил в кармане брюк.

Глядя в окно на осеннее небо, Барычинский — старший решил, что этот день станет самым замечательным в его жизни. День, когда Анютка станет его перед людьми и Богом. Не зря ждал и надеялся на чудо. И ведь есть оно, это чудо. Вот оно. Рядом.

Пал Палыч оперся рукой о подоконник, улыбнулся.

Нет, его Анютка все та же, пугливая и нежная девчонка. Пусть и прошло столько времени. И любит он ее так же сильно, как и двадцать лет назад. Если не сильнее. А после слов, что все эти годы она ждала его и никого не могла к себе подпустить ... После такого признания Пал Палыч помолодел лет на сорок, почувствовал себя парнишкой, по самые уши влюбленным в прекрасную девушку. И даже не попросил стать женой, а поставил перед фактом. Женимся и точка.

* * *

— Мам Нюр, ты у меня такая красивая! — счастливо вздохнула Груня, глядя на женщину в отражение зеркала.

Они собирались и готовились к тихому семейному празднику в просторной комнате Пал Палыча. Платье, туфли, прическа — женская половина уже была готова к долгожданной регистрации. Осталась даже минутка свободного времени прежде, чем нужно будет спуститься на первый этаж к мужчинам.

— Грунечка, мне страшно, — тихо призналась Анна.

Груня обняла женщину и крепко-крепко прижала к себе.

— Мам Нюр, ну ты ведь столько ждала, надеялась, — уговаривала Груня, — Сама мне говорила, нужно верить в чудо и оно случится. Вот и случилось. Пал Палыч у тебя самое настоящее чудо.

— Я знаю, — всхлипнула женщина, — Просто боюсь, что опять появится бывшая жена Павлика и все испортит. Один раз ведь смогла, и в этот раз может.

За разговором девчонки и не заметили, как дверь тихонько распахнулась, и в комнате появился неожиданный зритель.

— Не может, — слышался спокойный женский голос незнакомки, заставивший Анну и Груню вскинуть головы, — Она на супер-пупер важной встрече. У нее предвыборная компания. Не до простых смертных ей.

— Здравствуйте, — насторожилась Груня, а Анна поднялась на ноги.

— А я сестра Васьки, — открыто улыбнулась девушка — ровесница Груни, — А вы Анна Михайловна?

— Здравствуй, Иветта, — улыбнулась Анна, — Приятно познакомиться.

— Вот теперь я понимаю, почему братец втрескался! Значит, ты и есть Груня? — улыбалась гостя, лукаво глядя на Груню, — Мимо такой красоты и не пройти. Дай тебя обниму, что ли. Все равно скоро породнимся, пяткой чую.

Груня предпочла промолчать. Им бы с Васькой сначала помириться, а потом уже родниться.

Иветта, она же Ива, разбавила компанию девчонок, отвлекла от грустных мыслей и настроила на позитив. Девушка болтала без умолку, рассказывая смешные истории из жизни брата, полностью «сливая» его со всеми потрохами.

— А еще, Васька задирой всегда был, — говорила Иветта, раскинувшись на постели и, не стесняясь, воруя конфеты из личных запасов Пал Палыча, — Они так с Черепановым и познакомились. Васька наехал на каких-то хулиганов, а их мало что больше было, так еще и старше на пару лет. Но мой братишка такой, ему же пофиг. Дрался до последнего. А тут мимо Черепанов чешет со своими книжками. Он учился старше на пару классов. И вступился. Вот с тех пор и дружат. Правда и дерутся постоянно. Но это Барин наш — провокатор. А Герыч он спокойный как удав, пока не выведут.

— Знаю, — улыбалась Груня, уже вовсю орудуя фотоаппаратом и щелкая невесту со всех ракурсов, — С его женой мы с детства знакомы.

— Блин, а я на свадьбу не попала, — огорчилась Иветта, — Маман меня запихала в очередной пансионат благородных девиц за кордоном, чтобы не отсвечивала и не мешала становиться ей мэром. Шутка ли, такая должность и женщина. А тут я — непутевое дите, тщательно скрываемое

от прессы. Такое пятно на репутации.

— Мам Нюр, повернись-ка, — скомандовала тихо Груня, и уже девушке, — Ив, ну, что ты так сразу. Она, наверное, любит тебя. Мать же.

— Ой, ты ее просто не знаешь, — отмахнулась Ива, — И, думаю, Васька не допустит, чтобы узнала. Ты точно расстроишься. А ей глубоко насра...

— Иветта! — строго проговорила Анна Михайловна.

— Ну, плевать, — исправилась девушка, виновата улыбнувшись, — А можно и я вас буду мамой Нюрой называть? Тут, я так поняла, все так делают. Чего мне — то от коллектива отрываться?

— Можно, — рассмеялась Анна Михайловна, понимая, что непосредственность девчонки, как и она сама, ей нравятся.

* * *

Спустя еще полчаса, в течение, которого Груня сделала, кажется, миллион фотографий тетушки, девушки семейства Барычинских решили, что можно и спуститься вниз. На первом этаже уже суетился Михалыч вместе с Пал Палычем, вынимая провиант из огромных термо-контейнеров. Горячие блюда было решено установить на специальные подставки со свечами, чтобы за время, отведенное для регистрации, шедевры Михалыча не остыли.

Увидев невесту первым, Михалыч присвистнул и толкнул друга в бок.

— Нет, если не женишься ты, то, в принципе, я тоже холост и весьма свободен! — заявил Михалыч, подмигивая Анне.

— Занята девчонка, — заулыбался Пал Палыч, приближаясь к невесте и обнимая ее за талию.

— Смотрю, вы уже все приготовили, — заметила Анна, а Грунька принялась щелкать камерой уже будущих молодоженов.

Михалыч завершал приготовления, Пал Палыч и Анна позировали Груньке, послушно следуя ее просьбам, а Иветта, оказавшаяся вдруг без дела решила, что машину, на которой она приехала в дом друзей, нужно бы переставить. А то прискачет любимый братец и начнет ворчать, что заняла его место.

Прихватив ключи из сумки, девушка вышла из дома, махнув Михалычу брелком, удивленно вскинувшему голову в ее сторону.

— Перепаркуюсь. Я мигом.

— Давай, детка, потом мне здесь поможешь.

— Уже бегу, — улыбнулась Ива и выскочила на улицу без верхней одежды.

Стоило девушке переставить свою малолитражку, как во двор въехала незнакомая ей тачка. Большая и массивная с тонированными стеклами. Внедорожник, притормозив, замер как раз на том месте, которое только что освободила Иветта для брата.

Девушка не спешила подходить к незнакомой машине, минуту выжидая, кто же явится под начавшийся моросящий дождик из теплого салона.

Передняя дверь открылась, и на сырую землю вышел парень. Первое мгновение Ивка опешила. Парень был красив, мускулист, высок и широкоплеч. Светлая рубашка обтягивала крепкую фигуру, а темно-синие джинсы подчеркивали все, что нужно и там, где нужно. Даже как-то слишком уж подчеркивали, — подумалось Иветте.

Пока девчонка любовалась полубогом в джинсах и рубашке, парень открыл заднюю пассажирскую дверь и помог выйти незнакомой ранее старушке. Пожилая женщина, опираясь на трость, что-то проговорила парню. Но тот отмахнулся и настойчиво взял ее под руку. Приближаясь к дому, гости не заметили нечаянную зрительницу, замершую по другую сторону малолитражки. Но вот Иветта четко слышала весь разговор незнакомой пары и сделала определенные выводы.

— Надежда Вадимовна, я же говорил, мне не сложно вас привезти, — говорил полубог с глубоким голосом. Его белокурые волосы торчали ежиком, словно их хозяин провел пару часов в салоне, укладывая их.

— Тарас, — вздыхала женщина, — Но ты хороший парень. Я давно тебя знаю, и только поэтому позволяю себе такие слова. Не мешай девочке жить. Она уже сделала выбор.

— Да знаю я, Надежда Вадимовна, — вздохнул полубог — Тарас, а Иветта нахмурилась.

Это что за фигня? Это сейчас о ком они?

И словно в ответ на ее мысленный вопрос, Тарас добавил:

— Вы вообще видели его? Хамло и грубиян этот Барин.

— Очень добрый день, — выскочила, словно черт из табакерки, Ива из-за машины, — Надежда Вадимовна? Вы не отвлекайтесь, вы проходите. Вас там уже ждут. А вас, Штирлиц, я попрошу остаться!

Надежда Вадимовна, которую, по словам Груни они и ждали в гости, поздоровалась, улыбнулась и вошла в дом. А парень послушно остался на крыльце.

Смерив высокомерным взглядом девчонку, Тарас хмыкнул.

— А ты кто еще такая? — поинтересовался парень.

— Твоя совесть, — повела плечом девушка, — Ну-ка, поведай, товарищ, ты на кой ляд пыхтишь вокруг невесты моего брата? Ты у нас совсем блондинка? Темы не сечешь?

— Да ты оборзела! — прищурился Тарас, глядя на мелкую девчонку сверху вниз, — Что за наезды?!

— Это пока не наезд! — девчонка медленно приблизилась к гостю на расстояние вытянутой руки, а потом стремительно выбросила ладонь вперед, неуловимо ударяя пальцами ладони в весьма чувствительную точку, безошибочно найденную на теле парня. Тот согнулся пополам от резкой боли в груди, словно в него с размаху въехал поезд. Даже звездочки заплясали перед глазами и дыхание пропало.

— А вот это наезд! — усмехнулась Иветта и похлопала ладошкой по гладко выбритой щеке согнувшегося и матерящегося сквозь зубы парня, — Ноги в руки сгреб и исчез, пока брат не приехал.

— Дура! — выдохнул полубог, а Иветта, усмехнувшись, подняла вверх средний палец правой руки и победоносно улыбаясь, вошла в дом, плотно прикрыв за собой дверь.

И уже из окна девушка пристально следила, как парень садится в машину и уезжает. А потом, с чувством выполненного долга, Ивка помчалась помогать Михалычу.

* * *

Васька мчался домой, пыхтя и нецензурно выражаясь в адрес продавцов зоомагазина. Нет, подсунули ему какого-то вампиреньша с красными глазами. Млин, вот завтра назад отвезет живность.

Бросив взгляд на клетку, стоящую в ногах переднего пассажирского сиденья, Васька недовольно вздохнул. Когда он покупал зверя, тот приколько дрых, на все раздражители отвечая тихим сопением. Васька и выбрал его, просто потому, что мех был белоснежным и мягким на ощупь. Да, Груне должно понравится. Но несколько минут назад зверек проснулся и принялся изучать Ваську, вертя головой и щуря красные глазенки-пуговики.

Вполне вероятно, Васька бы вернулся в магазин и обменял животинку на другую. Но уже не успевал. Не хватало еще опоздать на свадьбу собственного отца!

Припарковавшись на обычном месте, Барин вышел из машины, взял

клетку и потопал в дом.

В гостиной уже собрались те немногие гости, которых Пал Палыч хотел видеть на свадьбе. Было решено устроить уютный семейный ужин в кругу самых близких.

Васька первым увидел друг детства — Герыча и его Елену. Друзья тихо болтали с сестренкой, делясь впечатлениями, полученными от медового месяца.

— Герыч! Елена! — заулыбался Вася, и уже хотел выдать обычную шутку и красоте Ленки и предложения бросить Черепанова ради него, Барычинского, как осекся. И вовремя. Вспомнил прошлый свой косяк. Поэтому пожав руку Гере и коротко чмокнув его любимую супругу в щеку, Барин поискал взглядом свою красоту.

— А ты чего это с зоопарком? — заметил Герасим, — Разводить собрался?

— Ага, шубу хочу шить, — парировал Барин и двинулся в сторону притихшей в углу пигалицы.

Груня Ваську увидела сразу, стоило ему появиться в огромной гостиной. И нарочно попыталась слиться с интерьером под хитрым взглядом Михалыча. И из своего укрытия наблюдала за общением Барычинского с девушкой, к которой в прошлый раз она приревновала Ваську.

Но Васька ее быстро обнаружил, общение с другом свел к минимуму и направлялся сейчас в ее сторону, неся в руке металлическую клетку с белоснежным зверьком.

Оказавшись на расстоянии вытянутой руки от пигалицы, Бася поставил клетку на пол около ее ног.

— Я че подумал, — начал было Васька, почесав затылок пятерней, — Я не собираюсь проверять всякие там физиологии.

— Ясно, — постаралась скрыть улыбку Груня, глядя в глаза Василия.

— Забыли? — с надеждой поинтересовался Васька, улыбаясь и шагнув ближе, почти касаясь девчонки всем телом.

— Вы, Василий Павлович, совершенно не умеете мириться, — улыбнулась в ответ Груня.

— Ага, есть такое дело, — кивнул Барин и загреб девчонку руками, уж сильно он успел соскучиться.

А когда пигалица не отстранилась, наоборот, ближе прижалась, распластав ладошки по его груди, Бася окончательно расслабился и выдохнул. Как-то напрягала его вся эта нервотрепка.

— Пиджак накинешь мой? Здесь чет прохладно, — пробормотал

Василий, скользя взглядом по лифу платья, которое насквозь просвечивалось и открывало взору кружевное белье.

— Что ты! Здесь очень даже жарко, — улыбнулась Груня.

Васька что-то пробормотал, не очень цензурное, но неразборчивое, и Груня предпочла не замечать его фразы. Зато внимание привлекла клетка с любопытным зверьком внутри.

— А это кто? — улыбнулась Груня, присаживаясь на корточки.

Васька нехотя выпустил пигалицу из рук. Присел рядом.

— Хорек, сказали домашний, — пояснил Васька, — Мелкий еще. Вот, решил тебе купить.

— Какая прелесть! — защебетала Груня, — Вась, ну, зря. Я же на учебе целый день, а потом на работе. А за ним уход нужен.

Груня щебетала, и, противореча своим словам, уже вытягивала зверька из клетки.

— Разберемся, — хмыкнул Васька.

Груня уже стояла, любуясь пушистым животным, приподняв его и приблизив к счастливому личику. Васька, молча, наблюдая за девчонкой, вспомнил, что не целовал ее уже вечность. И как-то соскучился даже. А она все внимание уделила красноглазой белой мочалке.

— Охренеть, — пробормотал Васька, — Скучал я, а внимание ему.

И, разозлившись окончательно, настойчиво отобрал зверя из рук Груни, сунул его в клетку и невозмутимо прижал девчонку к себе. За спиной раздавался веселый шепот друзей, подтрунивание и замечания. Елена даже спросила громким веселым шепотом у мужа:

— Герка, а что, Бася у нас теперь за Груней увивается?

Но Ваське было плевать на всех. Он жадно целовал смущенную девчонку, не позволяя ей ускользнуть из крепких объятий. А потом, когда Барин почувствовал, что сопротивления от Груни нет, скорее наоборот, она сама скользнула руками в его волосы, поглаживая затылок и плечи, только углубил поцелуй, чувствуя, как огонь бежит по венам, разгоняя кровь.

— Ну, если вы все утрясли, — разобрала Груня громкий голос Пал Палыча, — Можно мы поженимся?

Гости рассмеялись. А Груня почувствовала, как лицо заливает румянец смущения. Она предпочла бы провалиться сквозь землю, чем взглянуть в глаза собравшимся. Но Васька, хитро щурясь и едва ли не облизываясь, не выпуская девчонку из рук, потянул ближе к отцу и маме Нюре. Его не смущали ни взгляды родни, ни подначки друга, ему, грубо говоря, было на все плевать. Главное, девчонка не дуется и улыбается красивыми ямочками

на щеках, от которых Барин с трудом сдерживал рвущийся мат, поскольку эти самые ямочки и широкая улыбка будили в его теле просто адское сексуальное желание.

* * *

Груня нервничала. Нет, правда нервничала. Выражаясь языком Барина, охренеть как нервничала.

Опираясь руками о раковину ванной Васькиной комнаты, девчонка смотрела на свое отражение в зеркале. Вечерний макияж был стерт, красивое платье висело на плечиках позади нее, переливаясь блестками в ярком свете ламп. А на девушке был надет легкая, словно перышко, из полупрозрачного матового материала, ночная сорочка. Новенькая, купленная именно для такого случая сегодня утром, пока тетушка и Пал Палыч выбирали ему новый галстук. Сорочка стоила всю недельную зарплату, полученную в ресторане. Но Груне денег было не жаль. Ради такого дела...

К сорочке в комплекте прилагались крохотные трусики, глядя на которые, Груня размышляла: надеть или не стоит? Зачем надевать, если они и не скрывают ничего? А с другой стороны, комплект. Значит, не помешают.

Нервный смешок, вырвавшись из горла, заставил Груню почти застонать. Нет, бред это все. Она никогда не сможет вот в этом выйти из ванной и пройти через всю комнату к кровати. Никогда!

Уже в сотый раз расчесав волосы щеткой, Груня собрала их в слабую косу.

— Ты сможешь! — скомандовала она самой себе и даже сделала шаг в сторону двери.

Нет, не смогла. Схватила халатик из рюкзака с вещами, который она оставила здесь днем, надела и застегнула молнию. До конца.

— Зайчонок? У тебя там все хорошо? — коротко стукнул в дверь Васька, — Сидишь уже полчаса без единого звука.

— Да! — торопливо крикнула Груня, — Уже выхожу.

Вздохнув и обозвав себя трусихой, Груня пулей вылетела из ванной, промчалась мимо стоявшего в пороге Барина и юркнула под одеяло в разобранную постель. Еще и зажмурилась. Поскольку смотреть на Василия Павловича, облаченного в одни брюки, босого, без рубашки, было выше ее сил. И хочется, как говорится, и колется.

Васька скрылся в ванной. Груня накрылась с головой одеялом. Ну, вот что здесь такого, а? Скинуть халат перед парнем, а он и сам все поймет. Ведь поймет же?

Погруженная в мысли, Груня не заметила, как Василия вышел из ванной. Выключил свет в комнате. И теперь темноту спальни разбавлял только лунный свет.

Груня слышала, как Барин подошел к постели. Сел на кровать.

Девчонка высунула нос из своего укрытия. И замерла пугливым зверьком, не хуже того хорька.

Васька сидел спиной к ней, опустив голову на сложенные в замок ладони. На его спине все еще остались капельки воды после душа. А на бедрах обмотано полотенце.

Ну, Груня же не дура, все поняла. Выбравшись из укрытия, девчонка встала на колени на постели и отбросила в сторону халатик. Хорошо, что света в комнате практически не было, иначе Груня никогда не решилась бы на то, что собиралась сделать.

Придвинувшись ближе, девчонка обняла Василия за плечи, погладила ладошками шею, затылок и, склонившись ближе, скользнула по широкой груди.

— Ты не устала? — голос был непривычно хриплым.

— Не очень, — прошептала Груня, устраивая подбородок на плече парня, — Как думаешь, а Лёпа там спит? Не скучает в одиночестве?

— То есть о хорьке нужно говорить именно сейчас? — психанул Васька, — Повторяю в последний раз, спать в этой комнате он не будет!

Васька хотел подскочить на ноги, но девчонка не дала. Обвила руками крепче, заставила остаться на месте.

Барин накрыл ладонью ее руки на своей груди.

— Млин, чет нервы ни к черту, — пробормотал Василий.

— Значит, нужно лечить, — улыбнулась Груня и прижалась в поцелуе к мужскому плечу, — Знаю одно проверенное средство.

— В каком смысле «проверенное»? — ворчливо спросил Василий, остывая.

— Помогает на «раз», — авторитетно заявила пигалица томным мурлыкающим голосом.

И Васька застыл, так и не обернувшись. Уж слишком умелыми были ее ладони, непривычно опытным голос. И кожей Барин чувствовал, как она настойчиво прижималась и чуть терлась о его спину полноватой грудью.

— Грунь, это не ты, — пробормотал Барычинский, — Ты же у меня скромная и пугливая.

Васька почувствовал, как девчонка застыла, не сделав ни единого движения, даже, кажется, дышать перестала. И парень обернулся. Груня сидела, сложив руки на коленях и вперив взгляд в одеяло.

— Я все не так делаю, да? — тихим голосом, в котором сквозили слезы.

А Барин уже залип, глядя на хрупкую фигурку девчонки. На то, как тонкая ткань повторяет изгибы красивого тела. И руки рванулись к ней навстречу, сгребая и в горстях комкая полупрозрачную ткань. Васька налетел на опешившую пигалицу смерчем, прижал к матрасу и выдохнул.

— Не нужно меня соблазнять, — хрипло шептал он, хаотично и жадно срывая короткие поцелуи, — Я тебя постоянно хочу.

И Груня расслабилась, руками обвила плечи, зарываясь пальцами в короткие волоски на затылке, целуя в ответ также неистово и жарко.

— Охренеть как сильно хочу, — выдохнул Васька в сантиметре от любимых губ.

В ответ Груня судорожно вздохнула, втянув воздух, витавший между ними. Аромат мужского геля для душа и неповторимый запах Барина. Убойное сочетание.

Требовательные губы отбирали дыхание, не позволяя отстраниться. Да Груня и не собиралась. Наоборот, старалась прижаться ближе, обвив руками и ногами, податливо прогибаясь под жарким натиском крепкого тела.

Васька приказал себе быть терпеливым и менее напористым. Но вся выдержка летела к чертовой матери, когда до слуха доносились протяжные тихие, едва различимые стоны. И он уже не мог остановиться, скользя приоткрытым ртом по ткани, сквозь нее терзая желанную грудь, захватывая напряженный сосок, вновь и вновь слушая музыку стонов его рыжеволосой красавицы.

Груня задыхалась от жарких рук и губ, налетевших на нее, оставляя без мыслей, покоряя своей воле. Тонкая ткань сорочки убивала своим присутствием. Хотелось избавиться от нее, но Груня и на мгновение не желала отстраняться от любимого парня. Но Барин словно прочел ее мысли, рванул за подол и стянул в одно движение, отбросив красивую вещь в сторону. Туда же улетело и полотенце. И полностью нагой мужчина придавил неопытную Грунечку к постели. Девчонка замерла и поняла, что все тело покрывается румянцем смущения, от того, что она недвусмысленно ощущает возбуждение Васьки. Но что более удивительно, Груня понимала, что ей нравится вот так лежать под крепким телом, почувствовать его вес и сгорать в пучине страсти.

Тем временем Барин спустился ниже, накрывая грудь девчонки руками, а губы проложили дорожку до тонких, невесомых трусиков.

— Васенька.... — простонала Груня, полностью отдаваясь в его власть.

А Барин, с довольной улыбкой, жутким, вышибающим дух, желанием, склонился над девчонкой, настойчиво преодолевая ее смущение.

Груня совершенно не поняла, что происходит. Казалось бы, Васька был везде, его руки, губы, жаркое дыхание.... Он не оставлял ей выбора, не давал и секунды на раздумье, пробуждая в ее теле чувственность, исследуя и покоряя окончательно и бесповоротно.

Невидимый узел связал все тело Груньки. Она не помнила себя, не контролировала, отдавшись эмоциям, чувствам и крепким рукам Барина.

А Васька, судорожно дыша, словно махнул кросс на сорок километров в полной амуниции, не прекращая ласк, смотрел, как выгибается хрупкое тело, как тонкие изящные ладошки сжимают простынь, как округлая грудь прячется под его ладонями, правильно и уютно. Он не сомневался, что его огненная девочка — страстная и отзывчивая. Ни капли. Но все равно, не был готов. Пусть и представлял сотни раз подобную картинку.

Он чувствовал ее возбуждение. Ее страсть. И сам заводился еще больше, до боли, до судорог, до рези в глазах и гулкого удара пульса в ушах.

Не имея сил терпеть и ждать, Васька шумно выдохнул и, сдвинув податливое и разгоряченное интимными ласками девичье тело, отбросив в сторону влажное белье, осторожно проник в желанное тело. И почувствовал, как Груня сжалась вся, пряча крик в ладони.

— Все, уже все, — хрипло шептал Барин, зависнув над девчонкой, — Я осторожно. Честно.

Груня всхлипнула и прижала парня руками к себе. По телу все еще скользили отголоски страсти, приглушая боль. Подавшись крепким рукам, девчонка вновь прогнулась, стараясь быть ближе.

— Ох, не делай так, — попросил надрывно Барин, сжимаясь ртом в покатое плечо, срывая жадные поцелуи на губах, выдыхая и втягивая носом аромат весны.

Но пигалица не слушала, а как всегда, сделала все по-своему. Она двигалась навстречу Васькиному телу, впивалась ногтями в спину, бедра, оставляя, наверное, следы. И Васька понял. Не отстраниться ему сейчас. Не дотянуться до тумбочки, чтобы вынуть кусок квадратной фольги. Он даже не сможет выйти из любимого каждой клеткой тела в последний момент, чтобы не кончить внутрь нее. Он чувствовал себя полным лохом. Охренительно счастливым лохом.

С рыком раненого бизона, так полюбившимся Груне, Вася в последний раз толкнулся в податливое тело и рухнул, придавив девчонку к постели. Глаза прикрыл, чувствуя, как по жилам мчится кайф. Нет, он определенно стал наркоманом. И радовался этому.

— Ты как? — хрипло спросил Барин, перекатываясь и освобождая девчонку от веса тела.

— А? — шепнула Груня, не имея сил пошевелить ни ногой, ни рукой.

Васька, посмеиваясь, перетянул девчонку на подушки, устроился рядом, и зарылся носом в разметавшиеся влажные волосы.

— Вась? — спустя, может быть, вечность, тихо шепнула Груня.

— М? — Васька шевелиться не хотел, он даже глаза не хотел открывать, опьяненный ароматом весны, все еще гуляющим по венам кайфом и бархатистой кожей под ладонями.

— А оно всегда так? — тихо спросила Груня.

— Больно? — нахмурился Барин, скользнув рукой к низу живота, а пальцами в треугольник волос, не глубоко, просто, в желании снять вызванную его действиями боль.

— Нет, так кайфово, — прошептала Груня.

— Господи, зачем слов от меня набралась? — посмеялся Барин, прижимая девчонку крепче, а потом честно ответил, — Нет. Только с тобой.

Груня затихла, понимая все, что хотел сказать Василий, да так и не произнес.

Прошлась ладошкой по обнимавшей ее поперек живота руке и теснее прижалась всем телом к парню.

— Хорошо, — уже засыпая, произнесла Груня с улыбкой на губах.

А Барин еще долго не спал, глядя в темноту. Не сказала, что любит. А он ведь ждал и надеялся.

Хорошо, завтра спросит прямо в лоб. Как проснется, так и спросит.

Утешив себя мыслями, Васька в который раз поцеловал рыжеволосую макушку и провалился следом за девчонкой в сон.

Глава одиннадцатая, в которой Василий Павлович начнет расходовать свои нервы

Первым проснулось осознание, что все охренительно прекрасно. Прекрасно и всё тут. Потом Васька открыл глаза. Да, точно все замечательно.

Пигалица спала, сонным котенком уткнувшись в его плечо, пряча нос и щечка рыжими волосами, рассыпавшимися по его груди. Васька улыбнулся. С одной стороны, не верилось и все казалось фантазией, сном, которые он уже привык рассматривать ночами, мечтая о девчонке. С другой — все было до чертиков реальным. Но, на всякий случай, Василий втянул носом аромат волос Груньки, доверчиво спавшей в его руках, чтобы удостовериться, что не бредит. Это сейчас она спала и не шевелилась. А ночью, едва-едва он вырубился, как тут же проснулся. Девчонка не привыкла делить свою постель хоть с кем-то. То она брыкалась, что-то недовольно ворча сквозь сон. То норовила отодвинуться к самому краю, постоянно сбрасывая руки Васьки с себя. Пока Барину не надоела эта игра в «Кошки-мышки» и тогда он подгрёб девчонку под бок и зажал крепко, удерживая рукой за плечи, а ногу закинул на ее бедра. Во сне Грунька что-то проворчала, выдохнула и затихла. Больше не просыпалась и спихнуть его, Барина, с постели не пыталась.

Взгляд Василия прошелся по темным, бронзовым ресницам, по веснушчатому курносому носу, по розовым щечкам, по чуть приоткрытым губам, которые вмиг захотелось поцеловать. Но Васька не решился, пусть и было огромное желание разбудить девчонку поцелуем. А потом и более откровенными ласками. Он был уверен, что такое пробуждение пигалице придется по вкусу. Василий решил дать пигалице выспаться.

Ваське вдруг подумалось, насколько дорога и нужна она стала ему. Ведь времени прошло — кот заплакал. А уже нужна. Но это, почему-то, не пугало. Вот кто-то из знакомых мужиков жаловался, что серьезные отношения душат, угнетают, и хочется свободы. Нет, Ваську это не трогало. Его беспокоил другой момент. Очень беспокоил.

Груньке всего девятнадцатый год, мелкая еще, девочка совсем. С Бариним у них разница в возрасте почти десять лет. Вроде бы и немного. А с другой стороны — пропасть. Однако, опять же не возраст заботил Ваську. Был другой момент, от которого Барин сходил с ума.

Ревность.

Эта гадина поселилась в его душе и основательно портила жизнь, поднимая свою ядовитую голову и настырно отравляла мозг. Особенно, когда пигалица улыбалась не ему, Василию, а «левым» типам. И ладно бы, отцу улыбалась, или Михалычу, да даже с Вовчиком Барин готов был мириться. Но как заставить заткнуться гадюку-ревность, когда Васька замечал заинтересованные взгляды посетителей ресторана, которым хотелось вмазать так, чтобы зубы ссыпались в кулак, когда представлял, как девчонка сидит на своих занятиях, а кругом табун молодых озабоченных парней, которые того и норовили влезть девчонке под юбку. Нет, Басю это сильно напрягало. Вот и психовал он, часто срывался, орал, хамил. Еще вчера он втайне надеялся, что его чуть попустит, когда отношения сдвинутся, изменятся, когда они переспят, а сейчас, проснувшись, понял. Нет, ни хрена не изменится. Вот и сейчас, лежат вдвоем в его спальне, на пару километров нет ни одного свободного мужика, а все равно ядовитые мысли выворачивают всю душу наизнанку. Стоит представить, что пигалица не просто улыбается кому-то, а этот кто-то позволяет себе много чего. И все, Васька уже готов биться головой о стену.

— Б***! — ругнулся он шепотом, осторожно выдохнув.

Груня все так же лежала, размеренно сопя в его плечо. Нет, нужно бы немного остыть. Иначе проснется девчонка, а он снова нахамит на пустом месте. Не дело это. Не дело.

Васька аккуратно выполз из-под девичьих рук. Постояв секунду около постели, гадая, проснется девчонка или нет, убедившись, что пигалица спит крепко, пошел в душ.

Прохладная вода остудила бурлившие чувства, как и проснувшееся вместе с телом желание. Обозвав себя пару раз дураком и тупицей, Василий натянул спортивные штаны и майку на мокрое тело и, прихватив полотенце, осторожно вышел из спальни.

Боксерская груша, висевшая в спортзале в подвале, сослужила отличную службу. После тренировки, капельку уставший, но в то же время бодрый, Барин, запихав поглубже идиотские мысли, утирая пот, поперся на кухню. На часах — без пяти минут восемь. И Василий не очень рассчитывал встретить кого-нибудь из родни. Но ошибся. У плиты колдовал батя в одних трениках и с мокрыми волосами.

— Думал, отсыпаться будешь, — хмыкнул Васька, хитро глядя на родителя, — Молодожены, как-никак.

— Мал еще, батю учить, — хмыкнул Пал Палыч, отвесив сыну подзатыльник.

Васька в ответ промолчал. Налил в кружку кофе и, прислонившись к столу бедром, сделал большой глоток. Наблюдать за отцом было приятно. Он методично и аккуратно выкладывал еду на большую тарелку, прикрывал ее металлической крышкой, чтобы не остыла. Рядом ставил небольшой чайник с горячим чаем. Даже откуда-то добыл мелкую вазу для цветочка, срезанного с клумбы в саду.

— Бери пример, охламон, — шутливо ткнул Пал Палыч сына под ребра локтем и сунул в свободную руку Васьки такую же невысокую и узенькую вазу под цветок.

Васька секунду смотрел недогоняющим взглядом на поднос с завтраком, который приготовил отец, потом перевел взгляд на свою руку с зажатой в ней вазой.

— Бать, а я это... я ж не знаю... — растерянно произнес Василий.

— Хочешь жить, умей вертеться, — хмыкнул Пал Палыч и, насвистывая веселенький мотивчик, ушел к маме Нюре наверх.

— Мдааа, засада, — решил Василий.

Постояв еще секунду, Васька решил, что вот такой мелочью его не сломить. Нашел поднос, порылся в холодильнике. Умудрился даже вполне симпатично, по его мнению, сложить закуски. Даже тост поджарил, так, на всякий случай. Влил в кружку еще порцию кофе, во вторую — чай, и отправился на поиски цветочка.

В саду, пожившись от пронзительного осеннего ветра, Васька решил так: поскольку он в растениях ни черта не смыслит, будет искать то, что влезет в вазу, ну и то, что не успело завянуть после первого снега. Приглядевшись и повздыхав над клумбами бати, Барин сорвал какой-то белый цветок. Повел носом. Запах, если честно, так себе. Но на вид вроде ничего.

Сунув цветок в вазу, Барин вернулся на кухню, прихватил поднос с завтраком и отправился в спальню.

Пигалица еще посапывала, мило пряча нос в подушку, на которой спал Васька. Настолько его душу согрела эта картинка, что он готов был прямо вот так, как есть, потный после тренировки, сигануть в кровать. Насилу сдержался. Поставил поднос на тумбочку и ушел в душ.

Спустя несколько минут, Василий Павлович явился из душа, свежий, улыбающийся, в одном полотенце. Вообще, он собирался выйти голышом. А что? Пусть Грунька привыкает к нему такому. Но потом решил, чего коней гнать-то? Девчонка совсем. А тут он со всем своим хозяйством в полном боевом состоянии. Испугается еще его пигалица. В общем, явился Барин из ванной комнаты, и наткнулся на хохочущую девчонку,

скрючившуюся в их постели. Смех был приглушенным, поскольку Груня уткнулась лицом в подушку. А Васька вдруг начал переживать.

— Грунь, что стряслось? У тебя истерика? — осторожно спросил Василий, присаживаясь на край постели и поглаживая девчонку по вздрагивающим от смеха плечам и затылку.

— Аааа! — уже громче смеялась Груня, — Васька, ты чудо!

Васька позицию полностью разделял, но, тем не менее, опасливо поинтересовался:

— Зайчонок, а ты с чего такая веселая?

— Вася! — хрюкнула Груня и отодвинула подушку от лица, — Ты у меня жуткий оригинал, то розы даришь охапками, то вот это!

Девчонка ткнула пальцем в вазу, стоявшую на подносе. Васька хмуро и придирчиво осмотрел белый пушистый цветок на тонком стебле.

— И?

— Вась, это тысячелистник, — смеялась Груня, утирая слезу, брызнувшую из глаз.

— И? — повторил Васька, с сомнением глядя на цветочек.

Нет, надо бате сказать, не хрен выращивать цветы со странным названием.

— Это сорняк, Васенька, — пояснила Груня, — Травка. Все другие уже завяли, а эта стоит.

Васька бросил убийственный взгляд на предательский цветок. То-то он ему сразу не понравился. Сорняк, мать его раздери!

— Косяк, что сказать, — вздохнул Василий Павлович и, взяв пресловутый цветочек, подошел к окну, открыл его и выбросил растение обратно в сад.

Груня уже не смеялась, так, хихикала тихонько и улыбалась. А Васька был милым. Капельку растерянным, даже, кажется, смущенным. Но всего мгновение. Потом он наглым образом забрался на постель и притянул Груню к себе на колени.

— Исправлюсь, — пообещал Василий, отводя спутанные волосы с лица своей пигалицы.

Груня, смутившись, отвела глаза. А потом смутилась еще больше. Ведь взгляд уперся в широкую грудь уже почти лежащего под ней парня. Поерзав, пытаясь улечься удобнее, Грунька взмахнула ресницами и столкнулась с карими глазами, ставшими вдруг темными.

— Как ты себя чувствуешь? — без тени улыбки спросил Василий, его руки уже двинулись к бедрам, а потом и вовсе скользнули под одеяло, разгоняя кровь по обнаженному телу.

— Хорошо, — тихо ответила Грунька, а глазки замерли на растянувшихся в улыбке губах.

Дернув бедрами, Васька передвинул пигалицу выше, так, чтобы она села поверх него, обняв ногами. И естественно, полотенце на Барине «случайно» распахнулось. Но поскольку их тела скрывало одеяло, Грунька решила не замечать этого факта.

— Мне бы в душ, Васенька, — тихо шепнула Грунька, — Ты чистый, а я нет.

— Успеется, — выдохнул Васька девчонке на ухо, прихватив мочку губами, — Разве ты забыла, зайчонок? Я тебя постоянно хочу. А когда ты такая, то крышу рвет основательно.

— Вась, — судорожно выдохнула Грунька, борясь со смущением и, чего уж скрывать, с желанием, — Я, правда, не помылась после вчерашнего. Уснула. А ты чистый.

— Мне, правда, плевать, — пробормотал Василий Павлович, уже настойчивее прижимая девчонку к себе, надавливая на спину так, чтобы в полной мере прочувствовала все его желания.

— Вааась! — уже почти захныкала Груня, глядя в затуманенные желанием глаза Барычинского.

— Ну и настырная же ты! — пробормотал Васька, сдаваясь и, откинувшись на подушки спиной, опустил руки вдоль тела, — Упрямая девчонка!

— Мне до тебя далеко, — хохотнула Груня, быстренько сползая с парня и, прихватив его полотенце, самым наглым образом спихнув парня с него, обмоталась в махровую ткань и убежала в душ.

Васька закинул руки за голову и вперил взгляд в потолок. На ум ничего не шло. Все мысли опустились ниже пояса. А хотя нет, одна мысль все-таки заблудилась в его мозгах. А почему бы не сделать стеклянный потолок? Да, точно, и стену. Даа, вот было бы кайфово, рассматривать Груньку во всей красе....

— Зашибись, маразматик, — вздохнул Васька и легко поднялся на ноги с постели.

Медленно вышагивая по мягкому ковру, Барычинский решил, что уже успел соскучиться по упрямой пигалице. Тем более, секса в душе даже у него за весь период с момента полового созревания, еще не было. Надо бы испробовать.

Открыв двери ванной, Барин замер. Тихое пение доносилось из душевой кабинки. Оказывается, у девочки очень красивый и нежный голосок. Правда, репертуар не очень подходит Груне. Еще бы!

Барычинский и не подозревал, что у его пигалицы имеются такие познания в области русского шансона и блатной лирики. Ему даже показалось, что от возбуждения появились слуховые галлюцинации. А нет, не показалось, не глюк. И на словах «Владимирский централ, ветер северный» Васька тупо заржал.

Сквозь запотевшее стекло он увидел, как пигалица встрепенулась, оглянулась и застыла.

— Чего? — кажется, с обидой в голосе.

— Мадам Пепел, да вы умеете удивлять! — смеялся Васька.

— Месье Барычинский, а вы умеете говорить комплименты! — в тон ему ответила девчонка и споткнулась о следующую, вот-вот готовую сорваться фразу.

Грунька смотрела на Василия Павловича, стоявшего сейчас в метре от нее по ту сторону кабинки. Стекло было прозрачным, но капельку помутневшим от горячей воды. Однако видимость все равно была прекрасной. И Груня с неподдельным интересом принялась изучать парня. Полностью обнаженного. Хорошо, не полностью. Имелся крестик на золотой цепочке, но он вообще ничего не скрывал.

В силу выбранной профессии и занятий, где часто приходилось рисовать с натуры, и однажды даже с обнаженного (!) натурщика, Грунька уже успела визуально познакомиться с мужским телом. Но тело Барина не шло ни в какое сравнение с тем натурщиком. Мелькнула даже мысль, пригласить Ваську на занятия по рисованию. Но мысль тут же испарилась. Угу, еще не хватало светить своего мужчину сокурсникам.

Рот Груньки непроизвольно открылся. Во-первых, от поразившей ее мысли о ревности. Во-вторых, тело Барина действительно впечатляло. И, уже знакомый ком тугой скрученной спирали медленно разворачивался внизу живота.

Пока Груня, молча, глазела на Ваську, тот успел приблизиться и открыть стеклянную дверцу кабинки. Указательный палец прошелся по приоткрытой нижней губе, выводя Груню из состояния ступора.

— Потереть спинку? — подмигнул Васька, выдавливая гель для душа из тюбика ярко-розового цвета. Гель ударил в нос приятным цветочным ароматом, и Василий растер его между ладоней. А потом, не дожидаясь ответа, принялся поглаживать мокрое тело пигалицы, нанося средство на теплую от воды кожу.

Интуитивно Груня ухватилась за широкие плечи Барина, боясь упасть, поскольку ноги вмиг решили отказать хозяйке. А руки Василия, успев пройти по спине, спустились к талии, а потом и к девичьим бедрам.

Вода тут же смывала гель с тела Груни и с рук Василия, а девчонка уже и забыла, что толком не успела вымыть мокрые волосы шампунем, не успела почистить зубы после сна, не успела просушить волосы, не успела заправить постель, не успела позавтракать...

И мысли начали разлетаться, когда прохладный кафель на стене соприкоснулся с кожей, разгоряченной водой и жаркими прикосновениями. Требовательные мужские руки, не стесняясь и не спрашивая разрешения, гуляли ловкими пальцами меж ног, разведенных и зафиксированным мужским бедром. Не менее требовательные губы ласкали плечо и шею, чуть прикусывая нежную и чувствительную кожу. И Груне ничего не оставалось, как поддаться власти сильных рук и требовательных, очень интимных и непривычных, но уже желанных и необходимых прикосновений.

— Зайчонок, можно я.... Можно мне..., - проникновенный шепот на ухо выбил из головы Груни последние разумные мысли и, крепко зажмурившись, и прикусив губу, девчонка чуть поддалась вперед бедрами, сама от себя не ожидая подобной смелости.

А Васька распознал ее ответ. И только скользнул рукой к затылку, фиксируя прочно и не позволяя двинуться, вдохнуть, даже думать, заставляя лишь чувствовать его страсть.

Поцелуй, накрывший губы, заставил Груню прогнуться, и вместе с тем сжаться в ожидании боли близости, сладкой и пьянящей. Но боли не было. Зато все тело пронзило горячее, расплавляющее все на своем пути, словно лава, наслаждение.

Стон, вырвавшийся из груди, витал в воздухе. Чей он был — казалось неважным. Значение имели только крепкие объятия, горячие прикосновения и жадные поцелуи.

Обессиленный и удовлетворенный, казалось бы, рассыпавшийся по кускам, но чувствующий себя счастливым, Васька толчками выгонял воздух из легких, чтобы вновь вдохнуть пьянящий аромат весны. А Груня, зажмурив глаза крепко-крепко, обхватила любимого парня за талию, распластав ладони по спине, поглаживая и наслаждаясь теплом его кожи. Кафель за спиной уже не был таким прохладным и не мог остудить жара нахлынувшей страсти. И Груня купалась в ее волнах, постепенно утихающих.

— Ты как? — тихо шепнул Вася, обнимая пигалицу и не собираясь выпускать ее из рук.

— Не знаю, — честно призналась Груня, шевелиться ей не хотелось. Хотелось есть, а вот двигаться — не очень.

Васька будто понял ее мысли. Выключил воду и, приподняв Груню над полом, вынес из кабинки. А после, укутав в полотенце, набросив поверх него свой махровый халат, наскоро натянув свежее белье, отнес девчонку в кровать, где их ждал уже остывший завтрак.

А после, перекусив, Груня выпила залпом холодный чай. Василий порывался сгонять за горячим на кухню, но девочка лишь отрицательно мотнула головой. Сама первой вскарабкалась на улыбающегося Василия и, положив голову на его грудь, вмиг уснула.

Васька поглаживал влажные, рыжие волосы, пропуская их расплавленной медью сквозь пальцы. В отличие от девчонки спать ему не хотелось. Вставать и покидать спальню — тоже. Вот и лежал парень, любуясь сонной пигалицей в его руках.

Взгляд нехотя перепрыгнул за окно. Солнце, закрытое осенними свинцовыми тучами, тускло светило с неба. Но настроение от этого ни на миллиметр не ухудшалось. Скорее наоборот. При такой погоде никуда не хотелось идти, разве что лежать вот так тихо и уютно под одеялом.

Васька и дальше бы провалялся, служа подушкой для пигалицы, если бы не телефонный звонок ее мобильного. Протянув руку, Барин прочел инициалы абонента. Нахмурился. И тихо ответил на вызов.

— Чё надо? — без приветствия поинтересовался Бася.

— О! Василий Павлович! — хмыкнул Вовчик, — А Груня там далеко?

— Далеко, — отрезал тихо Барин, — Чего надо?

— В смене один Димон, — приступил к делу администратор, — Думал, может Груня выйдет.

— Ты там оху... Охренел? — исправился Барин грозным шепотом, — Сам выходи, если некому. Не работает пигалица!

— Вообще? — уточнил Вовчик, — А она в курсе?

— Самый умный? — уже громче рявкнул Барин, а потом осекся, чувствуя, как пигалица заворочалась во сне, — Я тебе за что плачу? Уж точно не за вопросы!

— Формально мне платит Пал Палыч, — флегматично заметил Вовчик, вздыхая, — Ладно, не дурак, понял. Разберусь.

— Давай, — разрешил Барин и сбросил вызов, а потом, повертел в руках древний, по его меркам, мобильник. Нахмурился и поставил телефон на беззвучный режим. Вновь повертел мобильник и вновь нахмурился. Дотянулся до второго мобильного, своего, лежащего на той же прикроватной тумбочке. Выбрал нужный номер и коротко переговорил со знакомым. А потом, когда улегшееся желание вновь начало просыпаться от близости девчонки, Васька решил, что нужно либо засыпать, либо уходить

из спальни. Поскольку будить девочку он не хотел, то предпочел закрыть глаза и, мысленно посчитав цветочки на бабиной клумбе в саду, отключился.

* * *

Груня, пыхтя как паровоз, топала по лестнице, домашними тапками отбивая ритм. В руках она держала небольшую коробку, доставленную пять минут назад курьером. Посыльный отвлек ее от приготовления обеда, вернее, от разогревания обеда, поскольку со вчерашнего торжества осталась огромная куча еды. Мама Ньюра с Пал Палычем уже, мило беседуя, трапезничали. А Груня схватила злосчастную коробку и отправилась в спальню. Барин безмятежно дрых, обнимая подушку рукой и сложив лицо на влажное полотенце, которым перед сном Груня вытирала волосы, да так и забыла в кровати. Минуту Грунька думала, будить ли Ваську. А потом решила, что можно и разбудить ради такого случая. К тому же руки чесались до зуда, отвесить ему подзатыльник или настучать по упрямому и вредному носу.

— Василий Павлович! Подъем! — скомандовала Груня на всю спальню.

Васька сонно улыбнулся, потягиваясь на постели, будто огромный кошак.

— Василий Павлович готов к труду и обороне! — отрапортовал Барин, приоткрывая глаза, и уже тише и вкрадчиво, — Зайчонок, а ты чего пыхтишь?

— Это что? — грозно потрясла Груня небольшой коробкой перед носом парня.

— Мобилка, — пожал плечом Васька и потер ладонью глаз, который упорно не хотел просыпаться.

— У тебя уже есть точно такой же, да? — вроде бы успокоилась Груня, надеясь, что ошиблась, и Васька заказал телефон не ей, а себе, второй, для комплекта. Правда, этот был в розовом корпусе. Мало ли, какие причуды у Барина.

— Ну, есть, — проворчал Василий, — Хороший аппарат, надежный. Не то, что твоя развалюха.

— Я эту, как ты выразился, «развалюху» купила на собственные заработанные! — возмутилась Груня.

— Так и я не стырил, — парировал Васька, не стесняясь наготы, встал

с кровати и потопал к шкафу. Пигалица возмущенно зашагала следом, смешно пыхтя и сжимая в руках коробку с новым мобильником.

— Мне от тебя ничего не нужно! — продолжала гнуть свою линию Груня, — И телефон я не возьму. Мне и камеры выше крыши!

— Ну, вот чего ты завелась? — вздохнул Барин, выковыривая из шкафа свежее белье, футболку и джинсы. Еще бы носки отыскать, было бы вообще отлично. С недоумением глядя на содержимое шкафа, Васька силился вспомнить, где среди ровных стопок одежды скрывается нужный ему предмет гардероба.

Груня за его спиной вздохнула, поднырнула под его руку и безошибочно вынула новую пару носков.

— Хозяюшка ты у меня, — похвалил Васька, улыбаясь, — Прибралась в моем свинарнике.

— Это не свинарник, а шкаф, — фыркнула Груня, — Здесь носки, здесь белье, футболки, майки. Свитера вот на той полке.

Груня тыкала пальцем перед носом Барина в полки с одеждой, которую красиво разложила, пока Васька спал.

— Красиво лежат, — улыбался Василий, — но нужно половину для твоих вещей освободить.

— Зачем? — удивилась Груня.

— Как это? — в свою очередь удивился Василий Павлович, — Нет, ну можно и новый шкаф заказать. Побольше, чтобы на двоих хватило.

— Как это на двоих? — переспросила Груня, — Ты мне зубы не заговаривай, Василий Павлович! Скажи лучше, для чего мне телефон?

— Груня, если ты не в курсе, телефоны нужны, чтобы звонить, — хмыкнул парень, надев носки.

— Сдай его обратно! — скомандовала Груня, сунув в руки Барина коробку.

Васька вздохнул, под гневным взглядом пигалицы подошел к тумбочке, медленно взял в руки ее мобильник и, надавив на хрупкий аппарат так, что по экрану пошла трещина, протянул его девчонке в руки.

— Теперь тебе нужен новый телефон, — спокойно заметил Вася, — А в шкаф сложим твои шмотки. Ты теперь здесь жить будешь, у меня.

— Охренеть! — вырвалось у Груни.

— Зайчонок, да ты вон какие слова знаешь! — засмеялся Василий.

— Василий Павлович! Вы что себе позволяете?! — вышла Груня из ступора.

— Не думаешь, что после того как переспали, это твое «вы» уже не в тему? — весело говорил Васька, но Груня не разделяла его веселья.

— То, что мы переспали, не дает тебе права распоряжаться моей жизнью! — воинственно шипела Груня, — Я самостоятельная и независимая девушка!

— Женщина! — уже не улыбался Василий, а пытался мысленно отыскать выход и грядущего очередного косяка, в котором он вот-вот окажется.

— Не суть! — не унималась девчонка, — Ты не имеешь никакого права, ломать мои вещи. И жить здесь с тобой я не стану! У меня есть комната, своя, у бабушки! А еще дом, в деревне, тоже свой!

— Угу, с этим твоим женишком недоделанным по соседству! — взвинулся Васька, вспомнив ухажера.

— Он нормальный парень! — уже повысила тон Груня, — Никакой не недоделанный!

— Да насрать! — орал Василий, глядя на пигалицу сверху вниз, — Ты живешь здесь и точка!

— Да хоть восклицательный знак! — кричала в тон Васька Груня, — Я живу у бабушки! А телефон отремонтирую! А ты — мужлан неотесанный, хам и грубиян!

Прокричав Ваське в лицо последнюю фразу, Груня выскочила из спальни, но Васька быстро ее догнал, буквально на лестнице. И затащил в комнату обратно, спеленав по рукам и ногам брыкающееся девичье тело.

— Остынь, — скомандовал Васька, — Иначе запрю и до конца года не выпущу.

— Обалдел? — фыркнула Груня, — У нас банкеты, корпоративы на носу.

— Кстати, на работу ты тоже не выйдешь, — поставил Барин Груню в известность, — Вовчику я уже сообщил. Будешь учиться и дома сидеть. Нехрен с подносом гонять по залу.

— Ты ... что? Что сделал? — опешила Груня, — Ты меня уволил?! Да я... Да я Пал Палычу скажу!

— Угу, и пожалуйся в профком, — подсказал Василий.

— Вот и пожалуюсь! — упрямо заявила Груня, захлебываясь от возмущения, — У тебя нет никакого права меня увольнять!

— Поспорим? — предложил Васька, а потом вздохнул.

Нет, девчонка его доведет или до сердечного приступа или до белой горячки! Телефон ей не нравится. Дом его не нравится. Работать нравится!

— Вась, ты давай полегче, — вдруг раздался голос отца из распахнутой настежь двери.

Васька повернул голову в сторону Пал Палыча, нахмурился, словно

приходя в себя. Кивнул.

— Так, ладно, — решил вдруг Василий, понимая, что мужику не пристало сдавать позиции в споре с девчонкой, но деваться ведь некуда, — Давай так. Ты берешь телефон и перевозишь шмотки. А я разрешу тебе работать в ресторане.

— У меня есть встречное предложение, — прищурилась Груня гневно, правда злиться, сидя у Васьки на коленях и чувствуя, как его щека прижимается к макушке, получалось плохо, — Телефон мне не нужен. Вещи я пока не буду перевозить. А вот работать не перестану.

— Поняла, что сказала? — хмыкнул Васька, и уже примирительным тоном, — Грунь, ну телефон сломался. Отпускать тебя не хочу. Все равно каждый вечер домой провожаю. А здесь на машине всего полчаса езды. А с работой так и быть, я погорячился.

— А до дома бабушки десять минут пешком, — напомнила Груня, вздыхая. Нет, хитрый лис, этот Васька. Еще и целоваться лезет, словно знает, что спорить она уже не хочет.

— Зато здесь воздух свежий, — уговаривал Василий.

— Я подумаю, — сдалась Груня, — А ты не ори, как бизон на охоте.

— Это я еще тихо, — оправдался Василий, — И заметь, даже цензурно. Матом не плевал.

— Заметила, — хмыкнула Груня, поворачиваясь в руках Барина, — Молодец. Хвалю. Хороший мальчик.

— Хороший, — с готовностью согласился Барин, — Хороший мальчик есть хочет.

Грунька любовалась парнем, глядевшим на нее совсем не хмуро, а, кажется, нежно. И вдруг улыбнулась. Нет, этот Василий Павлович абсолютно несносный, непробиваемый, толстокожий, упрямый и настырный человек. Но он каким-то чудом и всей своей неотесанной харизмой умудрился покорить ее. Даже больше. Настолько привязать к себе, что Груньке с огромным трудом удастся противостоять ему — этому, пусть хамоватому, но такому замечательному парню.

* * *

Большую часть дня Груня провела дома, рядом с тетушкой Нюрой, Пал Палычем и Василием. Иветта, не разбуженная шумным спором Васи и Груни, проснулась около часа назад, пообедала и умчалась на своей малолитражке в город. Бабушку еще ночью домой отвезли Елена

и Герасим, отказавшись переночевать в загородном доме Барычинских. И поэтому, оставшись в доме вчетвером, компания решила обосноваться в уютной гостиной, включить какой-нибудь старенький фильм и просто уютно и по-домашнему провести время.

Грунька лежала на огромном мягком диване в руках Василия, устроив щеку на его груди, и слушала размеренные удары сердца. Часть ее мало верила в происходящее, словно чувство нереальности туманило мозг. А другая часть — радовалась, что ее жизнь меняется так кардинально и бесповоротно.

Девчонка мало понимала, что за картинки мелькают на экране. Перед глазами, вместо кадров из фильма, пробежали события прошлой ночи и сегодняшнего утра. Грунька поняла, что краснеет от воспоминаний. И уткнулась носом Ваське в грудь. В ответ он накрыл ее затылок ладонью. Стало тепло и уютно, словно он оградил ее от всего мира, защищая и оберегая.

Идиллия продолжалась недолго. Тишину, нарушаемую звуками телевизора, испортил звонок телефона Барина. Васька вздохнул, но на вызов ответил. Послушал мужской голос, доносившийся из трубки, вздохнул. Стрельнул взглядом в тетушку Ньюру. И Груня поняла, не было бы ее, по гостиной разнесся бы отборный мат. Вздохнул.

— Через полчаса буду, — буркнул Васька недовольно в трубку и отшвырнул мобильник на диван.

— Дела? — поняла Грунька, глядя в недовольные и хмурые глаза Барина.

— Ну, мать их дери! — выругался Василий тихо, поднимаясь вслед за девчонкой с дивана.

— Вась, а ты меня до города подвезешь? — Груня шла следом, решив поехать к бабушке.

— Зачем? — насторожился Василий, открывая перед Груней дверь спальни.

— К бабуле поеду, — пожала плечом Груня, беря со стула одежду: джинсы и рубашку, — Да и к занятиям нужно подготовиться. Еще хотела фотки обработать со свадьбы Черепановых.

— Давай скажешь, я тебе сюда привезу все, что нужно от бабули, — предложил Василий, хмурясь и не очень радуясь, что пигалица решила слинять из дома, — А фотки у меня обработать можно. Комп у меня тоже есть. Я ж не в пещере родился.

— Вась, мне честно нужно к бабушке, — улыбнулась Груня, — Я уже который день дома не ночую. Она там скучает одна.

— Я тоже один скучаю, — проворчал Василий, — А Надежде Вадимовне вон, хмыря этого отдай. Пусть веселит старушку.

— Не хмыря, а хорька, — улыбнулась Груня, натягивая джинсы, — И что бы ты знал, я тоже буду скучать.

— Правда? — с надеждой спросил Васька, уже натягивая свитер с крупной вязкой поверх футболки.

— Честно-честно, — пообещала Груня.

И Васька решил не спорить. Тем более, судя по словам парней, дел накопилось настройке по гланды, а то и выше.

Оставив девчонку у Надежды Вадимовны, Васька с места рванул Мерседес, подгоняемый телефонными звонками. А Груня поднялась в квартиру на третий этаж. Открыв дверь своим ключом, внесла клетку с хорьком и поставила ее на пол в коридоре.

— Бабуль! Я дома! — крикнула Груня, обувая свои смешные тапки и ставя ботинки на полку с обувью.

Взгляд зацепился за мужские туфли, начищенные до блеска.

— Ба? — повторила Груня и пошла на кухню, откуда доносились тихие голоса.

За кухонным столом, медленно отпивая чай из чашки с маками, сидел Тарас Вольных. А напротив него, на своем любимом стуле, сидела бабушка и вязала очередную пару носков. В этот раз, судя по цвету и размеру растущего на глазах вязаного изделия, Надежда Вадимовна трудилась над мужской парой. И Груня предполагала, что к первому, даже самому незначительному празднику, Васька получит пару новеньких носочков от бабули.

— Привет, — спокойно поздоровалась Груня, — Я думала, мы все решили.

— Почти, — произнес Тарас, поднимаясь со стула, — Агриппина, удели мне пару минут, пожалуйста. Надежда Вадимовна, спасибо, что приютили. Мне пора.

— До свидания, Тарас, — махнула рукой старушка, вздыхая и глядя на хмурую внучку, — Грушенька, не волнуйся. Ты беги, а я пока обед согрею.

Груня кивнула и пошла в комнату. Тарас шел следом, хмурясь и сверля рыжий затылок девчонки.

Первым делом, оказавшись в своей комнате, Груня обомлела, остолбенела и пришла в ярость. Портрет, еще вчера висевший на стене, отсутствовал. Зато вместо него на столе лежали мелко изорванные куски.

— Ты вообще в себе?! — гневно закричала Груня, — Кто тебе дал право находиться у меня в комнате?

— Надежда Вадимовна разрешила переночевать, — оправдался Тарас, пряча руки в карманы, — Не хотел домой ехать в ночь.

— Ты! Ты! — возмущалась Груня, — Как ты вообще посмел?! Это же работа Шахова! И автограф! Ты придурок, Вольных, самый настоящий придурок!

Груня дрожащими руками схватила клочки бумаги, которые раньше были шедевром самого маэстро. Поняла, что по щекам катятся слезы. Со злостью стерла их ладошкой.

— Ты даже говорить начинаешь, как он! — вспыхнул Тарас, хватая девчонку за плечи, — Что он сделал такого, что ты с ним? Почему не я?

— Отвали! — рявкнула Груня, но осеклась, понимая, что бабушку расстраивать она не хочет, — Выметайся из квартиры!

— Грунечка, девочка моя... — тихо проговорил парень.

— Я не твоя девочка! — резко перебила Груня Тараса, — Я его девочка!

Пепел швырнула в Тараса обрывками фотографии, подошла ближе и толкнула в широкую грудь руками. Потом еще и еще. Тарас поддался, пятясь назад, вышел из комнаты. А потом, обувшись, и из квартиры. А Груня выскочила из подъезда следом за парнем.

— Больше никогда! Ты слышишь? Больше никогда не подходи ко мне! Понял? — уже громче кричала Груня, сверля Тараса взглядом, сверкающим гневом и слезами.

— Да ты глупая совсем! — не унимался парень, выходя из подъезда на улицу, — Тебе с ним счастья не будет! А мы поженимся, как и планировали. Я верным буду. А он что? У него таких, как ты, вагон!

— Мы планировали? — вскрикнула Груня, опешив и придя в еще большую ярость, хотя куда уж больше, — Мы даже не встречались! Мы просто жили по соседству. Играли в одной песочнице.

— Это абсолютно не важно, — твердо говорил Тарас, — Ты будешь обеспечена. Бабушка твоя тоже. Будешь законной женой, а не девкой на содержании у мужика с тремя классами образования и мутными доходами!

— Рот закрой, Штирлиц, млин! — неожиданно раздался голос Ивы откуда-то со стороны.

Груня посмотрела на девчонку. Та стояла около припаркованного внедорожника Тараса и постукивала битой по ладошке. Откуда спортивный инвентарь взялся у девчонки — неизвестно, да и как появилась Иветта в самый нужный момент — Груня не знала. Но была благодарна ей за то, что именно она оказалась здесь.

— Свали, отмороженная! — недружелюбно бросил Вольных и вновь

обернулся к Груне, — Когда ты поймешь, что не подходит он тебе?!

— А ты, значит, в самый раз? — хмыкнула Ива, приближаясь к парню, девчонка подмигнула Груне и улыбнулась, — В тапках не замерзла? А то домой беги. Я поговорю с этой блондинкой бестолковой.

— Ивка, ну что за глупости? — отмахнулась Груня и повернулась к Тарасу, — Уезжай лучше, пока я не позвонила Барину. И ты знаешь, что будет потом. Синяки с лица еще не сошли.

— Барина я не боюсь, — воинственно проговорил Тарас, и, неожиданно для Груни схватил ее за плечи широкими ладонями и встряхнул, — Поедем со мной! Поедем и распишемся. Брось его! С ним ты хапнешь горя. А мои родители тебя уже приняли, одобрили. Подходишь ты нам.

— Ах, ты ж, морда блондинистая! — прошипела Ива и, размахнувшись, ударила битой по спине парня, а потом, когда он пошатнулся, контрольным по затылку.

Любой другой человек, меньшей комплекции, возможно и отключился бы, или и того хуже, отправился к праотцам. Но этот ничего, сдюжил. Даже на колени встал, выбираясь из лужи на асфальте, грязной и присыпанной жухлыми листьями.

— Ты психопатка! — шипел Тарас, пошатываясь, но поднимаясь на ноги.

— Сел в тачку и свалил! — спокойноскомандовала Ивка, на плече устроив драгоценную деревянную битую с изящной надписью черным курсивом «Универсальный решатель проблем», — Еще раз узнаю, что маячишь на горизонте — найду и прикопаю. А я могу, у меня даже справка имеется желтого цвета. Четко изъясняюсь?

— Дура сумасшедшая! — шипел Тарас, вытирая затылок ладонью, увидев кровь на пальцах, взревел, — Ты меня убила, припадочная!

— Нет, но сейчас мы это дело исправим! — хмыкнула Ивка, поигрывая битой в воздухе.

— Ивка,пусти его, пусть уезжает, — тихо попросила Груня, утягивая девчонку за рукав, — Пойдем чаю выпьем. Бабуля там обед греет.

Груня все же вернулась на шаг назад и, расправив плечи, твердо посмотрела парню в глаза:

— Я не делаю выбор, потому что он не стоит, — четко говорила девчонка, — Я с ним, потому что люблю, не за деньги, как ты, наверное, думаешь. И он совсем не такой, каким ты его считаешь. А ты для меня всегда был другом. Но с этого момента — просто сосед и знакомый. Надеюсь, ты меня услышал и понял.

— Предельно! — рыкнул парень, сверля девчонку яростным взглядом, а потом и сел в машину, хлопнув дверью.

— И почему я не ожидала другого поведения от мужика с именем Тарас? — засмеялась Иветта, а сама цепким взглядом проводила отъезжающую от дома машину, словно проверяя, исчез ли парень, — Тарас — пид...

— Иветта! — строго одернула девушку Груня, — Ты же дама! Девочкам нельзя так ругаться!

— Да я легонько, — повинилась Иветта, — Кстати, я тут попросить хотела у тебя кое-чего. Ваське позвонила, он мне сказал, где тебя найти.

— Вот и хорошо, — улыбнулась Груня, — Только, Ива, давай Васе не скажем про этого болезного? Хорошо?

— Ладушки, — кивнула Иветта, собираясь девушку брата просить о том же. Ведь Ваську она знала, из-под земли найдет придурка и весь дух выбьет. А так, она и сама справилась.

* * *

Девчонки сидели за столом и пили чай с пирогами. Перед Груней стоял ноутбук, в котором девчонка выискивала наиболее удачные фотографии, а также скачивала из поврежденного телефона информацию и перекидывала ее на новенький аппарат.

— Просто взял и сломал? — смеялась Ивка, глядя на возмущенно вздыхающую девчонку.

— Угу, — кивнула Груня, — Спасибо, что только экран вышел из строя.

— О, да, Васька у нас могучий малый, — хихикала Ива, — И вспыльчивый.

— Вспыльчивый, — как-то огорченно и тихо прошептала Груня, — Боюсь представить, что будет, когда узнает о приходе Тараса.

— А ты не говори, — предложила Иветта, — И я промолчу. Свидетелей вроде не было. А Надежду Вадимовну тоже попросим партизанить. Да, баб Надь?

— А то! — донеслось из комнаты, — Я вон и носки Васеньке почти связала. Хороший мальчик. Творческий.

Груня хмыкнула, но спорить не стала. Творческих склонностей за Баринном она не заметила. Кроме одной.

— Он все равно догадается, портрет ведь исчез, — вздохнула Груня, —

От Шахова. Тарас его порвал.

— От Ваньки что ли? — переспросила Иветта, — Да ты не переживай, подруга. Поправим. Пупкина к ногтю прижмем!

И в подтверждение своих слов девушка вынула телефон и быстро набрала нужный ей номер. Спустя пару мгновений, абонент уже отвечал весело и задорно.

— Ушам своим не верю! Сама мадмуазель Иветта! Да ко мне, простому смертному! Так, стой, дай-ка угадаю! — тараторил маэстро, — Ты решила идти по стопам брата и позировать голенькой?

— Тебя, Пиписькин, там реагентами накрыло в твоей раболатории? Или рабы взбунтовались и огрели тяжелым предметом по темечку? — смеялась Ива, — Мое голое тело ты увидишь только в своих маньяцких снах, товарищ маэстро! Я к тебе по делу.

— Не сваришь с тобой каши, — огорчился Марк-Ваня, — Чем могу, помогу.

— Да уж будь любезен, — хмыкнула Иветта, — Мне бы портрет брата, точно такой же, что ты Груне подогнал. И чтобы даже автограф в том же месте.

— О как! А первый куда делся? — недоумевал фотограф.

— Волки съели, — хмыкнула Ива и уже серьезнее, — Вань, сможешь? Очень нужно.

— Сделаем, — уже серьезно ответил маэстро, — Куда везти?

— Шли курьером, адрес скину сообщением, — потребовала Иветта, — А сам не вздумай явиться. Не хочу видеть твою противную гламуристую рожу.

— Я тоже тебя обожаю! — рассмеялся Шахов и отключился.

— Ну, вот и все, к вечеру портрет привезут, — отчиталась Иветта, а Груня готова была девушку расцеловать за помощь, но одна мысль никак не укладывалась в голове.

— Ива! Он же маэстро! Очень уважаемый и признанный всеми! А ты с ним так....

— Ох, Груня, а мне фиолетово, — махнула рукой Ива, — Да ты сама, как общаешься с ним подольше, также будешь разговаривать.

Грунька скептически посмотрела на подругу.

— Уговорила, не будешь, — рассмеялась Иветта, — Так что там с фотками? Мне утром нужно художнику отдать, чтобы начал рисовать. Я у дядь Паши в гостиной и место уже выбрала под их с мамой Нюрой портрет.

Груня, воодушевленная настроением и девчонки продолжила поиски фотографии, а Иветта продолжила пить чай. Выбрав нужные кадры, Груня

скопировала их на приготовленный флешку.

— Знаешь, — вдруг произнесла Иветта, спустя несколько минут, задумчиво глядя в свою чашку, — Все, что эта блондинка там кричала, это все не правда. Про Ваську. У вас все совсем не так.

— Даже если Тарас окажется прав, — как-то грустно произнесла Груня, стараясь не смотреть на девушку, сидящую напротив, — Плевать.

— Ты в своем уме?! — возмутилась Иветта, — Я брата отлично знаю! Не было еще, чтобы он в дом кого-то привел, подарки дарил, цветы. Он по природе — сухарь. А здесь вон как увивается. Пылинки сдувает. Бесится от ревности. Вовчик мне уже доложил, как наш Барин клиентуру об стол успокаивает и орет на весь ресторан. Нет, Грунька, ты зря так. У Васьки это серьезно. Он к тебе прилип намертво.

— Думаешь? — с надеждой во взгляде несмело спросила Груня, отрываясь от монитора.

— Уверена, — кивнула Иветта, — А ты чего себе надумала?

— Да так, разное, — Груня почесала нос, заправила волосы за ухо, — Просто, понимаешь, он успешный, старше гораздо, уверен в себе, у него таких, как я, сотня, наверное. И красивый он. А я...

— А ты дурочка, — услужливо подсказала Иветта.

— Дурочка, — тихо повторила Груня.

— Даа, клиника, — вздохнула Ива, — Давай прекращай думать глупости. Ты красивая, веселая, добрая. А самое главное — Васька тебя любит. Не говорил разве?

— Нет, — качнула головой Груня.

— И ты не говорила? — догадалась Ива.

— Нет, — вздохнула Груня, — Еле сдержалась. Особенно, когда...

Груня замолчала и спрятала ладошки в карманы мастерки.

— Дурные вы оба, — сообщила Иветта и твердо добавила, — Груня, ты не сомневайся, Вася тебя любит. Просто он не умеет говорить о своих чувствах. Он любит, как умеет, вот так, нахрапом, наездом. Но я вижу, насколько сильно ты ему нужна. Может быть, он и сам пока этого не понял до конца. Но поймет. И точно знаю, не отпустит уже.

Пламенную речь девушки прервал телефонный звонок. Вздохнув, Иветта пару секунд смотрела на экран телефона, хмурясь и о чем-то сосредоточенно думая. А Груня размышляла о своем, о чувствах к Барину, о словах его сестры. Думала и боялась поверить.

— Ведьма на проводе, — вместо приветствия проговорила Иветта, поморщилась и чуть отстранила телефон от уха, — А кто сказал, что я про

себя? Чего желает мадам будущий мэр? Уже бежать? Или можно явиться в более подходящий момент? Скажи, пусть не брызжет ядом. Приеду через час.

Иветта сбросила вызов, нехотя встала со стула.

— Ладно, Грунечка, меня родительница требует, — сообщила Ива, — Мой тебе совет: спроси в лоб. Вот сегодня и спроси. Вася у нас не понимает намеков. И сам не мастак юлить.

Груня встала следом за подругой и пошла ее проводить до двери. И уже в коридоре порывисто обняла девушку.

— Спасибо тебе, Ива! — поблагодарила Груня.

— Было бы за что! — рассмеялась девушка, — Я, знаешь ли, в своих интересах стараюсь. Подруг у меня немного. А ты очень даже подходишь на эту должность. Все, не скучай. Шахову скажу, чтобы пошевеливался.

— Спасибо огромное! — улыбалась Груня.

Иветта умчалась так же неожиданно и быстро, как и появилась в доме Груни. Вернувшись на кухню, девчонка погрузилась в размышления. Стрелки часов медленно ползли, приближая вечер. За окно уже совсем стемнело. Курьер приезжал, доставив презент от маэстро Шахова. Но мысли все еще не отпускали Груню. И хотелось ей поверить в слова Иветты, да только сомнения все равно были. В воспоминаниях девчонка постоянно возвращалась к событиям минувшей ночи и дня. Нет, она была уверена, что любит Ваську, любит отчаянно, всей душой и, что немаловажно, телом. Каждой клеточкой. Но страх в мыслях присутствовал.

Повесив портрет, Груня, уже привычно, легла на кровать и принялась рассматривать плечи и спину Барина. Теперь она знала, какова на ощупь его кожа. Даже на вкус знала. Пока он спал, украдкой целовала его в плечо, вдыхая родной и ни с чем несравнимый запах, все больше привязываясь к нему.

Лежа в кровати, глядя в свете настольной лампы на стену, Груня поняла, что жутко скучает. За последние дни она успела привыкнуть к горячему телу под пальцами, к глубокому и размеренному дыханию и сильным и успокаивающим ударам сердца.

Время перевалило за полночь, а от Василия не было вестей. Сотни раз Груня порывалась позвонить или просто написать короткое сообщение. Но каждый раз заставляла себя отложить телефон обратно на стол. Пока в половине второго ночи аппарат сам не пиликнул входящим звонком.

— Да! — торопливо ответила Груня.

— Зайчонок, спускайся, — тихо проговорил Василий.

По голосу парня Груня поняла, что он устал. Представила, что еще

нужно ехать по трассе, пусть и недолго, но все-таки.

— Нет, Василий, — твердо произнесла Груня.

— Агриппина! — устало произнес Васька, выдыхая.

Груня выглянула в окно. Стоит и курит около машины. Плечи опущены, спина напряжена. Заметно устал. Ну, вот куда ему за руль?

— Василий Павлович! — строго произнесла девчонка, — Паркуй машину и поднимайся. Я диван разложу и ужин согрею.

Груня видела, как Барин поднял голову, словно знал, что она наблюдает за ним из окна. Сбросил вызов, пряча мобильник в карман. В темноте улицы и в неярком свете фонаря Груня была уверена, что рассмотрела, как Барин ей улыбается, той самой улыбкой — ее любимой, открытой и мальчишеской.

* * *

Время летело стремительно. Вертелось, и не удержать, не остановить. Учебный семестр приближался к концу. Новый год маячил на горизонте. В ресторане наступало время корпоративов. К тому же и Василий выматывался каждый день на своей стройке, появляясь только поздними вечером или чаще ночью. В ресторане он стал редким гостем, возложив все дела на Пал Палыча. Они с мамой Нюрой решили зимовать в городе, а уже весной перебраться в деревню. Несколько раз они ездили в деревенский дом, проверить, все ли там в порядке. Но Груня не захотела ехать вместе с ними. Не хотела рисковать и встречаться с соседом.

Вообще, в последнее время Груня много чего не хотела. Особенно, если речь шла о еде. Не было аппетита. Она заметила, что весь ее режим изменился. Питалась она исключительно ночами, когда Васька приезжал домой. Иногда Груня везла домой контейнеры с едой от Михалыча. Но чаще готовила мама Нюра. Или, если они с Василием ночевали у бабушки, то готовила Надежда Вадимовна обещанные Ваське пироги с мясом.

Груня видела, как устает Василий, буквально падая в кровать. И часто она просто засыпала рядом, убаюканная его размеренным дыханием. Почти каждую ночь, поспав пару часов, Васька нежно, но настойчиво будил девчонку, а потом, сонную и удовлетворенную, прижимал к горячему боку. Они мало говорили, словно и без слов им было уютно. И Груня чувствовала, что-то изменилось в их отношениях.

Не сказать, что Груня скучала по истошному воплю раненого бизона, но с какой-то тоской вспоминала те дни, когда Васька буйствовал в

ресторане.

Вот и сегодня, клиентов в зале на удивление оказалось мало. За окном царила вьюга, заноса суetyающихся прохожих и припаркованные машины. А Груня смотрела с тоской на обычный столик, за которым сидел Барин в первый день их знакомства.

— Что-то ты грустная, пигалица, — раздался голос Вовы за спиной, — Домой езжай. Все равно народу мало.

— Не хочу, — отмахнулась Груня, — Мои в кино утопали. Что мне одной дома делать? А бабушка к подруге умчалась. У них там плановые посиделки.

— Так Барину звони, пусть уже оторвет задницу от дел, — предложил Вовчик, — Или давай я. Намекну тонко, что к тебе клиенты подкатывают. Вмиг примчится.

— Брось, Вова, — улыбнулась Груня, — Не нужно его от дел отвлекать.

Груне и самой хотелось позвонить Ваське и попросить, чтобы приехал. Увез ее домой. Устроил под своим боком и прижал к себе покрепче. Так сильно захотелось, что даже слезы навернулись на глаза. Украдкой смахнув их, Пепел вздохнула.

В зал вошел очередной клиент, поискал взглядом свободный столик. Груня, дождавшись кивка Вовчика, пошла его встречать. Приветливо улыбнулась. Усадила пухлого мужчину за столик и предложила меню и карту вин. Оставив посетителя, на минутку помчалась во владения Михалыча за очередным готовым заказом.

Прихватив две большие тарелки с аппетитно разложенной на них семгой, замерла, так и не дойдя до клиента, заказавшего блюдо. Остановилась прямо в распашных дверях. До смерти захотелось этой самой рыбы. Вот прям, кажется, и слюнки потекли.

Груня перевела растерянный взгляд с аппетитной рыбки на Михалыча. Тот, прищурившись, задумчиво смотрел на пигалицу.

— Тоже хочешь? — поднял брови вверх.

— Очень, — честно призналась Груня.

— Неси, а я пока для тебя сооружу порцию, — кивнул Михалыч и продолжил прерванную работу.

Груня со скоростью ветра отнесла заказ клиенту, приняла новый и умчалась на кухню, где ее уже поджидала та самая аппетитная семга. Под веселым взглядом Михалыча, Пепел практически на одном дыхании проглотила огромный кусок рыбки и перевела дыхание, запив все клюквенным морсом.

— Дядь Миш, вы волшебник! — честно призналась Груня, и, подскочив, отнесла грязную и пустую тарелку.

— Кушай, кушай, поправляйся, — ласково потрепал Михалыч девчонку за щечку.

Груня умчалась из кухни. А потом решила присесть. Как-то ноги плохо слушались. До стула дойти девушка не успела. Так и плюхнулась прямо на пол пятой точкой, держась рукой за стенку. Казалось бы, никто ее и не заметил. Кроме Вовчика. Парень осторожно помог Груне подняться и отвел в кабинет.

— С чего вдруг? И поела, кажется, — хмуро поинтересовался Вовчик, глядя на бледное лицо пигалицы.

Нет, Барин узнает, ресторан разнесет. Надо самому звонить, сдаваться и каяться, пока не поздно.

Потянувшись за телефоном в карман, Вовчик замер, остановленный нетвердой рукой.

— Не нужно! — тихо попросила Груня, прекрасно предугадав действия друга, — Прискачет. Орать будет. Не хочу.

— А что делать? — спросил Владимир.

— Сможешь тихонько и без свидетелей сбегать в аптеку? Или я сама сейчас. Отпустишь? На десять минут. Здесь за углом есть, — тараторила Груня, собираясь подскочить на ноги.

— Лежать! — не так громко, но весьма похоже на крик Барина, произнес Вовчик, — Я сам! А ты не двигайся. Чего купить?

— Догадайся с трех раз, — Груня послушно опустилась на диван.

— Ай, да Барин! Ай, да молодец! — заулыбался Вовчик.

— Вова! — Груня приоткрыла один глаза и взглянула на друга с укором.

— Понял, уже убежал! — подскочил парень на ноги.

Спустя десять минут, как и обещал, Вовчик вернулся с целой охапкой тестов на беременность. Тихонько сунул все покупки в непрозрачном пакете Груне в руки, и велел в зал не выходить.

Минуту Груня лежала, боясь поверить в происходящее. И страшно ей. А вдруг действительно беременна. И, кажется, хочется.

Последнюю неделю она часто думала о детях. С Васькой они ни разу не говорили на эту тему. Как и о средствах контрацепции. Сейчас, мысленно отмотав время назад, Груня понимала, что на тему их отношений они вообще не говорили. Советом Иветты Груня не воспользовалась. Не спросила напрямую. И сама не призналась в своих чувствах. А почему — не знала. Возможно, все еще боялась услышать отрицательный ответ.

Четыре теста разных производителей и формы, но с одним результатом Груня зажала в руке. И что делать? Какова вероятность, что все четыре теста ошибочны? Сделать еще? Вовчик вон, купил десять штук.

Вздыхнув своей же наивности, Груня плюхнулась на диван. Чрезмерный аппетит, головокружение без причины и положительные тесты на беременность сообщали, даже кричали о грядущем событии и об изменениях в жизни Пигалицы.

Выронив полоски из рук, Груня спрятала лицо в ладонях. Секунду она думала. Всего секунду. А потом рассмеялась. Господи! Она беременна! Это ведь чудо! Нет, ожидаемое и в далеком будущем прогнозируемое! Но все же чудо!

Посидев еще минутку с абсолютно глупой улыбкой, Груня подскочила на ноги. Васька! Нужно срочно сообщить ему!

Собрав все тесты и сложив их в карман, Груня схватила телефон. Васька ответил почти сразу.

— Васенька, — вкрадчиво проговорила Груня после приветствия, — А ты не проголодался?

— Угу, жутко, — признался Барин, — Задрали меня все кругом. А давай свалим из города? Прямо завтра.

— А давай для начала ты поужинаешь со мной? — внесла встречное предложение Груня, — Рыбка у Михалыча вышла изумительной.

— Лечу! — коротко ответил Барин и сбросил вызов.

Груня, все еще улыбаясь, прижимала телефон к груди. В этом весь Василий. Ее Барин. Но такой родной и до жути любимый!

* * *

Василий Павлович был, мягко говоря, выжат как лимон. Его стремление закончить стройку до праздников — вылезало ему боком. Косяки сыпались один за другим, и хотелось послать все далеко и надолго. В последнее время Барин и сам подмечал, что реально устает от такого графика. Ему вдруг стало хотеться тишины и покоя, долгих вечеров на диване в обнимку с пигалицей и бессонных ночей. А не быстрого секса и мгновенной отключки, когда и до ванной с трудом добирался. Нет, все-таки он свинья, потому что оставлял девчонку без внимания все эти дни, ломал себя, стараясь успеть с подарком к празднику.

По дороге в «Барин» Васька решил так. Ну, ее на хрен, эту стройку. Все, баста. Терпение кончилось. С завтрашнего дня он станет образцовым

мужиком, начнет водить свою пигалицу по всяким там театрам, киношкам и прочей шулупони. Вот только выпится в эту ночь. И с самого утра заставит девчонку собрать шмотки, позвонит нужным людям, возьмет горящий тур на двоих и махнет в теплые края. Будут они с Груней валяться на пляже и греть косточки. Да, так и сделает.

Васька даже улыбнулся от этой своей идеи. А когда вошел в ресторан, настроение окончательно улучшилось. Груня, как и в первый день их знакомства, бегала от столика к столику, принимая заказы. Ему хотелось схватить девчонку в охапку и утащить в кабинет. И диван там есть. А ужин подождет. Барин хотел удовлетворить первым делом другой голод и потребность в своей пигалице.

Не обращая внимания ни на кого, Васька прямой наводкой подошел к девчонке. Так же, молча, сгреб ее в охапку и, чтобы не оставалось сомнений, поцеловал.

— Васенька! — с легким укором, но с озорством в глазах проговорила Груня, — Иди в кабинет, я мигом.

— Мысли читаешь, зайчонок, — хмыкнул Васька и, нехотя выпустив пигалицу из рук, утопал в кабинет.

По пути ему вновь позвонил прораб и испортил настроение. Отпуск вновь показался чем-то несбыточным. Прооравшись и послав всех по известному маршруту, Васька откинулся на спинку, сидя в директорском кресле. Едва слышно открылась дверь и Васька увидел, как Груня идет к нему через весь кабинет, неся в руках тарелку, накрытую металлической крышкой, который Михалыч ласково называл баранчик-клоше и постоянно ее использовал. Уж очень эффектным казалось ресторанному повару подача вот с такими блестящими приспособлениями.

Груня, широко и ласково улыбаясь, поставила перед Васькой тарелку с едой. Барин уже начал прикидывать, что и ужин можно отодвинуть на полчаса. Чего он, рыбу холодной не заглотит что ли? До жути он соскучился по своему зайчонку.

Отодвинув тарелку, Барин усадил девчонку перед собой на столешницу и опустил голову на ее колени, обнимая руками. Ласковые ладошки прошли по затылку, зарываясь в волосы.

— Я жуть как соскучился, — признался Васька, шумно вдыхая аромат своей весны.

— Вась? — тихо позвала пигалица.

Барин заставил себя оторвать голову от любимых коленей. Даже моргнул пару раз, фокусируя взгляд.

Груня сидела на столе, улыбалась, словно в ожидании, но довольной

улыбкой, а в руках держала крышку.

— Вот, — тихо произнесла пигалица.

— Это чего за на хрен? — удивился Васька, — Михалыч подался в молекулярную кухню? Нет. Не стану я это жрать. Ты мне рыбы обещала.

Груня рассмеялась, шутливо щелкнула Ваську по носу.

— Вась, внимательнее смотри, — подсказала Груня.

Васька силился, всматривался в странные на вид полоски с черточками, аккуратно разложенные на тарелке.

— Чет я не догнал, — хмурился Василий.

— Вась, я беременна, — произнесла Груня, продолжая улыбаться.

— Как это? — все еще не догонял Василий, чуть отодвигаясь от девчонки, не убирая рук с ее бедер, — Ты же таблетки какие-то пьешь.

— Это простые витамины, — медленно проговорила Груня, перестав улыбаться, — А я беременна.

Груня повторила, на всякий случай, чтобы информация окончательно улеглась в голове Барина.

— Как-то неожиданно, — пробормотал Васька, откидываясь на спинку кресла и проводя пальцами по глазам, — Я думал, ты таблетки пьешь. И чет про резинки не думал. И че, правда, беременна?

— То есть, ты не рад? — как-то слишком уж спокойно проговорила Груня, но Васька не придал ее тону и голосу особого значения, полностью погруженный в новость.

— Как-то не ожидал, — бормотал Василий, — Мы не планировали пока. Ты не говорила, что хочешь.

Груня, кивнула, сползла со стола. Не так она представляла эту сцену. Совершенно и абсолютно не так.

— Я не избавлюсь от ребенка, — спокойно проговорила Груня, — А ты не смей подходить ко мне!

Груня уже успела отойти от Барина на пару шагов.

— Не планировали мы? Не планировали? — уже громче говорила Груня, стараясь не плакать, — Мы с тобой вообще ничего не планировали. Мы с тобой говорили по два слова в сутки. Ты или спал со мной, или просто храпел в отключке. Я думала, ты все сам решил. Ты всегда все сам решаешь! Но знаешь, Василий Павлович, я тебе скажу один раз и четко: ребенка я оставлю. А ты со своим «неожиданно», «не готов», «не хочу, не буду» можешь катиться лесом!

Васька хлопал газами, мысленно прикидывая, как круто он только что попал. А считал, косяки уже не его стихия. И пока Барин думал, не в состоянии связать и пары слов, то ли от шока, то ли от голода, Груня уже

хлопнула дверью. Да так, что Васька вздрогнул. Вздрогнул и сорвался с места.

Девчонку он догнал у подсобки.

— Я дурак, тормоз, идиот, — говорил Василий, схватив девчонку в охапку и прижимая к себе, — Я испортил все. Не подумал. Ты же наешь, какой я. Ну, знаешь ведь? Я не то совсем хотел сказать. Правда, не то!

— Не ври! — рявкнула Груня, — Отпусти меня. Видеть тебя не хочу!

Васька позиции не сдавал, крепко фиксируя вырывающуюся девушку руками. Пока она не замерла неподвижной статуей в его объятиях.

Васька отклонился, пытаясь заглянуть в глаза пигалице. Но та ухитрилась, высвободила руки и отвесила оплеуху. Звонко и крепко. Так, что Васька словно очнулся от наваждения.

— Не смей ко мне прикасаться! — четко и по словам проговорила Груня.

От ее голоса, звеневшего холодом и сталью, гневом и обидой, Василий опешил и опустил руки.

— Груня, давай поговорим... — попытался предложить Барин.

— Ты уже достаточно сказал! — холодно перебила его девчонка, — Я тебя слышала!

Груня развернулась и твердой походкой, с прямой, натянутой словно струна спиной, вышла в зал. Барин не отставал ни на шаг, но заговорить не пытался.

Первым встретился Вовчик. Звонким голосом Груня сообщила, что ей нужно домой. И, прихватив из подсобки верхнюю одежду, сменив туфли на сапожки, вышла из ресторана.

Вася уже курил, поджидая девчонку на крыльце. Он боялся, что она рванет от него в снежную бурю. Но ошибся. Груня направилась в сторону припаркованного Мерседеса и села на пассажирское сиденье.

Мелькнувшая на горизонте надежда заставила Василия рвануть за руль. Прогретый салон надежно отсек молодых людей от снежной вьюги.

— Если у тебя есть сомнения по поводу отцовства, — медленно проговорила Груня, — Я не против теста на ДНК.

— Мать твою, Груня! — взревел Бася от неожиданности, — Какой тест! Это мой ребенок!

Но Груня даже не поморщилась, просто смотрела прямо перед собой, наблюдала, как по лобовому стеклу пляшут снежинки.

— Это мой ребенок, — тихо проговорила Груня, — А ты не смей, слышишь, не смей кому-то говорить о моей беременности!

— Зайчонок, ну, бред ведь! — Васька заставил себя говорить

спокойнее.

— Бред — не проявлять радости, когда узнаешь, что появилась новая жизнь, — Груня отвернулась, понимая, что решив быть сильной, нужно стоять до конца. Но вот только выходило пока плохо. Хотелось разрыдаться или расколотить что-нибудь.

Васька, молча, завел двигатель. Дорога домой показалась длинною в вечность. Каждый раз, порываясь начать разговор, Барин натыкался на отчужденное молчание. Он психовал, сжимая руль до хруста в суставах, но заставлял себя держаться. Не станет лучше, если он начнет орать, ни ему, ни тем более пигалице.

В большом, уютном доме Барычинских было тихо, а на одной лишь кухне неярко горел свет. За столом на удобном диванчике сидели Пал Палыч в обнимку с мамой Нюрой и о чем-то мило шептались. Анна Михайловна была капельку смущена, а Пал Палыч — наоборот, светил широкой улыбкой.

— О, дети! — обрадовался Пал Палыч, — Что-то вы рановато. Но это даже хорошо! Пока сын не задрях богатырским сном, мы вам сразу новость и сообщим.

— Павлик, — улыбнулась Нюра, — Ну, что ты с порога на них, да такой новостью! Пусть чаю выпьют, продрогли по дороге. Вон как метет!

Анна Михайловна собралась было подскочить на ноги, и включить подогреться успевший остыть чайник, но была остановлена мужем.

— Нельзя тебе нынче так прыгать, Анютка, — мягко пожурил мужчина, а Груня заметила, как Пал Палыч весь просиял, и, кажется, даже грудь выпятил от радости и гордости, — А у нас вот, прибавление в семействе скоро.

Васька хмуро молчал. Груня, улыбнулась сквозь слезы. А потом, повернувшись лицом к Барину, треснувшим от слез голосом тихо прошептала:

— Вот так нужно реагировать на новость о детях.

Больше Груня ничего не сказала. Рыжеволосым ураганом рванула из комнаты, миновала лестницу и закрылась в спальне на ключ. В два шага преодолела расстояние до кровати и упала на постель, пряча лицо в подушку, пахнущую родным запахом любимого мужчины. Отчего слезы полились в три ручья, а хрупкое тело сотряслось в рыданиях.

— Груня, открой! — доносилось из-за коридора, — Я сейчас на хрен разнесу эту гребаную дверь в щепки!

Но Груня молча рыдала, накрывшись с головой, так и не сняв в себя рабочую одежду.

Васька стоял в коридоре перед собственной спальней. И, как водится, орал раненым бизоном. Недолго. Тяжелая рука отца легла на плечо. Крепко сжала, заставив поморщиться от боли. Обернулся.

— Не лезь, батя! — тихо предостерег Барин.

Но взгляд карих глаз столкнулся с точно таким же, карим, решительным и угрожающим.

— Говорил я тебе, обидишь девочку — лично отхожу ремнем?! — вкрадчиво спросила Пал Палыч, — Что ты натворил, оболтус?!

— Не твое дело! — зыркнул Васька, но тут же огреб от родителя знатный подзатыльник.

Рука у Пал Палыча была по-прежнему крепкой, а удар сильным. Васька пошатнулся, почесал пятерней затылок. В голове звенело, но он, кажется, был рад этому. Словно все мозги окончательно встали на место.

— Ох, пап, — пробормотал Василий, — кажется, у меня залет по полной программе.

— Васька, Васька, — вздохнул Пал Палыч, — Пусти Анютку в спальню. А сам не лезь. Девчонки скорее договорятся.

Глава двенадцатая, в которой Груня начнет привыкать к переменам

В свою спальню Василий Павлович попал уже глубокой ночью. После долгого разговора по душам с отцом, в полной мере Василий осознал, как был неправ. Да и, по большому счету, не только сегодня. Все эти недели, с того момента, как пигалица стала жить с ним, он даже не задумывался над тем, что мелкой девчонке нужно внимание, свидания, культурная программа.

Осторожно, стараясь не разбудить спящую в кровати девушку, Василий прошел в ванную. Вернувшись, аккуратно улегся в постель. На самый край. Лежал и смотрел, как тихо сопит Грунька. Приоткрытый рот будил желания прикоснуться к нему. Но Васька приказал себе лежать и не двигаться. Не сейчас. Не заслужил пока. Простит, вот тогда и поцелует. Покажет, как соскучился, как сожалеет и как любит.

Почему-то еще вчера, да даже сегодня утром, он упрямо не позволял себе скатываться до соплей и признаний. А сейчас вот жалел. Если бы пигалица не спала, он бы миллион раз ей в глаза сказал, как любит ее, упрямую и смелую девчонку.

Но Грунька спала, подложив ладошку под щеку, а вторую устроив на одеяле. Васька провел рукой по хрупким и длинным пальцам. Нет, он определенно тупил все эти недели. Почему? Да потому что только тупица мог променять любимую женщину на стройку. Пусть и собирался он, изменив первоначальные планы, отгрохать новый клуб в разы больше BarIna и назвать «Пепел» в честь пигалицы. Вроде как подарок на Новый год. И к чему пришел? Разлад и волнения.

Васька скользнул взглядом по хрупкой фигурке, укрытой одеялом.

Прав отец, Груня — самое светлое и чудесное, что могло с ним, Васькой, случиться. Как и малыш. Да, новость оказалась неожиданной. Но ведь ребенок был желанным. А как иначе? От любимой-то женщины, частица ее и Васьки.

— Я такой дурень, зайчонок, — вздохнул Василий, осторожно придвигаясь ближе.

— Уходи в гостевую, — едва слышно прошелестела Груня, так и не открыв глаза.

Васька уже готов был послушно встать и уйти, но замер. Его ног

коснулись прохладные ступни девчонки. Замерзла. Наплакалась и замерзла.

— Можно я тебя согрею? — тихо спросил Василий.

— Уже согрел, — проворчала Груня в состоянии полудрема, — Теперь рожать буду после твоих согреваний.

Но девчонка не отстранилась, наоборот, подкатилась ближе, привычно вскарабкалась на горячее тело Барина и уснула крепче. А Василий лежал, поглаживая девичьи плечи, затылок, пропуская рыжеволосый водопад сквозь пальцы. Нет, Васька был намерен исправиться и доказать Груне, что он станет отличным мужем и отцом их ребенку.

* * *

Груньке было тепло и уютно. Она уже привыкла просыпаться от горячих ласк Барина, но не в эту ночь. Сейчас Василий лежал смирно, почти всем телом. За исключением одной его части. Самой выдающейся и недвусмысленно упирающейся в живот Груне.

— Наглец! — пробормотала Груня сонно, но отстраняться не спешила. Тепло по всему телу разливалось горячим потоком, осторожно сгоняя остатки сна.

— Я не виноват, — оправдался Васька, — Оно само. Физиология, блин.

Груня сонно моргнула, приподняв голову с груди Василия. Взгляд зеленых глаз сквозил упреком и прошлой обидой.

— Прости меня, девочка моя родная, — тихо попросил Василий, хрипло, срываясь на шепот, — Я, правда, рад. Честно. Скоро сама поймешь, как рад.

— Ты не думай, что я все твои косяки буду прощать, — взгляд Груни потеплел, но обида все еще плескалась в душе, — Измену я тебе никогда не прощу. И отомщу. Пусть мне будет больно и противно с кем-то, все равно отомщу. Понял?

— Как тут не понять? — серьезно проговорил Васька, — Я как представлю тебя с другим, дышать не могу. Так что, хрен ты кому кроме меня достанешься.

— Вот и поговорили, — вздохнула Груня, — Пора начинать следить за лексиконом. Не хватало, чтобы ребенок ругался, как сапожник.

— Грунечка... — прошептал Васька, поглаживая горячими ладонями по спине, плечам, спускаясь к бедрам, — А можно я тебя поцелую?

— Нет, уходи, спать хочу! — капризно заявила девчонка и сползла с

горячего и возбужденного тела.

— Я тогда тоже, рядышком, — тихо пробормотал Васька, — Зайчонок, а куда ты хотела бы поехать? Может, у тебя мечта есть?

— Надо же, а раньше и не спрашивал, — хмыкнула Груня.

— Дурной был, — хмыкнул Васька.

— Поумнел за ночь? — пробормотала Груня, закрывая глаза и прячась под одеяло едва ли не с головой.

— Поумнел, — согласился Васька, — Я же папкой скоро стану.

Груня молчала, и Василий не понимал, то ли уснула, то ли просто думает о чем-то своем. В голове Барина начали выстраиваться стройными рядами цветочные киоски, ювелирные магазины, даже слоны кожи и меха. Он все прикидывал, что конкретно купить первым делом. И все никак не мог придумать. А ведь кроме фотика и зверя этого противного красноглазого Васька и не дарил ничего своей пигалице.

Нет, решено, ухаживать и выдумывать он все равно не умеет. Так что утром спросит, чего девчонка сама хочет.

— Хочу какао, — вдруг донесся голос Груни из-под одеяла.

Васька даже хмыкнул, так скоро он не ожидал получить ответа. Правда и сам ответ оказался неожиданным.

— Я мигом! — сорвался с кровати Василий, а потом притормозил, — А у нас есть? А его как? Варить? С молоком?

Груня не удержалась и хмыкнула, точно скопировав фирменный хмык Барина. Потом вздохнула, села в постели и принялась шарить ногами по полу в поисках домашних тапочек.

— Ты лежи, я и сам справлюсь! — остановил ее Васька, пытаясь вновь натянуть одеяло на девчонку.

— Справится он, как же, — ворчала Груня, все же умудрившись вылезти из укрытия.

Васька не стал спорить, помог отыскать тапки и подставил под теплые ступни.

— Сказала бы, что где лежит, я бы справился, — тихо вздыхал Василий, шагая следом за девчонкой по лестнице.

На улице было все еще темно. Колкие снежинки плясали в свете уличного фонаря за окном. И Груня на мгновение залюбовалась, глядя на эту красоту, пока грелось молоко на плите.

Васька стоял рядом, точно так же глядя вместе с Груней за окно. Но не касался девчонки, а хотелось. В смешной пижаме в клетку и с мультяшными персонажами она казалась совсем юной девчонкой. Вернее, она и была совсем юной. Юной, хрупкой, но сильной и смелой.

Барин смотрел на спутанные рыжие волосы, спускавшиеся по спине и плечам. Хотелось нырнуть в них пятерней, сгрести в кулак, почувствовать, какие они гладкие и шелковистые на ощупь. Но пигалица стояла, не шевелилась, и, кажется, хмурилась.

А Ваське не хотелось, чтобы его девочка печалилась. Даже по мелочам. Хотелось разгладить мелкую морщинку между бровей, прижать к себе, сказать, что все наладится и он, Васька, непременно исправится. Вот обязательно исправится.

Барин никогда не отличался ни терпением, ни выдержкой. Вот и сейчас не выдержал. Зашел Груне за спину и, выдохнув, обнял, оплел руками за талию, скользнув к животу рукой, а вторую устроив под грудью. Подбородок привычно лег на плечо, глаза сами собой прикрылись от удовольствия и аромата его весны, пьянящей и родной.

— Люблю тебя, пигалица, — осторожно проговорил Барычинский, чувствуя, как в его руках девичье тело напрягается словно струна.

Барин был уверен, что вот сейчас Грунька его пошлет. Возможно даже сделает исключение и пошлет его матом. Нет. Промолчала.

— Давно? — едва разобрал Василий тихий шепот, и осторожно выдохнул.

Не отстранилась. Не убежала. Пусть все еще напряжена, но не пытается увернуться из рук. Значит, он на верном пути.... Кажется.

— Кажется, да, давно, — ответил Василий Павлович, — Как ты вместо сигарет принесла шоколадку. А может и раньше. Может и в первую встречу. Помнишь? На крыльце.

Перед глазами Груньки мелькнуло то самое крыльцо, рыжий кот и хмурый Барин с сигаретой в руках. Да, наверное, она тоже в него влюбилась в тот день, в первую встречу.

— Я тебя ударила, — тихо проговорила Груня, ей почему-то вдруг стало больно и обидно, но уже за Ваську.

Ведь знает, какой он. А без подготовки сообщила и с намеками. Да и уставший он был, вымотан.

Груня поймала себя на мысли, что ищет Ваське оправдания. А потом вспомнила слова мамы Нюры. Нет, пусть Васька помучается. Самую капельку. Не станет она ему вот сейчас говорить в ответ о любви. Пусть терпит, засранец.

— Так за дело ударила, — вздохнул Васька, — Я тебя правда люблю. Веришь?

— Угу, — кивнула Груня.

— Хорошо, — вновь вздохнул Василий и, протянув руку, выключил

закипевшее на плите молоко, — Чего там дальше-то делать? Чего, куда и сколько сыпать?

Васька говорил ворчливо, но Грунька не могла не улыбнуться. В этом был весь ее Барин. Ворчливый, но родной.

* * *

— А если в кино? — предложила Елена Соколова, весело глядя на Груню, сидящую напротив нее за столиком. Рядом разместились Забава Соколова, по другую сторону — Милентия Соколова. Девушки решили пообедать в «Барине» и заодно навестить Агриппину.

— А давайте, — согласилась Груня, — Только мне еще пару часов здесь нужно поработать. А потом я свободна.

— Не верю своим ушам! — рассмеялась Ленка, — Ты решила раньше убежать с работы? Это точно ты? Или твой клон?

В ответ Груня рассмеялась, поднялась со своего места и составила на поднос грязную посуду.

— Вот, подумала, что иногда можно и побездельничать, — повела плечом Груня.

— Слушай, бездельница, — чуть наклонилась вперед Забава, понижая голос до шепота, — А чего Барин такой сердитый и грозно зыркает в нашу сторону?

— Курить бросает, — пожалала плечом Груня, и бросила в сторону Васьки короткий взгляд.

— Совсем? — не поверила Елена, — И как? Успешно?

— Вроде как, — кивнула Груня, — Третий день семечки грызет. Боюсь, еще сутки и начнет кусаться.

— Прикольно, — заулыбалась Милентия, — А к нам он зачем идет? Уже начал кусаться? Пора прятаться?

Все девчонки, как по команде, повернули головы в сторону надвигающегося на них Василия Павловича. Груня закатила глаза и фыркнула, а подруги замерли в ожидании. Неспроста Василий бросил компанию друга детства Черепанова и Соколовых, и двигал в их сторону.

— Ну, как, вам милые дамы, стряпня Михалыча? — уголками губ улыбнулся Барин, асам настойчиво схватил поднос из рук Груни, — Зайчонок, у нас официантов полный зал, чего схватила?

— Я на работе, — шикнула Груня на Василия, пытаясь отобрать поднос обратно.

— Есть кому работать и без тебя, — говорил Васька, — Садись, сейчас парни чай принесут. Чего подскочила?

— Василий Павлович! — возмущенно зашипела Груня, когда ей не удалось отобрать поднос из рук парня.

В ответ Васька легонько щелкнул девчонку по носу, не собираясь дальше спорить.

— Дамы не желают пирогов? Очень нынче удались, рекомендую! — уже веселее улыбался Барин, а девчонки дружно закивали.

Василий удалился с подносом, махнул рукой официанту, и вернулся за свой столик, который они занимали с парнями. Вернее, за который были сосланы женским коллективом, дабы прекрасному полу было удобнее секретничать и вести задушевные беседы без лишних ушей.

— Нет, Бася определенно странный сегодня, — задумчиво проговорила Елена, бросив взгляд на Груню.

— Нормальный, — махнула рукой Груня и села на свой стул, — Не страннее обычного.

Никто из присутствующих дам не поверил девушке, но подруги решили не настаивать. Придет время, Груня и сама все расскажет.

* * *

Фильм, который девушки посмотрели в ближайшем к «Барину» кинотеатре, был смешным и Груне понравился. После сеанса девчонки подбросили ее до ресторана и, попрощавшись, девушка вышла из машины. Подруги уехали, а Груня медленно брела по засыпанному снегом тротуару. Крупные снежинки пришли на смену злобной вьюге, и Грунька залюбовалась на то, как красиво снег кружится и ложится на землю. Груня даже подняла ладошку вверх, ловя варежкой непослушные и игривые снежинки. Смеясь, девчонка кружилась вместе с ними, пытаясь самые крупные поймать ладонью. Но вдруг случайно наступила на спрятавшийся под снегом участок льда и с размаху бухнулась в сугроб пятой точкой. Больно не было, и Грунька плюхнулась на спину, радуясь, что снег оказался чистым и дворники не успели его убрать.

Крепкие руки стремительно дернули ее вверх, поставила на ноги, принялись ощупывать, торопливо и настойчиво, через пуховик.

— Васька! — смеялась Груня, — Да брось! Весело же!

— Ты задницей на асфальт приложилась, что там веселого? — хмуро говорил Василий, — Куда на хрен дворник смотрит. Уволю.

— Я мягко упала, и не больно совсем, — улыбалась Груня и вдруг залепила в Барина снежком.

Тот фыркнул, стряхивая снег с головы и лица. Зыркнул хмуро, даже сопеть начал обиженно. Грунька не смогла сдержать смеха.

— Смешно ей, — ворчал Василий, — Пойдем в ресторан. Чего стоять, мерзнуть?

— Гулять хочу! Васька! Пойдем гулять! — веселилась Груня, — Одевайся и пойдем!

Барин только вздохнул. Не отстанет ведь, если решила погулять. Да и, кажется, полезно это при беременности.

— Ладно, — согласился Василий и, не выпуская ладошку пигалицы из своей, потащил ее в ресторан. А там, одевшись и махнув Вовчику рукой, пошел выгуливать свою девчонку по заснеженному городу.

* * *

Грунька веселилась, то и дело, бросая в Барина пригоршнями снег. Парень в ответ улыбался, шутливо грозя поймать и отшлепать. Но Груня мужественно уворачивалась из цепких рук, подмечая, что от былой обиды практически не осталось и следа. Василий Павлович своим грубоватым шармом смел все ее защитные барьеры. Последние две ночи, лежа в темноте спальни, Грунька мужественно держала дистанцию. Правда просыпалась каждый раз тесно прижатой к горячему боку. Да и засыпала также. Девчонка уже поняла, что без Барина ей не спится. И каждый раз, скользя в кровать, ждала, чтобы он, вздохнув и что-то пробормотав, придвигал ее к себе руками, устраивал горячие ладони на ее животе, прижимал к себе и размеренно дышал на ухо. Груньке очень нравилось, как его рука грела живот, почти полностью накрыв его, как по телу бежали мурашки, а внутри скручивалась тугая пружина сладкой истомы. Но дальше объятий и поглаживаний Барин не шел. А, стыдно признаться, Грунька хотела большего. Вот так и засыпала, мысленно уговаривая разбушевавшиеся гормоны уснуть до утра. В итоге, Груня пожелала соблазнить Барина. А поскольку тонких намеков он не понимал абсолютно, то Пепел решила пустить в ход тяжелую артиллерию. И для этих целей договорилась с Еленой Соколовой о походе по магазинам одежды, намереваясь сменить гардероб и прикупить пару-тройку стильных вещей, а также откровенных ночных костюмчиков.

Около полуночи Василий Павлович заявил, что она уже замерзла, и

настойчиво потащил обратно, к припаркованному рядом с рестораном автомобилю. Усадив Груню в прогретый салон, Васька сам сел за руль, и увез девчонку домой. Напоил чаем на теплой кухне, проследил, чтобы вода в душе была горячей, а пижама и носки после купания теплыми, и уложил девчонку себе под бок. Почти мгновенно отключившись, Барин и не заметил, как Груня лежала в его руках, рассматривая в полумраке комнаты мужественные и любимые черты лица.

Елена Черепанова встретила Груню после учебы. Девчонки, весело переговариваясь, пробежались по бутикам торгового центра. Основательно сняв стресс, с полными руками пакетов, девушки уже вечером отправились в «Барин» на ужин. Василия Павловича в ресторане не было. Вовчик подсказал, что младший хозяин уехал в клуб с ежемесячной проверкой. И, что показалось Груне очень и очень странным, тонко намекнул, вроде как и Груне не помешает отправиться туда же. Особенно в том образе, в котором она предстала после шопинга. Намек Владимира был более чем понятен. А как иначе?

— А вот теперь двигай-ка, Груня, в клуб! — улыбаясь и подмигивая, потребовал Владимир тоном, не терпящим возражений.

Ленка предложила подруге ее подбросить, тем более, клуб находился по пути домой, где ревнивый Черепанов уже выпивал десятую кружку чая, каждую минуту порываясь приехать за женой, позабывшей о времени.

Итак, девушки, спустя полчаса, пристраивали красный Форд Черепановой на парковке клуба. Вздохнув, Елена решила не мучить мужа и по телефону сообщила, где она находится.

— Через десять минут буду. Никуда не двигайся, Леночка! — строго скомандовал Герасим, вызвав улыбку у Ленки.

Совсем никуда не двигаться девчонки не смогли. Они все же вышли из машины и величественно простучали высокими каблучками в сторону входа в клуб. BarIN встретил их широкоплечими вышибалами и улыбочивым барменом. Осмотревшись, Груня поняла, что в клубе ей нравится. Стильно и современно. Народу было немного, а потому заняв место за барной стойкой, девушки принялись изучать обстановку.

— Чего желают прекрасные дамы? — поинтересовался бармен, улыбаясь и подходя ближе.

— Дамы желают коктейль без алкоголя, — снисходительно улыбнулась Елена, а Груня согласно кивнула.

— Сделаем, — улыбался бармен.

Отойдя от девушек, парень принялся смешивать ингредиенты для коктейля, но его работу прервала дама в строгом брючном костюме с

белоснежной блузкой, вырез которой заканчивался, ну или начинался, в районе пупка. Брюнетка, подойдя к барной стойке, отбросила волосы за плечи и смерила строгим взглядом работающего парня.

— Виктор, кофе и бутылку шампанского, — коротко потребовала девушка, бросая короткий оценивающий взгляд на Груню и Лену.

— Сделаем, Александра Ивановна, — кивнул бармен, — Заказ отдам и сделаю. Официантов попрошу, принесут. Вам куда? В кабинет?

— Я сама отнесу, — сморщила хорошенький носик девушка, — Делай быстрее!

— А чего так? — Виктор хмыкнул, — Барин торопится?

— Не твоего ума дела! — зло выплюнула Александра Ивановна, — Делай и помалкивай.

Груня, переключив внимание на девушку, слушала разговор. Благо, музыка оказалась негромкой, поскольку клуб еще не успел заполниться посетителями.

— А я слышал, что Барин женился, — продолжал гнуть Виктор, — Так что, если раньше тебе, Сашка, не обломилось, то теперь и подавно не обломиться барского тела.

— Рот закрой! — вспыхнула девушка, — У тебя минута, чтобы сбегать за клубникой на кухню! Не успеешь, уволю! Не посмотрю, что из ресторана за тебя просили! А Барин и не заметит твоего отсутствия!

— Я бы не был столь категоричен, — «мило» заулыбался Виктор, — Вовчик говорил, наш Василий Павлович прочно влюблен, крепко женат и на других не смотрит.

— Плевать я хотела на твоего Вовчика! — небрежно плюнула девушка, вновь отбрасывая шикарную гриву волос за плечи на спину, — Как только Барин будет моим, я стану хозяйкой в клубе, да и в ресторане. Тогда и поглядим, где окажетесь вы со своим братом-акробатом! Неси клубнику!

Длинные нарощенные ногти требовательно тарабанили по отполированной поверхности барной стойки, а бармен решил не нервировать сверх нормы непосредственное начальство. Под внимательным взглядом невольных свидетелей, Груни и Елены, сбегал на кухню, и поставил перед Александрой Ивановной поднос с бутылкой шампанского и фужерами, вазочкой клубники и чашкой крепкого кофе.

— Кушайте, не обляпайтесь, — пожелал бармен, а девушка, бросив убийственный взгляд, отправилась вместе с подносом на второй этаж.

Груня, все это время тщательно пытавшаяся взять себя в руки, выдохнула. Как там она сказала? Барин будет ее? Ну-ну!

Елена, понимая состояние подруги, чуть приобняла девчонку за плечи.

— Грунька, помни, Барин любит тебя, — твердо проговорила Елена слова напутствия подруге на ухо, — Беги и покажи, кто и кому там принадлежит!

Груня сползла с высокого стула, сжав ладонью новенькую крошечную сумочку, в которую вместились только кошелек, ключи, телефон и пачка салфеток, решительным шагом направилась следом за виляющей бедрами Александрой Ивановной. Подъем на второй этаж дался девчонке непросто. Высокие каблуки зимних сапожек с непривычки того и норовили застрячь, уехать или и вовсе отвалиться. Но Груня мужественно шла, зорко следя за той самой Александрой, скрывшейся за очередным поворотом. Пепел повезло, в узком коридоре она никого не встретила. И, увидев на двери табличку «Директор», остановилась. К счастью дверь была приоткрыта, музыка едва слышно доносилась с первого этажа, а голос Василия, как всегда, был четким и громким.

— Василий Павлович, ваш кофе, — соловьем разливалась девушка, — предлагаю отвлечься от бумаг и легонько отметить уходящий финансовый год.

Грунька попыталась незаметно заглянуть в образовавшуюся щелочку. Барин сидел за рабочим столом в кресле директора клуба, внимательно читал какие-то бумаги и не обращал внимания на вырез на груди барышни, которая изо всех сил красовалась перед руководством.

— Как-то я повода не заметил, — спокойно произнес Васька, вызвав улыбку на губах Груни, — Чё за херня, Александра? Ты если решила меня кинуть на бабки, так курицу не включай! В прошлом квартале я тебя носом ткнул в расходы! Ты мне что здесь пела? «Виновата, исправлюсь»? Ты, млять, ни хрена не исправилась!

— Васенька, позволь загладить вину! — вроде бы и томно, но голос дрогнул у Александры Ивановны.

— Ты мне здесь не Васькай! — крепкая ладонь шандарахнула по столешнице, заставив вазочку с клубникой подпрыгнуть, а кофе — пролиться на бумаги, — Я тебе не фраер залетный!

— Василий Павлович, — вновь начала Александра, — Это вина поставщиков. Я все уладила. Обещали в будущем месяце компенсировать.

— Насрать, чего они тебе обещали! — ревел Васька раненым бизоном, вызвав улыбку Груни, все еще стоящей за дверью, — У тебя неделя! Не утрясешь косяки до конца декабря, ищи новую работу!

— Василий Павлович, — мурлыкнула девушка, — Зачем ждать до конца декабря? Я и сейчас могу... загладить все косяки...

Грунька на секунду прикрыла глаза. Нет, она полностью

доверяла Ваське. Однако, червяк сомнения все-таки подтачивал ее доверие. Возможно, именно поэтому она заставила себя, крепко зажмурив глаза, сосчитать до десяти....

Толкнув дверь ладонью, Груня осторожно и бесшумно вошла в кабинет. Александра Ивановна стояла за спиной Василия и, готовая выпрыгнуть из декольте вместе с грудью, положила руку на предплечье шефа. Однако Барин ее рвения не разделял. Секунду он смотрел на ухоженную ладонь, а потом поднял голову, встречая взглядом полное ожидания лицо директора Александры.

— Не уберешь — сломаю, и не посмотрю, что баба, — четко произнес Барин.

Александра Ивановна плохо понимала настроение Василия Павловича. Зато Груня четко рассмотрела сдвинутые брови и полыхающие гневом карие глаза.

— Очень добрый день! — обозначила свое присутствие Груня.

На ее глазах Барин подпрыгнул на месте, натуральным образом подскочил на ноги и вытаращил удивленные глаза на пигалицу. В процессе прыжка ошарашенного хищника, Бася и не заметил, как затылком совершенно случайно попал соблазнительнице-директору, собиравшейся руками скользнуть по вороту рубашки, по носу.

— Господи! — вскрикнула Александра Ивановна, чувствуя, как в голове зазвенело от встречи с затылком Василия Павловича.

— Все не так, как ты подумала! — с ходу заявил Васька, готовый в два прыжка добратся до пигалицы.

— А как я подумала? — взмахнула ресницами Груня, поправляя новенькую блузку, красиво подчеркивающую фигурку, чем привлекла внимание Барина к груди.

— Не нужно мне мстить! Я ни хрена не сделал! — уже громче потребовал Бася.

— Ты сейчас о чем, Васенька? — наигранно удивилась Груня, поражаясь, откуда в ней взялась искушенная соблазнительница.

— Ты говорила, что будешь мстить! Я не спал с ней! — Васька мотнул головой в сторону притихшей Александры, — Александра, мать твою! Ты чего притихла! Подтверди, живо!

— Думаешь, после такого крика она скажет что-то другое? — хмыкнула Груня, скрестив руки на груди, — Шампанское, клубника, кабинет директора с мягким диванчиком... Наводят на определенные мысли, Василий Павлович!

— Груня! Зайчонок! — выдохнул Василий, подходя вплотную к

девушке, — Я люблю тебя. На хрен мне какие-то бабы? Я ж не тормоз. Ладно, согласен, иногда торможу. Но это в прошлом. Честно!

— Чем докажешь? — серьезно спросила Груня, пытаясь не рассмеяться. Нет, Васька он у нее такое чудо чудесное.

— Что не тормоз? — переспросил Барин.

— Что любишь, — парировала Груня.

Васька секунду чесал в затылке, очевидно соображая, что конкретно сейчас он может сделать такого, доказательного. На ум ничего не шло. Все мысли разлетелись, стоило девчонке появиться на пороге кабинета. Такой красивой, в брючках, ладно обтягивающих умопомрачительные бедра. В кофточке, которая просвечивала кружевной лифчик. И мозги Василия кипели, стоило ему представить, что в таком виде пигалица шла от гардероба до кабинета, через весь клуб.

Васька вздохнул, подошел ближе.

— Люблю тебя, больше жизни, — тихо, но твердо проговорил Барин, — Что хочешь проси, все сделаю. Даже не проси. Просто намекни и сделаю.

— Ты не понимаешь намеков, — тихо, едва заметно улыбаясь, проговорила Груня, понимая, что готова сорваться в его объятия, прижаться всем телом к любимому и никогда не выпускать из рук.

— А ты намекни так, чтобы понял, — тихо проговорил Васька, обжигая горячим взглядом изменившееся личико пигалицы, замирая на глазах, в которых заискрились слезинки.

— Хорошо, — капельку смущенно стрельнула глазками Груня, а потом решительно, — Женись на мне.

Васька думал, что ослышался. Но не стал уточнять. Секунду моргал, словно не верил ее словам. А потом стремительно прижал девчонку к себе.

— Правда, пойдешь за меня? — словно не веря, потребовал Барин, а руки собственника уже крепко оплели любимые бедра, спину, плечи, лихорадочно поглаживая и крепко сжимая.

— А ты как думаешь? — улыбнулась Груня, скользя ладошками по коротким волоскам на макушке Барина, по мускулистой шее, по крупным плечам.

— Ну, я надеялся, думал, на новый год, и кольцо купил, — признался Барин, — И себе купил. Чтобы все видели, что ты моя.

— А ты мой, — улыбалась Груня, млея от нежных и настойчивых прикосновений любимого носа к тонкой ткани блузки на плече.

— Твой, чей же еще? — улыбался Барин, — Правда, выйдешь?

— А то! — смеялась Груня, — Я ведь люблю тебя, дурачок!

— Ох, пигалица моя! — пробормотал Васька.

Барин, не долго думая, шагнул назад, усаживаясь на диван и притягивая пигалицу ближе, удерживая в руках, всем лицом прячась в Грунькин живот, выдыхая с облегчением и радостью.

— Я уж думал, никогда не услышу, — донесся до Груни приглушенный хриплый шепот.

— Дурной ты, Васька, — ласково проговорила Груня, обхватывая руками голову любимого, а потом, наклонившись, жарко поцеловала любимого парня.

Спустя мгновение, а может быть и несколько минут (разве же кто-нибудь засекал?), Груня, опомнившись, подняла голову. Александра Ивановна все еще находилась в комнате, прижимая холодную бутылку шампанского к пострадавшему носу.

— Все услышали? — невинно взмахнула глазками Груня, — А теперь брысь!

Александра Ивановна, гордо подняв голову, прошла к двери, унося бутылку с собой. А в дверях обернулась, смерив изучающим взглядом Груню.

— Расчет скину почтой, — коротко бросила Груня, чуть прищурившись.

Васька тем временем, не обращая ни малейшего внимания на свидетеля их признаний, зарывался носом в тонкую ткань блузки, а потом и вовсе расстегнул пару пуговиц на животе пигалицы.

— Не отвлекайся, зайчонок, — пробормотал Барин, — Можешь увольнять хоть весь клуб. Делай, что хочешь. Главное, обещание со свадьбой сдержи.

— Да уж сдержу, — пригрозила Груня, — А то ходят вокруг тебя дамочки откровенно соблазнительной наружности.

— Плевал я на них, — пробормотал Васька.

А потом Барин решил, что терпежа у него не хватит даже на то, чтобы выйти из клуба. И тем более, доехать до дома. Но Груня, словно прочла его мысли. Дотянулась рукой до двери. Провернула ручку, закрывая ее на замок.

— Повтори еще раз, — тихо попросил Василий, глядя на Груню снизу вверх.

— Люблю тебя? — предположила Груня, глядя ладошками щеки, уголки рта, подбородок.

— Ага, — выдохнул Васька, усаживая девчонку на свои колени, — И я тебя.

Из кабинета будущая чета Барычинских появилась, спустя полчаса. Груня была завернута в пиджак Барина, а сам Барин сверкая широченной улыбкой, крепко прижимал невесту к своему боку.

Появившийся в клубе Герасим увел жену за один из свободных столиков. Сидел и хмурился, поскольку Ленка отказывалась уезжать, пока Барин и Груня не спустятся к ним. Стоило Груньке появиться на горизонте, как Ленка подскочила.

— Слушай, подруга, ну я в восторге! — тараторила Елена, — Ты ее так отделала? У нее физиономия так знатно помялась!

— Елена! — возмутилась Груня, но не выдержала и рассмеялась.

— Чего лыбишься, Бася? — хмыкнул флегматичный Гера, поднимаясь из-за столика.

— А так сразу не ясно? — протянул Барин, утягивая свою невесту обратно в свои объятия, — Женюсь скоро. Рад жутко. И папкой стану.

— Василий Павлович! — вздохнула Груня, — Просила ведь молчать!

— Грунечка, зайчонок, — вздохнул Васька, ни капли не раскаиваясь, — Так я ж рад жутко. Разве такое скроешь?

Грунька только рукой махнула. Ну, что с ним делать? Пусть болтает, если хочет. Главное, что ее любит, а она его.

* * *

— Груня, не будила бы ты зверя, спряталась бы и не отсвечивала, — тихо шикнул Вовчик на подопечную, собиравшуюся повязать форменный фартук на талию.

Агриппина примчалась после занятий в ресторан и собралась заступить в смену. Официантов не хватало, все свободные руки были задействованы на банкетах, но поскольку зал был открыт для посетителей, то столики, не заказанные для корпоративов, обслуживать было некому.

— Владимир, я не маленькая и прекрасно вижу, как парни зашиваются, — отмахнулась Груня, и, прихватив меню и винную карту, направилась к появившимся на пороге зала новым посетителям.

— Груня, стой! — донеслось твердый оклик Владимира, но девчонку было не удержать. Приветливо улыбаясь, пигалица появилась перед клиентами и проводила их за столик.

Привычный разговор с посетителями протекал вяло. Мужчина, кивком головы отказавшись от меню, велел принести порцию виски. Женщина пренебрегла просьбой оставить шубу в гардеробе, только окинула

изучающим колким взглядом Груню, задержавшись на широком кольце, которое уже неделю украшало пальчик пигалицы. Василий Павлович умудрился затянуть девчонку в ювелирный салон и подобрать подходящее колечко. В честь грядущего и знаменательного события. Правда, сроки молодые люди пока не оговорили. Вернее, свадьба была вопросом решенным, однако на тему сроков Вася и Груня вели жаркие дискуссии. Васька планировал «прямо завтра». А Груня, лелея мечты о белоснежном платье, фате и венчании, предложила жениться весной.

Взгляд женщины, словно знакомый, заставил Груню почувствовать себя неуютно. Но она стойко улыбалась, слушая предпочтения гостей. Приняв заказ, Груня отправилась на кухню, но по пути ее задержал Владимир.

— Чтобы не видел тебя у их столика! — твердо проговорил Вовчик, а Груня удивленно моргнула, — И близко не подходи!

— Почему? — искренне удивилась Груня.

— По кочану! — резко оборвал Владимир и сам отправился относить напитки элегантной даме и ее спутнику.

Груня издали наблюдала, как общается Владимир, холодно и равнодушно улыбаясь. Заметила, как Владимир бросил взгляд на пигалицу, словно речь шла о ней. Едва заметно мотнул рукой, будто бы заставляя быстрее скрыться на кухне. И Груня, как ни странно, послушалась.

Михалыч суетился в своих владениях, колдуя над блюдами. А Грунька вновь захотела есть. Да только не вовремя. Не продохнуть в ресторане, так что прерываться на ужин девчонка пока не собиралась. Позже.

Пока Агриппина суетилась вокруг стола с готовыми блюдами, намереваясь помочь парням с банкетом, а потом и вернуться в зал, она и не заметила, как на кухне в одно мгновение стало тихо.

— Чем обязаны? — тишину нарушила холодная фраза, брошенная непривычно резко и недружелюбно для Михалыча.

Грунька даже вынырнула из-за стеллажа, за который отправилась за чистыми тарелками.

— Разве я не могу провести старого друга, Михаил? — говорила женщина сладковато-приторным голосом.

Та самая посетительница, в шубке и на высоченных каблуках, неожиданно появилась на кухне.

— Не помню, чтобы мы дружили, Элеонора Эдуардовна! — мрачно заявил Михалыч.

— Годы тебя не щадят, старый ворчун, — картинно рассмеялась женщина, а потом серьезно с нотками стали в голосе, — Где девчонка?

Любопытно взглянуть, кого сын так тщательно прячет. С любимой мамочкой не знакомит.

— Элеонора Эдуардовна, не вынуждайте вызывать охрану, — спокойно проговорил Михалыч, но женщина будто и не слышала.

— Как же ее звать? Имя такое редкое... — аккуратный ноготок задумчиво постучал по ярко покрашенным губам, — Ах, да, Агриппина!

— Повторяю еще раз, — насупился Михалыч, — Уходи, пока Васька не появился. Допрыгаешься ты, Элеонора Эдуардовна! Да и Пашка не обрадуется.

— Люди говорят, ее здесь называют Груня? — Элеонора игнорировала советы Михалыча, задумчиво постукивая указательным пальцем по нижней губе, словно размышляя, — Михаил Михайлович, в чем дело? Не хочешь помочь старинной подруге?

— Элеонора Эдуардовна! Сваливай, пока Барин не появился! — не уступал Михалыч.

Груня, став свидетелем красноречивой сцены, смело расправила плечи. Что ж, пришло время познакомиться с будущей свекровью.

— Так и будешь прятать девку? — хмыкнула Элеонора.

— Мы ведь не в детском саду, чтобы в прятки играть, — спокойно заметила Груня, выходя из своего укрытия.

— И почему я не удивлена? — надменно улыбнулась Элеонора Эдуардовна, — Сразу подумала, что это ты, когда Вовчик встал в стойку верным псом. Скажи, а почему зарвавшийся персонал ресторана столь старательно прячет тебя от меня?

— Ума не приложу, — спокойно ответила Груня, — Элеонора Эдуардовна.

— Скажи-ка мне, девочка, — женщина не сводила пристально надменного взгляда с точеной фигурки Груни, — Чем ты зацепила моего сына? Мелкая, сопливая, страшная, еще и бедная, как церковная мышь.

— Элеонора! — грозно вмешался Михалыч, вызвав улыбку на лице Груни, — Пошла вон с моей кухни!

— Любовью, — открыто ответила Груня, — Но вам, Элеонора Эдуардовна, это чувство не знакомо. Так что, не утруждайтесь, все равно не поймете!

— Малявка! — прищурилась женщина, — Доберусь я до тебя!

— Не надорвитесь в процессе! — вдруг раздался спокойный голос из-за спины женщины.

Элеонора Эдуардовна бросила короткий взгляд назад, словно собиралась отмахнуться от случайного участника сцены, но так и замерла.

— Ты?! — вскричала Элеонора Эдуардовна.

— Узнала? — Анна Михайловна спокойно смотрела в глаза женщины, по чьей вине последние двадцать лет ее жизни больше напоминали существование.

Но сейчас, столкнувшись лицом к лицу с соперницей, Нюра ни за что не собиралась отступать. Не теперь, когда у нее есть всё: любящий и любимый муж, малыш, зачатый в любви, и крепкая семья. А поскольку у любимого мужа иногда подводило сердце, то и волновать его лишней раз Анна не собиралась. Именно поэтому женщина планировала выпроводить гостью как можно быстрее, пока Паша, оставив ее на крыльце ресторана, помчался в банк по срочным делам.

— Вот и славно, — повела плечом Анна Михайловна, и, бросив короткий взгляд в сторону распахнутой двери в зал, тепло улыбнулась Владимиру, — Вова, а пригласи-ка нам пару крепких парней. Мадам будущий мэр торопится.

— Шлюха! — прищурилась, начиная терять терпение Элеонора, — Подстилка вшивая! Думаешь, Пашка сопли растер и все хорошо? Он всегда будет сравнивать тебя со мной! Если ты забыла, я ему сына родила, наследника!

— Вот за Василия отдельное спасибо, — спокойно проговорила Анна Михайловна, — Замечательный мальчик. Но ты, скорее всего, и не подозреваешь об этом! Детей нужно любить, а не бросать, словно щенков.

— Много ты знаешь! — фыркнула женщина.

Тем временем Владимир выполнил поручение хозяйки и придержал двери для двух вышибал.

— Ты, Владимир, погорячился, — фыркнула женщина, смерив брезгливым взглядом администратора, — Многовато мальчиков на меня одну!

— Рад стараться, — хмыкнул Владимир.

— Он никогда не женится на тебе! — уже в дверях прошипела Элеонора Эдуардовна, — Будешь вечной подстилкой!

— Поздно предупредила, но благодарю за беспокойство, — вежливо проговорила Анна, и подняла правую руку с кольцом на безымянном пальце, — Надеюсь, мы вас больше не увидим, уважаемая Элеонора Эдуардовна.

Нежданная гостя на мгновение задержалась в дверном проеме, поджав губы, сверлила яростным взглядом Анну, а потом, поторапливаемая вышибалами, скрылась за дверьми. А, спустя несколько минут и из

ресторана, в обществе своего кавалера.

* * *

— Нет, девоньки, определенно зря вы так, — возмущался Михалыч, ставя перед девчонками, Груней и Анной, по большущей тарелке аппетитного, свежеприготовленного мяса, — Сидели бы тише воды, ниже травы, и не лезли. Кто знает эту ведьму и что у нее на уме?

— Миша, глупости, — отмахнула Анна Михайловна, ласково и благодарно улыбнувшись мужчине.

Михалыч присел на кожаный диван, наблюдая, как девчонки дружно приступили к еде, на радость ему.

— Михал Михалыч, мы ведь не кисейные барышни, — хмыкнула Груня, — Шедевральное мясо! Сказка, а не барашек!

— Лисааа, — рассмеялся повар, — Но Ваське все равно расскажу, как ты зыркала на мамашу. А если бы эту ведьму понесло? В драку бы с ней полезли?

— И полезли бы, — кивнула Груня, — У меня руки так и чесались, мордой об стол.

— Агриппина! — возмутилась Анна Михайловна, — Что за манеры?!

— Дааа, — рассмеялся Михалыч, — Узнаю школу Барина.

Идиллию нарушил тяжелый шаг за дверь и стремительно распахнутая дверь. На пороге директорского кабинета выросла могучая фигура Барина, хмурого и рассерженного. А следом влетел и Пал Палыч, не менее хмурый и взволнованный.

— Анюта!

— Пигалица, елки-палки!

Голоса мужчин звучали в унисон, и оба рванули к своим дамам. Пал Палыч добрался до жены первым, стремительно дернул ее за плечи, прижал к себе, принялся оглаживать ладонями все тело, словно проверяя, все ли части на месте.

А Барин, схватив свою даму, так и обнял ее, держащую в руке вилку с наколотым на нее мясом.

— Вась, задушишь, — пропыхтела Груня, не собираясь вырываться.

— Прибью гадюку, — пообещал Васька.

— В очередь по старшинству, — вмешался Пал Палыч.

— Шут с ней, блаженной, — рассмеялась Анна, — Ну, все, Паш. Выдохни. Есть будешь?

— Не хочу, — пробормотал Пал Палыч приглушенно, все еще боясь выпустить жену из рук.

— Чего за кипишь, да без меня? — раздался веселый голос Иветты.

Девушка неожиданно появилась в кабинете, вертя в руках ключи от машины. Плюхнулась на диван рядом с Михалычем.

— Дядь Миш, давай и мы что ли обнимемся? — предложила девчонка, — Раз уже здесь все парочками.

— Нашла бы ты себе обнимателя по возрасту, — рассмеялся Михалыч, но девчонку приобнял за плечи.

— Так нет смертников на горизонте, — наигранно трагично вздохнула Иветта, устраиваясь на плече Михалыча, — Знать, буду в девках ходить до самой пенсии.

— Болтушка ты, — смеялся Михалыч, — Ладно, пойду к себе. А ты поможешь мне. Стресс мужикам нужно заесть. Сюда притащим ужин. Пусть поедят спокойно.

— А чего за повод для стресса? — серьезнее спросила Ива.

— Так родительница твоя нарисовалась, не сотрешь, — поведал Михалыч.

— О, как, — хмыкнула Иветта, — И по какому поводу пожаловала практикующая ведьма и будущий мэр?

— Поглядеть на нашу Груню, — ответил Михалыч.

Иветта смачно выразилась, не утруждаясь подбирать выражения. И получила от добродушного повара укоризненный и строгий взгляд. Ива и Михалыч оставили старшего и младшего хозяев ресторана наедине со своими женами. Ива прекрасно понимала родню, уж очень хорошо она была знакома с манерой общения Элеоноры Эдуардовны с народом.

* * *

— Мы больше не будем обсуждать этот вопрос! — в который раз за последние два часа говорил Барин, пытаясь держать себя в руках и отвлечься на финансовые документы, требующие его подписи.

— Я не уйду с работы! — не сдавалась Груня, вытирая только что вымытые тарелки и ставя их в шкаф.

Старшее поколение отправилось в гости к Михалычу и собиралось заночевать у друга до утра. А Василий и Груня, проехав по магазинам, решили остаться дома, вдвоем поужинать и отдохнуть. После сытного ужина, Груня велела Барину не мельтешить под ногами и заняться

срочными документами, а сама убрала со стола и перемыла посуду.

— Я вообще не вижу смысла тебе работать! — не унимался Бася, — Учебы за глаза хватает! Тебе нужно больше отдыхать, а не с подносами бегать!

— Я не собираюсь сидеть дома в четырех стенах! — парировала Груня.

— Так и не сиди, — возмутился Васька, — Приезжай раз в неделю с проверкой. Я все решил, будешь управлять рестораном. А Вовчика в клуб посажу. Пусть налаживает там работу. Ты же уволила моего директора.

Последняя фраза была сказана словно невзначай. Но Грунька сверкнула грозной зеленью глаз, зацепившись за брошенную фразу.

— А ты, значит, сожалеешь? Скучать будешь, Василий Павлович? — глаза Груньки сузились, превратившись в две ярко-зеленые щелочки, готовые метать молнии во все стороны.

— Слегонца, — заулыбался Васька, довольным взглядом наблюдая за согревающей душу картинкой — ревнующей пигалицей, — Саня свое дело знала.

Грунька поняла, что руки живут собственной жизнью. Черепную коробку затопили красочные картинки, всколыхнув желание крушить все вокруг. Первой в Барина полетела пустая чашка белого фарфора.

— Ты охреневший засранец! — визжала Груня, — Я тебе покажу «Саню»! Я, мать твою, Барин, тебе с корнем оторву все, к чему притронется кто-то кроме меня!

В Ваську полетела тарелка, стукнувшись о стену и рассыпавшись на мелкие осколки. Не сказать, что Груня целилась. Но в порыве гнева бросала в парня все без разбора. Васька, стараясь громко не ржать, вовремя уворачивался, на всякий случай прикрывая голову руками.

— Сколько их у тебя, твоих директоров?! — не унималась пигалица, — Всем патлы выдерну!

Грунька, отвернувшись от Барина, принялась искать очередные метательные снаряды. И так и замерла на месте, когда крепкие руки спеленали и обездвижили.

— Дикая моя девочка, — заурчал Васька на ухо, — Дикая и моя.

Груня почувствовала, как в одно мгновение весь гнев улетучился, оставляя после себя горьковатый привкус.

— Васенька, — прошептала девчонка, — Я... не знаю, что на меня нашло. Посуду перебила... Ох, Васька, прости меня....

— Дурочка, — ласково пророкотал Василий Павлович, — Мне до жути приятно. Ревнуешь меня. А посуду мы новую купим. Не проблема.

Груня повернулась в его руках, несмело улыбаясь и глядя снизу вверх на любимое лицо.

— Я говорила, что ты у меня идеальный мужчина? — улыбалась Груня, поглаживая ладошками грудь Барина.

— Мне до идеального рулить и рулить, — хмыкнул Василий, но глаза довольно заблестели от комплемента.

— Не спорьте, Василий Павлович, — строго отчитала Груня, — Мне виднее.

— Пойдем в спальню, — тихо попросил Васька, понимая, что хочется прямо здесь сжать девчонку и потеряться в ее близости, но боялся, что ей будет неудобно, боялся как-то навредить ей и малышу.

— Сначала ты уберешь осколки, — озорно сверкнула глазками Груня, — А я подожду тебя наверху.

Не дожидаясь возражений, Груня вывернулась из крепких и желанных рук и, послав воздушный поцелуй, умчалась.

Васька только покачал головой. Нет, у девчонки скачут гормоны, что ж поделать? Но Василий не жаловался, его все устраивало.

Убрав битую посуду, Василий Павлович погасил свет на первом этаже, запер все двери и, предвкушая отзывчивую Груню в своих руках, потопал в их спальню.

Открыв двери в комнату, Васька даже замер. Свет был погашен, и только многочисленные свечи разместились по всей комнате, создавая приятный полумрак и отбрасывая причудливые тени на стены.

Груни в комнате не было. А сквозь приоткрытую дверь из ванной лился мягкий свет. Васька уже собрался двинуть на поиски Груни, но так и застыл посреди комнаты.

Дверь в ванную распахнулась и в комнату вплыла Грунька в сногшибательном наряде. Полностью прозрачный кружевной халатик ничего не скрывал, демонстрируя жадному взгляду Барина пару лоскутков, прикрывавших грудь, и тонкую полоску ткани, убегающую вниз и прячущуюся меж стройных бедер.

— И чем я заслужил такой сюрприз? — довольно заурчал Васька, шагнув к девчонке, но та сверкнула капельку смущенной улыбкой, и сделала шаг назад.

— Василий Павлович, на кровать! — и голос такой властный, что у Васьки и мысли не возникло перечить.

Подняв руки, словно сдаваясь, ладонями вверх, Барин послушно уселся на постель. Широкая улыбка намертво приклеилась к лицу, а все тело свело от желания и предвкушения момента.

По комнате разлилась тихая, медленная композиция, а Груня отбросила пульт от аудиосистемы в сторону.

— И даже так? — пробормотал Васька, чуть отклонившись назад и опираясь руками в постель.

Ему до чертиков было любопытно, что же задумала его пигалица. Тем временем, Груня медленно, позволяя Барину рассматривать себя жадным взглядом, приблизилась к кровати. Все так же медленно, взмахивая ресницами и стараясь дышать размеренно, девчонка оперлась коленом в матрас, а дальше уже пробралась к Ваське по постели.

— Как тебе мои обновки? — лукаво улыбаясь, спросила Груня.

— Оху... Обалденные, — пробормотал Васька, скользя жадным взглядом по груди своей девчонки.

Васька уже давно заметил, что нежно и горячо любимая им грудь, немного изменилась, стала полнее, сводя его с ума еще больше. Как и все тело. Он вообще, с каждым днем все прочнее и крепче любил свою пигалицу.

— Думаешь, цвет в тон глаз? — продолжала вести беседы Груня, — Мне сказали, что наряд очень мне идет.

— Кто сказал? — не удержался и рывкнул Васька, а Груня только снисходительно улыбнулась, заставив Василия успокоиться.

— Так что скажешь? — не унималась Груня, — Правда, идет?

— Очешуительно идет, — подтвердил Васька, — Ты в нем просто красавица. А без него так вообще улет.

Грунька не заметила, как требовательные руки заскользили по подолу прозрачной ткани, приподнимая ее и открывая доступ жадным ладоням. А когда поняла, что любимый Барин нарушил все ее планы, даже капельку расстроилась.

— Испортил весь мой сюрприз, — капризно проговорила Груня, собираясь увернуться от требовательных губ, но в последний момент передумала, наоборот, вскарабкалась на парня сверху, оплетая ногами и руками.

— Прости, зайчонок, — голос звучал приглушенно, хрипло, но без капли раскаяния, придавая Груне смелости.

— Нет тебе прощения, — заявила пигалица и настойчиво толкнула Барина обеими ладонями в грудь, заставляя его упасть на постель на спину.

Тихий хриплый смех вторил негромкой музыке, мягко расплескавшейся по комнате. Грунька отбросила волосы за спину и склонилась над парнем.

— Непослушный мальчишка! — игриво заулыбалась Груня, вызвав очередную волну хриповатого мужского смеха.

Озорная улыбка, появившаяся на лице девчонки, превратила смех Барина в низкий стон. Неожиданно и непредсказуемо повела себя Грунька. Обычно, в постели вел Васька, мягко и уверенно поглаживая, лаская, доводя до экстаза девчонку. А сегодня ей захотелось руководить. Нет, Бася только приветствовал инициативу, просто не был готов к такому.

Ловкие ручки настойчиво и с каждой минутой все увереннее, принялись исследовать крепкую грудь. К любопытным ладошкам и пальчикам присоединились губы. И Васька готов был взвиться над постелью, когда почувствовал, как игривый язычок проказничает со ставшими вдруг чувствительными сосками. Но и это оказалось не пределом. Пальчики скользнули к пряжке ремня, а требовательные губы проложили дорожку вниз, скрывая от Барина умопомрачительный вид рыжеволосым покрывалом.

— Ты что творишь там, зайчонок? — выдохнул Васька, когда понял, что брюки уже давно распахнуты, и от девчонки и ее губ его отделяет всего лишь тонкая ткань белья.

Пигалица не ответила, но Барин буквально почувствовал ее улыбку всем телом. Она молчала, покрывая поверх белья короткими жадными поцелуями его тело. Васька понял, что возненавидел свои трусы за то, что мешали. Но и настаивать не мог. Боялся испугнуть девчонку, когда она вдруг решила взять инициативу в свои руки.

Его пальцы уже давно, помимо его воли, запутались в шелке волос девчонки, а глаза крепко закрылись. Ненавистное белье сдвинулось и Барин понял, что зря. Лучше бы оно так и оставалось на месте. Поскольку выдержка стремительно исчезла. Поскольку чистейший кайф полностью затопил все его сознание. Поскольку сил выдержать сладкую пытку, граничившую с болью, не оказалось.

Комнату вспорол глубокий стон, посылая по телу Груни волну возбуждения, заставляя произвольно прижаться к любимому ближе, давая понять, что она двигается в нужном направлении.

Васька дышал хрипло, ежесекундно собираясь прервать девчонку, обещая себе, вот еще мгновение, еще чуть-чуть и он сдернет ее со своих бедер, прильнет к влажным губам, подомнет под себя ее хрупкое тело и И... И секунды летели одна за другой, а Вася уже не мог себя контролировать, сыпя матом сквозь крепко стиснутые зубы, пытаясь утянуть Груньку выше, заставить ее прекратить свое занятие — некогда робкие и несмелые, а сейчас откровенные движения языка и нежных

пальчиков.

— Груня! Пигалица моя! — рычал Василий, пытаясь отодвинуть девчонку, цепляя ее за плечи, но тут же получая по рукам, — Ну, что ты творишь?!

А Груня только настойчиво уводила Ваську за черту понимания и осознания реальности. Бася уже не мог сопротивляться и нашел в себе силы только, чтобы дернуть ее к себе в самый последний момент, жадно впиться в натертые губы и содрогнуться всем телом, изливаясь в ладошки, сжимавшие его плоть.

— Грууууня! — стонал Васька, шумно дыша. Ему хотелось смеяться и возможно даже плакать. Воздух толчками выбивался из груди, а перед глазами все еще плясали звездочку вперемешку с сердечками. Честное слово, это были сопливые розовые сердечки. Но было плевать.

Пока Барин пытался восстановить дыхание, Груня, ласковым котенком принялась шептать ему на ухо о том, как сильно она его любит. И Васька понял, что силы-то и не иссякли. Сил-то целый вагон и телега.

— Дай минутку, пигалица, — попросил Василий, но девчонка не послушалась, уселась поверх его бедер и бросила озорной, полный блеска взгляд на лежавшего под ней Барина.

И он поплыл. А как иначе? От вида ее возбужденных зеленых глаз, раскрасневшихся щек, от ее неровного дыхания, Васька вновь завелся с пол-оборота. Его руки уже не бездействовали, сжимали, поглаживали, надавливали, заставляя пигалицу прогибаться всем телом, а потом, когда тонкая полоска чудом исчезла с нежного тела, — вырывая протяжные стоны.

От первого проникновения в тело пигалицы Василий Павлович содрогнулся всем телом, настолько она была желанна для него. Короткий мат и витиеватые ругательства срывались с языка, а потом и застряли в глотке. Удерживаемая сильными руками, Грунька двигалась, безошибочно отыскав нужный им обоим ритм. Ей казалось, что она летит где-то над облаками. Все чувства обострились, сжались в единый тугой комок. Каждая клетка ее тела превратилась в губку, которая впитывала жадно и с наслаждением щедрые ласки любимого мужчины. Она разлеталась на куски, ведомая хриплым шепотом, отчаянно стремясь быть ближе, прижимаясь теснее, крепче, ненавидя тончайшую ткань, что разделяла их тела, пытаясь приблизиться к эпицентру бушевавшего внутри нее урагана.

Кто первый то ли прошептал, то ли выкрикнул слова любви — не важно. Голоса сплетались в единый полусшепот — полукрик. Сильные руки, подрагивающие от пережитых эмоций, сплетались с нежными и

ласковыми в едином танце. Влажные тела уже невозможно было разделить на два. Все в это мгновение у них стало общим, на двоих, и не оторвать друг от друга, как ни пытайся.

Даря друг другу короткие, лениво-тягучие, неспешные поцелуи, Васька и Груня пытались восстановить дыхание и связь с внешним миром. Васька, как чумной улыбался. Грунька — не отставала от любимого, прикрыв отяжелевшие веки и устроившись щекой на твердой груди.

— Грунь? — хрипло прошептал Васька, — Давай жениться? Побыстрее. После такого ты просто не имеешь права меня динамить.

— И не собиралась, — сонно пробормотала девчонка, — Я глянула запись брони в банкетный зал на декабрь. Есть свободное место на тридцатое.

— Хитрющая лиса, — рассмеялся Васька.

— Просто я решила, что от меня ты теперь не отделаешься, — заявила Груня, — Женю тебя на себе.

— Я ж разве «против»? — хмыкнул Василий, — Я ж всеми конечностями «за»!

Глава тринадцатая, в которой на пути главных героев начнут появляться мелкие неприятности

Васька проснулся весьма поздно. Сам не понял, как так вышло. И будильник выставил на телефоне, а все равно подрых все утро. Натянул футболку и шорты, пошел искать девчонку, а заодно и выпить кофе, чтобы окончательно сбросить остатки сна.

Пигалица нашлась на кухне за столом. Она сидела на диванчике спиной к двери и, погруженная работой на своем компьютере, не слышала шагов Баси. Васька осторожно подкрался и, обняв девчонку руками за плечи, опустил подбородок на ее макушку. Грунька тут же накрыла его ладони своими. А Васька уже с интересом рассматривал монитор.

— Какой шикарный мужик, — хитро проговорил Васька.

— Угу, очень шикарный, — поддержала Груня Василия, — Знал бы ты, как я радовалась, когда смогла подловить тебя с улыбкой.

— Представляю, — хмыкнул Вася, — ведь обычно я орал и матерился.

Груня, поглаживая руки Васьки, лежавшие на ее плечах, любовалась профилем Барычинского, одетого в строгий костюм, белоснежную рубашку и галстук.

— Вася, а жениться ты в чем будешь? — вдруг спросила Груня, поднимая голову и встречая веселый взгляд Барина.

— А в чем скажешь, в том и буду, — не моргнув глазом, решил Василий, — Сама платье купить-то успеешь?

— Завтра утром поедем с мамой Нюрой и Ленкой, — повела плечом Груня.

— А мне с вами можно? — напросился Васька.

— Нет, плохая примета, — строго заявила Груня, — У тебя точно есть подходящий костюм? В джинсах на нашу свадьбу я тебя не пущу!

— Ну, давай купим новый, чтобы ты не нервничала лишний раз! — предложил Васька, — Вот прямо сейчас поедем и выберем, что тебе понравится.

— Вась, если есть костюм, то зачем покупать новый? — фыркнула Груня.

— Так свадьба же, — резонно заметил Василий и оставил на макушке невесты легкий поцелуй.

Барин сел за стол, а Груня, отодвинув ноутбук, поставила перед любимым тарелку с блинами, приготовленными рано утром.

— Балуешь ты меня, — побряхтел Васька, смакуя блины со сметаной и запивая их сладким чаем, — Сяду тебе на шею и ноги свесу. Готова?

— Или я тебе, — сверкнула Грунька озорным взглядом, — Женю тебя на себе, обнаглею, деньги твои тратить начну. Ты погляди, может быть, и передумаешь еще?

Васька шутиwego тона не поддержал, хмуро взглянул на веселое лицо Груни, на ямочки на щеках, за озорные зеленые глаза.

— Бабок хватит, трать сколько влезет, — спокойно ответил Васька, — А про свадьбу даже и не думай. Моя ты.

— Вась, ну я же пошутила, — вздохнула Груня и, решив исправить настроение Василия в лучшую сторону, поднялась, подошла к Барину и обняла за шею, — Ты мой.

Васька не прерываясь, жевал, пока пигалица целовала его висок, шумно дышала в ухо, утыкалась носом в шею.

— Ну, Вааась! — заискивающим тоном пролепетала Грунька, — Честное слово, больше не буду так шутить. Мир?

— С условием, — кивнул Василий, поглаживая девичьи ладошки, разместившиеся на его груди, — Никаких подносов. Моя жена, еще и с ребенком, бегать козочкой с тяжелыми подносами перед клиентами не будет.

— Вась, я не могу сидеть у тебя на шее, — вздохнула Груня.

— Чем тебе моя шея не угодила? Нормальная, покрепче, чем у других, — проворчал Василий.

— Не могу я без дела, — вздохнула Груня, понимая, что вот-вот сдастся. И потом, прав Вася, в ее положении нужна более спокойная работа.

— Грунечка, я же не шутил по поводу директорской должности, — Васька повернул голову, взглянул в упрямые зеленые глаза, — Вовчика в клуб перекинем. А ты в ресторане. И тебе привычнее, и ребята слаженно работают.

— И в кого ни плюнь — женаты или в другой возрастной категории, — заметила Груня, улыбаясь.

— Не без этого, — кивнул Василий, помня, что в ресторане единственным холостым сотрудником в возрасте до сорока лет по факту был Вовчик. А в клубе все иначе, трудится в основном молодежь.

— Жук ты, Василий Павлович, — рассмеялась Груня, — Хитрый жук.

— Есть маленько, — выдал Василий, он уже отодвинул тарелку в

сторону и все свое внимание переключил на пигалицу.

— Вась, я честно не знаю, — вдруг серьезно призналась Груня, — Как-то мне рановато в директора. Давай я так, на подхвате побуду. Помогать буду. Не официанткой. А так, по разным вопросам.

— Поглядим, — согласился Василий, — с батей перетрем. Что скажет.

— Хорошо, — согласилась Грунька.

После завтрака, вернее уже обеда, молодые люди отправились за покупками. Васька сразу привел Груню в бутик, в котором он обычно покупал себе одежду. Стоило перешагнуть порог магазинчика, как Груня поняла, что помещение ей категорически не нравится, как и ассортимент товаров, как и милые и излишне улыбчивые продавцы-консультанты женского пола. Ладно, магазин сам по себе был шикарным, одежда стильной и модной, хорошего качества. Груне не понравились только сверкающие оценивающим взглядом дамочки и их же широкие улыбки.

— Какие люди, Василий Павлович! — радостно увещевали дамы, — А мы с Ирочкой полчаса назад как раз о тебе вспоминали!

Радости Груня не разделяла. Хмуро смотрела на девушек, понимая, что мысленно начинает выдергивать длинные кудрявые волосы брюнетки. И именно поэтому, чтобы не сорваться, отправилась прогуливаться по торговому залу, выискивая костюм для Васи.

— Да, добрый день! — поддержала подругу вторая дама, — Мы с Олей подыскивали место, где бы встретить Новый год. И «Барин» у нас на первом месте. Василий Павлович, а как у вас там с местами в праздничные дни?

Груньке, которая вертелась в паре метрах от троицы, захотелось сказать, что все места уже сто лет как заняты. Навечно. И никогда не освободятся. Но промолчала. Только хмуро взглянула на улыбающегося Барина. Пока он вежливо беседовал с девушками, сама пробежала по залу и выбрала понравившуюся модель пиджака, подавив на корню желание вырядить Барычинского в гламурный пиджачок со стразиками и вышивкой.

— Подскажите, а вот такой у вас есть подходящего размера? — Груня, вежливо улыбаясь, указала на понравившийся костюм.

— А вас какой конкретно размер интересует? — нехотя прервалась одна из дам та, что стояла ближе Барину, от хихиканья и заигрываний, — Вообще-то, костюмы мерить нужно. Вот так на глаз и не купишь. Вы бы, девушка, с мужчиной пришли.

Груня поняла, что еще минуту и взорвется. И только Барин вел себя невозмутимо вежливо, сверкая веселым взглядом в сторону Груньки.

— А мы попросим вот молодого человека примерить, у моего мужа

как раз точно такая же фигура, — хмыкнула Груня, сверля Барина многообещающим взглядом. Вернее взглядом, который ему, Барину, ну ничего хорошего не сулил.

— Вообще-то у нас так не принято, — хмыкнула одна из продавцов, — Вы, дамочка, сбегали бы лучше в отдел женской одежды. А к нам лучше с мужчиной приходить.

— Ага, я и заметила, — фыркнула Груня, — Вот так приведешь к вам мужика, а вы и рады стараться.

— Девушка, вы на что-то намекаете? — уже с вызовом бросила то ли Ира, то ли Оля.

— Да Бог с вами, — махнула рукой Груня, — Не намекаю. Отрытым текстом говорю.

— Что вы себе позволяете?! — вмешалась вторая девушка.

— Василий Павлович, спать ты будешь в гостевой! — четко заявила Груня, и, бросив убийственный взгляд на продавщиц, выплыла из магазина, поскольку понимала: еще минуту и она взорвется. И тогда бедные Иры и Оли, пожалеют о брошенных на Ваську томных взглядах.

— Грунь, ну что ты в самом деле?! — донеслось в спину.

Но Груня не останавливалась, шла вперед, расправив плечи и мысленно строя планы мести.

— Василий Павлович! Мы приносим искренние извинения! — разобрала Груня голоса девушек, оглянулась.

Василий широким шагом покидал бутик Иры и Оли, а те семенили рядом.

— Давайте мы примерим костюмы из последней коллекции?! — увещевали дамы.

— Моей жене чет ваша коллекция ни хрена не приглянулась, — отмахнулся Васька и уже нагнал пигалицу, поймал ее в руки и прижал к боку.

— Руки! — строго скомандовала Груня, пытаясь вывернуться из стальных объятий.

— Ну, ты чего! — вздыхал Васька на ухо девчонке, — Просто я всегда у них одевался.

— Раздевался, судя по всему, тоже у них, — хмыкнула Груня, а потом решила сменить тактику. Хрен этим Ирочкам и Олечкам, а не Барин!

Развернувшись в его руках, привстала на цыпочки и, обвинив могучую шею руками, прижалась к упрямому рту.

Поцелуй длился, кажется, вечность. А когда прекратился, Груня ткнула указательным пальцем в грудь Василия.

— Ты весь мой! — требовательно заявила Груня, — И гардероб обновляешь только со мной и только там, где скажу!

— Легко, — кивнул Васька, расплываясь в улыбке, — Вон, пойдем вон в тот бутик. Там мужики торгуют.

— О, отлично! — радостно согласилась Груня и влетела в указанный Бариним отдел.

Подходящий костюм нашелся сразу. Глядя на прогуливающегося от зеркала к зеркалу Барина, Груня тихо исходила слюней, украдкой мысленно утирая рот платочком. Васька выглядел шикарно в строгом костюм-тройке, в белоснежной рубашке и ярко-красном галстуке. Здесь же услужливые парни-консультанты отыскивали подходящие туфли. И Груня окончательно растаяла, кивая и удерживаясь от того, чтобы хлопнуть в ладоши. Нет, все-таки Васька был чудо как красив.

Все покупки переключали в пакеты, а потом и в машину. И Груня, уже позабывшая о досадном недоразумении, счастливо посмеивалась над веселым рассказом Барина. А сам Барин только-только перестал выбирать на теле парней-консультантов места, которые хотелось отбить в первую очередь за то, что смотрели на его пигалицу жадными щенячьими глазами.

* * *

После отчаянного и неожиданного приступа ревности Груньке захотелось есть. Казалось, она бы и слона проглотила, если бы Михалыч приготовил его под своим фирменным соусом. Но девушка довольствовалась сочным, ароматным и умопомрачительно вкусным куском телятины. А после ужина, сыто откинувшись на спинку диванчика, любовалась своим женихом.

Васька уже тоже прикончил свою порцию и задумчиво вертел в руках чашку кофе. Грунька любила вот так им любоваться, открыто, не таясь, словно заявляя всем и каждому, что именно ей принадлежит этот мужчина — красивый и взрывоопасный.

Они сидели в отдельной кабинке на диванчиках с высокой спинкой, служившей одновременно перегородками между столиками. Молодые люди решили не уединяться в кабинете директора. Вернее, решила Груня, а Барин, хоть и сопротивлялся, но послушно уступил желанию невесты.

— Вась? — наконец, спросила Грунька, — Что гложет тебя? Поделишься?

— Мелочи, пигалица, — улыбнулся Васька, — ползи-ка ко мне. Чего

ты там далеко расселась?

Грунька тихо рассмеялась, тряхнув рыжим хвостом. Вот ведь собственник, а не Барин. Но она знала четко — ей нравятся его замашки неандертальца, грозный рык и хмурый взгляд. Тем более, свои вспышки он с лихвой компенсировал бурными ночами.

Грунька встала со своего диванчика, но садиться под бок к Барину не спешила.

— Хватит уже кофе на ночь пить, — строго отчитала она парня, — Принесу чай. А ты сходи в курилку. Вижу ведь, как мучаешься, курильщик ты мой со стажем.

— Я бросил, — недовольно сверкнул карим взглядом Васька и хрустнул костяшками пальцев, выдохнул, — Одну.

Грунька проводила Ваську довольным взглядом. Нет, он все же молодец. После стольких лет стажа смог отказаться от вредной привычки. Почти отказаться. Но Грунька была уверена, что к моменту рождения малыша, Василий Павлович окончательно позабудет о сигаретах.

Подхватив пустые чашки, девчонка побежала на кухню. Минутку болтала с Михалычем, пока тот готовил чай со своими строго засекреченными травками, задержалась у бара, поболтав с Сашкой. Отмахнувшись от его помощи, составила чистые чайные пары на поднос и собралась вернуться к их с Василием столику. Решив не лавировать между столиками, начала обходить их. И как только оказалась напротив входа в зал, застыла на мгновение, наткнувшись на группу мужчин во главе с уже знакомым ей парнем. Кажется, Лёвой. Тем самым, который заказывал стейк и окрошку казалось бы вечность назад, а после встречи с ним Ваське пришлось накладывать швы на глубокий порез на руке.

— Думал, не встретимся, — усмехнулся парень, — Сухой, глянь, а цыпа как хороша.

Мужчина, откликнувшийся на прозвище «Сухой», прилип сальным взглядом к ладной фигурке Груни.

— Мне оставь, — коротко скомандовал Сухой, а потом уже громче, — Всем сидеть, дышать в тарелки!

Мужчины, бритые наголо, молниеносно рассредоточились по всему залу, заблокировали дверь на кухню, прижали беднягу бармена Сашку к стойке. Сама Груня сжалась в комочек, внимательно наблюдая за «гостями».

— Я видел эту девку с Бариним, — хмыкнул Лева, — Как думаешь, она сгодится? В качестве компенсации?

— Люблю рыжих, — поддержал приятеля Сухой, — Расслабься, цыпа,

Барин придет, за тебя перетрем. Он не жадный, поделится с давним другом.

Сухой подмигнул Груне, вырвал из ее рук поднос и швырнул на пол. От звука бьющейся посуды девчонка вздрогнула. Взгляд мужчин заставлял сжиматься в тугий комочек нервов и страха.

— Не трогай девчонку, Караськов, — донесся до Груни голос Владимира, — Барину не понравится, сразу предупреждаю.

— Захлопнись! — рявкнул Лева, и один из парней с размаху впечатал кулак в корпус Вовчика.

Лева вновь переключил внимание на Груню, усмехнулся, хлопнул приятеля по плечу.

— Вы пока перетирайте с Бариним, как договаривались, — распорядился Караськов, — А я с девкой развлекусь. Если под Барина легла, чем я ей плох?

Груня хотела вырваться из цепкой хватки парня. Но тот только сально усмехался и потащил ее в одну из VIP-кабинок на первом этаже.

— Нет, пожалуйста! — закричала Груня, пытаясь вырвать руку из стального захвата.

Но Караськов тащил ее, словно боялся не успеть. Грунька вырывалась, пока за ее спиной не раздались громкий рев ее любимого раненого бизона, звон бьющейся посуды, звуки ударов, маты и громкие крики боли и стоны.

— Васенька! — шептала Грунька, оглядываясь назад.

— Будет тебе «Васенька», — ухмылялся Караськов, — Заломают его. Не ссы. Он еще пожалеет, что меня кинул.

— Лева, сука! — кричал Васька где-то за спиной Груни, — Я урою тебя, гнида!

Следом раздались крики, стоны, рев. Грунька боялась оглянуться назад. В глазах застыли слезы. Она упиралась, боролась с крепким парнем, пытавшимся втолкнуть ее в комнату, старалась расцарапать его лицо, пока звонкая пощечина не заставила ее застыть. Тем временем, Караськов намотал длинные рыжие волосы Груньки на кулак и больно потянул вверх, заставляя смотреть в свое лицо.

— Не дергайся, Лева будет нежным, — улыбался Караськов.

Спиной и затылком Груня чувствовала, как зал наполняется народом. Кто-то кричал от боли, матерился, что-то приказывал. Кажется, даже некоторые голоса были смутно знакомыми. Но все внимание Груни сосредоточилось на злобных глазах Караськова.

— Пустите меня, пожалуйста! — прошептала Груня.

Лева хотел что-то ответить, не успел. Его буквально впечатала в стену крепкая, нежно любимая пигалицей фигура.

— Убью, сука! — шипел Васька, вминая Караськова в стену, оставляя на ней следы крови и вмятины.

— Вася! — кричала Грунька, забившись в самый дальний уголок, чтобы ненароком ее не задела.

Но Барин не слышал, перед глазами стоял падла — Левчик, который тащил сопротивляющуюся пигалицу в кабинку. Ваське хотелось сломать его кости, все, без исключения. Хотелось сровнять с землей. Вырвать руки и выбить челюсть.

Он бы так и сделал, если бы не пара крепких парней из команды «Сокола» и верный друг Герыч. Ребята перехватили его, удерживая за плечи и оттаскивая от упавшего на пол бесформенным кулем тела.

— Я тебя достану, Лева! — шипел Васька, не переставая вырываться.

— Дальше мы сами, — коротко сказал Любомир Соколов, возглавлявший свою команду, которая охраняла сам ресторан и все объекты, принадлежащие Брычинскому.

— Вася! — плакала Груня, умудрившись добраться до Васьки.

Барин тяжело дышал, стирая кровь с разбитой губы. Но стоило Груньке появиться в поле его зрения, рванул к ней.

— Девочка моя! — хрипло выдыхал Барин, прижимая девчонку к себе, — Все хорошо. Все уже хорошо.

Грунька верила, но от пережитого шока начала рыдать, всхлипывая и наматывая футболку Барина на кулачки, цепляясь за его широкие плечи, пряча нос в районе шеи.

На задворках сознания Груня слышала, как Любомир говорил с Васькой. Но на слова она мало обращала внимания.

— Всех, кажется, спеленали, — отчитывался Соколов, — Не рискнут больше. Даву попрошу.

— Лады, — кивнул Васька, а сам зарывался лицом в рыжую макушку своей девчонки.

Черт бы побрал этого Леву! Перепугал Груньку насмерть!

— Поедем домой, зайчонок, — уговаривал Васька, поглаживая по плечам, затылку, спине.

— Васенька! — плакала Грунька, не имея сил выпустить одежду Барина из рук.

* * *

Всю дорогу до дома Васька тревожно посматривал на девчонку.

Первым порывом было свернуть с намеченного маршрута и рвануть в больничку. Пусть доктора глянут, мало ли, что может случиться после пережитой нервотрепки. Но Грунька словно прочитала мысли Барина, сжала его ладонь и тихо шепнула:

— Домой хочу. Все в порядке, Васенька.

Барин только хмуро кивнул. Не чувствовал он, что все «в порядке». Но и упираться рогом в землю не стал. Вот только как окажутся дома, пигалицу он сразу же уложит в постель. И чаем напоит. С ромашкой. Так Михалыч присоветовал.

— Вась, я чего он хотел? — вдруг спросила Грунька, когда Барин миновал шлагбаум, преграждающий дорогу на территорию частого сектора.

— Лева? — переспросил Васька и вздохнул, — Долгая история. Но, надеюсь, сегодня она закончилась. Пацаны обещали посодействовать.

— Какие пацаны? — улыбнулась Груня.

— Сокол и Давид, — Василий припарковался, заглушил движок и повернулся к девчонке, — Люди, под которыми Сухой ходит, положили глаз на ресторан. По ходу, они забыли, что уже давно не девяностые. И на них наткнулся Караськов, которого я недавно вышиб из своего бизнеса. Падла, бл... блин.

Васька сжал руку в кулак, когда вспомнил, как Лева зажимал Груньку в ресторане. Руки ох как чесались, прибить уroda.

— Все хорошо, Васенька, — разобрал Барин нежный шепот.

Улыбнулся. Еще и его успокаивает. Нет, его пигалица однозначно с приветом. Так же, как и он сам.

— Пойдем баиньки, — улыбнулся Барин и вышел из машины.

Спустя полчаса, молодые люди уже лежали под одеялом в своей постели. Под зорким взглядом Васьки, Груня выпила полную чашку горячего чая, а потом улеглась Барину под бок. Но он, устроив ее на подушках, чуть сдвинулся ниже и обнял девчонку за талию, прижав голову к ее животу.

— С тобой точно все хорошо? — в который раз он спросил у пигалицы.

— Точно, — кивнула Груня, зарываясь пальцами в короткие волосы на затылке Барина, пропуская их сквозь пальцы, — Все со мной ништяк.

Услышав последнее слово, Василий тихо рассмеялся, пряча лицо в ночной рубашке Груни.

— Я тебя испортил, — покаялся Василий.

— Капельку, — улыбнулась Груня.

Некоторое время Васька молчал, прикрыв глаза, слушал размеренное дыхание девчонки. А Груня с мягкой улыбкой наблюдала за своим мужчиной. Нет, и все таки в правильного человека она влюбилась. В настоящего. Она была уверена, что только с ним может чувствовать себя свободной и защищенной. Даже сегодня, когда бандиты напали на ресторан, а Караськов тащил ее в кабинку, она знала, что Васька придет и спасет.

— Грунь, а когда живот появится? — отвлек Груню голос Василия, — Знаешь, я обожаю твой животик. А когда он станет больше, вообще с ума сойду. Честно.

— Вась, у меня срок маленький еще, — рассмеялась Груня, — Живот еще успеет вырасти.

— Жду не дождусь, — донесся приглушенный голос Васьки, — Зайчонок, а может с дитем говорить нужно? Ну, там, спросить, как дела?

— Думаешь, ответит? — хихикнула Грунька.

Но Васька только бросил строгий взгляд на девчонку.

— Не слушай маму, принцесса, — тихо пробормотал Василий, — Папку слушай. Он плохому не научит.

— Думаешь, девочка? — улыбалась Груня.

— Да уверен, — кивнул Василий, и принялся целовать Грунькин живот сквозь ткань одежды, — Если родится пацан, будет таким же психом как и я. А нам оно надо?

— Не болтай, — строго велела Груня, — Ты замечательный.

— Продолжай и дальше также думать, — вполне серьезно попросил Васька, — И я буду самым счастливым в мире.

Груня погладила любимого по волосам, спускаясь к шее, скользнула по щекам.

— Я люблю тебя, — прошептала девчонка.

— А я вас, — так же тихо проговорил Васька, крепче сжимая руки на теле любимой пигалицы.

* * *

В рабочем кабинете Элеоноры Эдуардовны царил полумрак. Настольная лампа отбрасывала неяркий свет на стол, на котором ровным рядочком выстроились записная книжка, телефон, пачка сигарет и зажигалка. Все предметы были разложены по мере возрастания, успокаивая хозяйку кабинета.

Телефонный разговор дался Элеоноре Эдуардовне нелегко. Многих усилий ей стоило перешагнуть через свою гордость и пойти на поклон к человеку, с которым ее связывало не самое приятное прошлое. И теперь она вновь оказалась в долгу перед ним.

Откинувшись на спинку дивана, женщина прикрыла глаза. Нет, мальчик, несомненно, дурачок. Но такой нужный в данный момент.

Взяв со стола телефон, Элеонора Эдуардовна по памяти набрала давно заученный номер. После двух гудков ей ответил немного взволнованный мужской голос.

— Элеонора Эдуардовна! — говорил он, — Я думал, прокатит! Нет, правда! И Сухой обещал впрячься. Я все просчитал, и рисков не было...

— Заткнись! — властно скомандовала женщина, прикрыв глаза, и мысленно представляя, как именно она накажет нерадивого подчиненного, — Тащи свой зад в квартиру на Волочаевском. И подготовься. Я скоро буду.

Не став слушать ответ, женщина сбросила вызов. Поднявшись с дивана, Элеонора Эдуардовна подошла к окну. На улице ночь. И у нее есть несколько часов до утра, которые она проведет так, как захочет.

* * *

Телефонный звонок разбудил сладко спящего Барина. Сначала он и не понял, что за шум его тревожит, пока Груня не пошевелилась в его руках.

— Вась? Там звонят, — сонно пробормотала Груня.

— Угу, — ответил Василий Павлович, уже протягивая руку за мобильником.

Нахмурившись, Васька прочел имя звонившего абонента. Ответил на вызов и осторожно встал с кровати, стараясь не сильно тревожить сонную пигалицу.

— Бася, — говорил владелец «Сокола», — Дядька только что сообщил, что Караськова выпустили.

— Как? Какого х... — начал Вася, а потом спохватился и вышел на балкон, — Какого черта, Мирыч? Скажи, кому бабла подкинуть, я утром привезу. Пусть сидит, долго и качественно!

— Вась, — вздохнул Любомир в трубку, — Тут указания сверху. Дядька ничего не смог сделать. Извини, братуха.

— Ладно, — Васька нервно сжал переносица пальцами, — А с Сухим что? Тоже выпустили?

— Неа, — хмыкнул Соколов, — Этот спокойно сидит. И я так понял со слов полковника, сидеть будет качественно.

— Ну, хоть на том спасибо, — вздохнул Васька, — Скажи-ка мне, Мирыч, откуда у Левы такие связи?

— Да хрен его знает, — тихо ответил Соколов, — Ладно, Бася, мне пора. Груне привет шли.

— И ты Ленте, — сказал Васька, и прежде, чем сбросить вызов, добавил, — Мирыч, мне бы пару-тройку парней к дому. На всякий пожарный.

— Уже отправил, — зевнул Соколов, — Так что, не удивляйся.

Васька поблагодарил друга и минуту смотрел в пол.

Нет, как-то все погано вдруг. Когда это Караськов стал ходить под влиятельными шишками? А главное, во что выльется вся эта ситуация.

Выйдя из комнаты, Васька около получаса торчал на улице, выкуривая сигареты присланных Соколовым парней. Один из ребят остался в доме, двое — в машине. Всю ночь парни должны были сменять друг друга. В плане безопасности Васька был спокоен. Но тем все равно мысли роились и вертелись бесформенным вихрем. Нет, однозначно, нужно перетереть всю эту тему с батей. Он-то точно должен помочь советом.

* * *

Утром Агриппина проснулась, словно от толчка. Васька сидел на краю постели, уже после душа, одетый в мягкий свитер и джинсы. Рукава были подвернуты до локтей, обрисовывая красивый рельеф мышц. И Грунька невольно залюбовалась своим мужчиной. Нет, шикарное тело было у ее Барина. Да он, собственно, весь был шикарный, от макушки до пят.

— Доброе утро, — улыбнулась Груня, моргая и пытаясь прогнать остатки сонной неги.

— Доброе, зайчонок, — поприветствовал Васька, отбросил волосы с лица девчонки, наклонился, прижался ртом к виску, скользнул к милому ушку, — Я тебя люблю.

— И я тебя, — хихикнула Груня, чувствуя, как по телу мчатся волны приятного тепла, грозившего перерасти в нешуточное возбуждение. А мысли уже обратились в сторону постели и Василий Павловича в ней.

— Грунь, мне нужно по делам смотаться, — говорил Васька, проводя приоткрытыми губами по обнаженному плечу, шее, обводя контур ушка, — Два, максимум три часа. Лады?

— Лады, — вздохнула Груня, — Васенька, только не влезай никуда. Я волнуюсь.

— Зря, зайчонок, — улыбался Василий, — Я мигом, и соскучиться не успеешь.

— Успею, — притворно обиделась Груня.

— Зайчонок, — Васька отстранился, — Ты только не нервничай. Договорились?

— Уже начала, — серьезно проговорила Груня, чувствуя внутреннее напряжение Барина, — Говори, что случилось!

— Зайчонок, Леву выпустили, а обещали держать и, как минимум, посадить на пару лет. И у нас в доме парни Сокола.

Груня села в постели, заправила волосы за ушки.

— То есть, купить платье я сегодня не смогу? — поинтересовалась Груня, — Тогда нужно перенести свадьбу. До лучших времен.

— Угу, а с чего бы нам не пожениться на пенсии, лет через сорок?! — недовольно произнес Васька, — Нет, зайчонок. Герыч обещал отпустить Ленку к нам. Вместе решите с платьем. И мама Ньюра у нас есть. мне кажется, втроем вы придумаете, в чем тебе замуж выходить.

— И в ресторан мне тоже нельзя, — вздохнула Груня.

Некоторое время Васька молчал. Сопел, пыхтел, словно паровоз, но молчал.

Некоторое время Васька молчал. Сопел, пыхтел, словно паровоз, но молчал.

— Ладно, поняла, не дурочка, — кивнула, наконец, Груня, — Сидеть дома, не волноваться, ждать тебя.

— Умничка, — заулыбался Васька и дополнил план, — Кушать, отдыхать и заботиться о моей дочке.

Груня шутливо показала Барину язык, но бунтовать не спешила. Почему-то, после вчерашних событий ей вдруг расхотелось показывать, какой самостоятельной она может быть, как ловко может зарабатывать деньги и не сидеть у парня на шее. Грунька отчетливо помнила лихорадочный и дикий блеск в глазах Барычинского. И она подумала, что хочется поддержать любимого, а не становиться очередной проблемой в его жизни. Так что, Груня отсидится спокойно дома в обществе подруги и мамы Ньюры. Вместе они прошерстят интернет и онлайн-магазины, закажут платье к торжеству и прочую атрибутику.

Поднявшись с постели, Груня поспешила поделиться с Бариним своими мыслями, успокоить своего раненого бизона.

— Товарищ Барин, задачу поняла! Разрешите исполнять? — девчонка

шутливо приложила руку к голове, лукаво улыбаясь.

— Какая послушная, — покачал головой Васька, — Грунь, зайчонок, давай ты серьезно пообещаешь, что...

— Вась, я все поняла, — вздохнула девчонка, обнимая Ваську за шею, — Из дома ни ногой. А ты скорее возвращайся.

Васька вздохнул, кивнул, крепче обнял пигалицу. Уходить не хотелось, но и оставаться дольше нельзя было. В ресторане уже ждали парни во главе с Соколом. И, судя по серьезному тону Любомира, по короткой фразе «Не по телефону!», то нужно поторопиться.

Барин, оставив Груню с мамой Нюрой, умчался вместе с Пал Палычем. Девочки принялись завтракать и строить планы на ближайшую неделю. Составляли список приглашенных гостей на торжественную церемонию, а потом и распланировали новогодние праздники и рождественские каникулы. Вскоре прибыла Елена с Милентией и Забавой, и уже вместе дамы приступили к штурму интернета в поисках наряда невесты. Спустя полчаса к их компании присоединилась и Полина Суворова в обществе карапуза, Ростислава Давидовича, который вмиг привлек все внимание к себе громким криком и заливистым смехом.

Поиски и планы настолько увлекли дам, что они и не заметили, как время давно перевалило за полночь. Суворовы, Полина и Ростик, устроились на ночь в гостевой спальне. А стоило малышу уснуть, как Поинка вернулась на кухню к девчонкам.

Теперь, когда маленький и активный вихрь в облике ребенка покинул дамское общество, все вынуждены были признать, что женское терпение окончательно иссякло, волнение за мужчин победило в борьбе с логикой, и предсвадебная суета отошла на второй план. К тому же, все телефоны молчали, а отсутствие новостей пугало.

— Нет, не могу больше! — первая поднялась на ноги Елена, — Я звоню Гере, а потом и Любашику. И нужно еще позвонить в ресторан! Кто-то ведь должен что-то знать!

С решением Елены были согласны все, но внести предложения никто не успел. К дому подъехали машины, а охрана тихо предупредила, что вернулись свои.

Просторная кухня за минуту наполнилась широкоплечими мужчинами с серьезными физиономиями и зверским аппетитом. Женщинам пришлось поглубже спрятать свои вопросы, готовые сорваться с языка и застывшие в глазах, и накормить своих мужчин. После позднего ужина Давид с Полиной обосновались в гостевой комнате, рядом со спящим сладким сном сыном. Елена с Герасимом устроились в комнате, отведенной Черепанову с

момента постройки дома. Братья Соколовы с женами расположились на просторных диванах в гостиной. А хозяйка дома поднялись к себе.

Стоило закрыться двери спальни, как Васька тут же привлек свою пигалицу к себе.

— Вась? — тихо прошептала Груня, — Давай все отложим, давай уедем... Я не знаю... Давай в деревню. К нам в дом. Там хорошо. И до города далеко. Никто и не найдет.

Васька криво усмехнулся, крепче прижал девчонку к себе.

— Не переживай, пигалица, уже все хорошо, — вздохнул Вася, — Не нужно никуда уезжать, мы все решили. Опасности нет. Утром рванем по магазинам, за нарядами вам с мамой Ньюрой.

Васька слишком уж красочно описывал завтрашний день, и Груня окончательно убедилась, что последние часы Барина основательно вывели из равновесия. Буквально, вышибли.

— Вась, расскажи мне все, — тихо попросила Груня.

Васька молчал, только опустил голову к плечу девчонки. Жутко хотелось курить и спрятаться со своей пигалицей от всего мира. Чтобы не достал никто, не потревожил, ни словом, ни поступком.

Да, он не лукавил, сказав, что опасности нет. Но вот на душе было погано и омерзительно, паскудно было.

Груня словно поняла его состояние, за руку утащила в душ. Помогла раздеться, затолкала под теплые струи воды и молчаливо жала, пока Барин закончит купание. Встретив его с сухим полотенцем в руках, Грунька помогла стереть капли воды. И все также, молча, за руку увела в спальню.

С шумным выдохом Васька растянулся на кровати, гадая, с чего начать, чтобы история получилась пригодной для слуха пигалицы. Но на языке вертелась сплошная матерная лексика.

— Я слушаю, Вась, — тихо подтолкнула Груня, сворачиваясь ласковым котенком под боком Барина.

— Как-то погано мне, — признался Василий, поглаживая плечи девчонки.

Груня поглаживала ладошкой грудь Васи, ждала рассказа и понимала, что новости будут непростыми.

— Караськова вытащила моя мать, — горько проговорил Василий Павлович, — Как выяснил Соколов, у них была связь. Шуховской оказалось удобно иметь под боком мальчика на коротком поводке. Он прилежно выполнял поручения, дослужился до любимчика, много знал, как выяснилось, даже слишком много. Когда я раскручивал клуб, именно мать дала денег, я бы не взял, предложи она напрямую. А слевой был знаком

давно, он и вынырнул в нужный момент. Удачно так. Я взял деньги, а потом увидел, что стараниями Левы клуб медленно превращается в притон. Я всех разогнал. Нанял новую команду. Вернул Левае деньги. Шуховская как раз решила податься в мэры. И контроль над Левою ослаб. Тот, по словам Элеоноры, вышел из-под контроля, решил отжать у меня часть бизнеса. Думаю, Шуховская перестала давать ему деньги, вот он и нацелился на другой источник дохода. Но хрен угадал. Короче, его парни передали ментам. Но Элеонора надавила куда нужно, и его выпустили. И все вроде бы хорошо, Лева гуляет, мы в стороне, но есть одно большое «но». Мать решила, что ресторан, который они с отцом открыли вместе и который после развода достался бате, не должен доставаться второй жене отца.

— Ничего не поняла, — ошарашено призналась Груня.

— Да и не важно все, Грунь, — вздохнул Василий, — Уже все прошло. Ты главное не волнуйся.

— Васенька! Когда ты так говоришь, я волнуюсь еще больше! — вскочила Груня с места, но сразу же вернулась в надежные руки Барина.

— Ночью Шуховская послала Лева поджечь ресторан, — продолжил говорить Васька.

— Как?! — подпрыгнула Груня, — Зачем?

— Сказала, чтобы не достался второй жене, — криво усмехнулся Васька, — Вроде как они с отцом вместе его создавали. Хотя от первоначального варианта осталось только название.

— Вась, что с рестораном?! — нетерпеливо требовала ответа Груня, цепляясь за руки Барина.

— Да хорошо все, литром воды затушили. Повезло, что Герыч камеры перевесил. Морда Караськова на них в полный разворот. Лева каким-то боком нашел Сеню, помнишь того админа, до Вовчика? — говорил Васька и, дождавшись кивка Груни. Продолжил, — Так вот, Сеня подсказал уязвимые места в помещении, где пожарный выход, подсобки. А Лева устроил небольшой поджог. По его расчетам ресторан основательно бы обгорел. Мы с батей были бы в минусе. Здание под ремонт. А здесь Герыч со своей неугомонной системой. Сокол с ребятами подскочили. Короче, Лева вычислили, откопали на квартире Шуховской, и посадили, только уже не в обезьянник. А к другим спецам, где он весело и с песней слил всю информацию о матери. Даже киношкой поделился. Каким бы Лева ни был тупым, а себя страховал, снимал свои встречи с Шуховской, разговоры писал. А еще, как оказалось, мать влезла в карман ко многим большим и страшным дядям. Думала, политика спасет. Должность мэра — вроде

страховки. Но облом. Лева ее сдал. Поджог не удался. Фактический муж посадил на цепь. Полная жопа, словом.

— А теперь что? — тихо нарушила молчание Груня.

— Теперь... — вздохнул Васька, — Теперь Сокол с Герычем собрали кучу инфы на мать, это помимо того, что слил Лева. Еще и видеозапись и фотки, которые Лева передал и, Грунь, я бы не стал их тебе показывать. Мелкая ты у меня еще.

Васька замолчал, вспоминая картинки, мелькавшие на экране Черепановского ноута. Нет, противно было от осознания того, что в главной роли примитивного порно выступила родная мать. Еще и с замашками садизма. Леву как-то даже стало жаль, чисто по-мужски.

— Мать больше не станет рваться в мэры, потому, что копия всех материалов сейчас находится у ее самого главного конкурента, — продолжил рассказ Василий, — Леву она не стала забирать у нас, прикрыв свой зад. Вроде отдала его на откуп. И теперь сидит в загородном поместье Ивкиного отца под домашним арестом.

— А Иветта знает? — тихо спросила Груня.

— Частично, — честно ответил Вася, — Я в двух словах ей рассказал. Завтра обещала примчаться, как она сказала, пошущукаться. Вроде бы мать теперь не станет ее ограничивать в передвижениях.

— А раньше ограничивала? — не поверила своим ушам Груня.

— Пыталась. Я влезал постоянно, вытягивал ее, скандалил, — вздохнул Василий.

Барин вновь замолчал, прокручивая последний разговор с матерью. Нет, ему не было жаль эту женщину, тем более, он ее никогда не считал своей матерью. Ему было удобнее думать, что мать умерла много лет назад.

А еще Васька не рискнул рассказать Груне о поручении матери, которое она отдала Караськову. Появление братков в ресторане было предлогом. Основной целью должна была стать Груня. Караськов сам рассказал, что Шуховская велела изнасиловать пигалицу, чтобы, грубо говоря, открыть глаза Василию на истинную натуру девчонки. Васька сам не понял, как сдержался и не убил привязанного к стулу прихвостня матери прямо там, на месте. Наверное, парни сдержали. Все было как-то размыто, туманно.

Зато при разговоре с матерью не сдержался. Четко и недвусмысленно описал свои действия, если мать подойдет к Груне ближе, чем на сотню метров. Васька не знал, что именно Шуховская разобрала в его глазах, но, молча, кивнула.

И Васька вышел из ее кабинета, бросив напоследок долгий взгляд.

— Лучше не лезь к моей семье! — с угрозой произнес Василий Павлович вместо прощания.

А Барычинский-старший остался в кабинете. Голоса стихли, но через открытую дверь доносились обрывки фраз. Высокий голос Шуховской и глубокий — отца.

— Ты слышала и, думаю, все поняла, — спокойно говорил батя, — Не трогай нас больше. Не лезь.

— Она хочет отобрать у меня сына! — Шуховская бросила обвинение в лицо отцу, — И твоей подстилке не хватает тебя одного, ей Васю моего подавай!

— Что ты несешь, Элеонора?! — устало проговорил батя, — Ты почти тридцать лет не вспоминала о сыне. Ты оставила его еще в роддоме. Вспомни, что ты мне сказала после родов? «Забирай своего щенка!». Я честно дал тебе шанс. Пять лет терпел твои выкрутасы. Но ты даже не предприняла попыток сблизиться с сыном.

Васька понял, что стоит у стенки кабинета Шуховской и слушает разговор родителей. Нет, новости он не услышал. Но все равно оказалось неуютно от понимания, что матери он никогда не был нужен.

— Я была молода! — оправдалась Шуховская.

— Я не виню тебя, — устало проговорил отец, — Я благодарен тебе за сына. Очень благодарен. Но не перегибай, Эля. Не приплетай к нашим разборкам ни Васю, ни его семью, и тем более, не трогай мою. Ты поняла?

— Урод, ты, Паша! — злобно прошипела Шуховская, — Думаешь, она лучше меня? Думаешь, забудешь все, что было между нами?

Отец тихо рассмеялся. Васька даже решил, что у него началась истерика. Думал, вернуться в кабинет и утащить отца домой. Но понимал, что точки в отношениях с матерью нужно расставить именно сегодня, по горячим следам. Иначе эта гадина вывернется, ускользнет, и ни черта они потом не докажут.

— Опомнись, Элеонора, — посмеивался отец, — Что было между нами? Свадьба по залету? Месяц ада взамен семейной жизни? Ты ушла, Эля. Ты! Тебе нужна была свобода, клубы, тусовки, мужики. А я растил сына, без претензий на тебя. Я никогда не любил тебя, если ты еще не поняла.

— А ее любишь? — воинственно спросила мать.

— Безумно, всегда любил, — отец уже не смеялся, — И скажи Анне «спасибо» за то, что я не грохнул тебя, когда узнал о настоящей причине ее побега. Видит Бог, я готов был тебя размазать по стене за то, что ты сделала двадцать лет назад.

Васька услышал, как отец вздохнул, шагнул к приоткрытой двери.

— Это она во всем виновата! — все еще оправдываясь, бормотала мать.

— Эля, ты никогда душой не была, — хмыкнул отец, — Ты сама все разрушила. А Анна стала настоящей матерью нашему сыну. А еще, Элеонора Эдуардовна, — Васька слышал, как голос отца приобрел стальные оттенки, — я повторяю в последний раз: Если ты приблизишься к нам ближе, чем на метр, я тебя раздавлю. Уяснила?

— Да, — зло выплюнула Шуховская.

Отец уже выходил из кабинета и в дверях вдруг обернулся.

— Твоя дочь зовет мою жену мама Ньюра, — бросил батя, — Делай выводы.

— Я всего лишь пыталась помочь сыну! — крикнула Шуховская в спину отцу.

— От такой помощи можно и загнуться в два счета, — возразил батя, замирая, — Лучше не помогай больше.

Отец, судя по звуку приближающихся шагов, уже готов был выйти из кабинета, но тихий вопрос, больше похожий на упрек, заставил Ваську пропустить удар сердца.

— Почему ты не бросил его? Зачем оставил? Ты ведь мужик! Я отказалась от него, и ты должен был! Так нет же, — зло шептала мать, — Ты оставил мальчишку! А теперь на моем прошлом создаешь свою собственную семью! Думаешь, она сделает тебя счастливым? Думаешь, эта баба потянет? У Васьки характер! Он не поддается контролю! Вспомни, каково тебе было с ним в школе! Как его по ментам таскали! Как едва не посадили по малолетке!

— Зачем оставил?! — прорычал отец, — Он! Мой! Сын!

— Вот и помни об этом! — взвизгнула мать, — Помни, что это я тебе его родила! Не она! Твоя любимая Анюта! А я! Помни, когда будешь с ней спать, что она уже не родит тебе! Возраст не тот, Пашенька!

— Какая же ты сука! — выплюнул батя, — Не смей трогать ни Иветту, ни Василия! Не смей тревожить ни Агриппину, ни Анну! Не смей посылать кого-то из своих шавок к моей семье. Эля, я тебя уверяю, если мои девчонки подвернут ногу на улице, споткнутся случайно, я приду и откручу твою дурную голову. Надеюсь, ты меня услышала!

Батя подошел к двери, распахнул ее настежь, а в спину донеслось истеричное:

— Пошел вон из моего дома!

— С удовольствием! — рявкнул в ответ отец и, коротко кивнув сыну,

широким шагом вышел из дома.

Спустя пару минут, просторный холл особняка опустел.

Очнувшись от тягостных мыслей, Васька вздрогнул. Груня все так же лежала в его руках. А он понял, что теперь смог взглянуть на мать немного иначе. Нет, не простить, конечно. Просто забыть. Ведь у него есть любимая девчонка рядом, которая скоро станет женой и матерью его детям.

— Вась, ну ее к черту, — вдруг проговорила Груня, словно читая мысли Барина.

Он даже хмыкнул, понимая, что девочка, как никто настроен на него эмоционально и что-то скрывать от нее он уже не может.

— Ага, к черту, — согласился Барин, — У меня есть ты, мама Нюра, Ивка.

— И бабушка, — напомнила Груня.

— И бабушка, — согласился Василий, с улыбкой, — Давай спать, пока я не решил, что не очень то и устал за сегодня.

Грунька только захихикала и потерлась щекой о теплую грудь своего Васьки.

— А я ни капли не устала, — хитро шепнула мелкая соблазнительница Ваське на ухо.

Теперь Барычинский отлично понимал намеки. По крайней мере, этот намек он понял с первого слова.

Глава четырнадцатая, в которой мелкие неприятности перестанут омрачать жизнь главным героям

Утро радовало мягким морозом и пушистым снегом. Девчонки решили сразу же после завтрака отправиться покорять бутики женской одежды, свадебной атрибутики, а заодно присмотреть и подарки своим мужчинам к Новому Году. Свадьбу, несмотря на стойкое желание перенести на грядущий год, назначили на тридцатое декабря. Груня для порядка поворчала, вроде бы, кому нужна эта свадьба, да в такой день. Но отступить от данного Барину слова ей никто не позволил. И вот, отправив своих мужчин по делам, девушки, мама Нюра и Груня, встретили Иветту в назначенном месте и с головой окунулись в шопинг. Правда данное весьма увлекательное занятие дамы прервали на час, быстро съездив в небольшую частную клинику, где работала давняя знакомая Анны Михайловны. В клинику и обратно в торговый центр девушек доставила Иветта на своем диком, юрком и не самом огромном автомобиле, ласково называемом хозяйкой «Матильда».

Вернувшись после посещения клиники, дамы вновь приступили к шопингу, и все шло гладко, со смехом и безбашенными выдумками Ивы. То она предлагала ярко-красное платье для невесты, то нежно-розовый костюм жениху. Ваську от розового смокинга с гламурными стразами спасли только заверения Груни в том, что наряд жениха уже висит в их шкафу, купленный и готовый к эксплуатации.

Иветта притворно обиделась, и предложила перевести дух в небольшом уютном кафе, расположенном на третьем этаже торгового центра. Столики располагались за стеклянной стеной, отлично просматривались со стороны торговой зоны, но не пропускали шума от суетливых покупателей.

Сделав заказ, вся троица веселилась и смеялась, перебрасываясь шутками и обмениваясь мыслями о неумолимо приближающихся праздниках.

Иветта смотрела на свою новую родню и радовалась, словно дите. Нет, она была очень счастлива, что жизнь свела ее брата и дядю Пашу с Груней и мамой Нюрой. К тому же, новости о скором пополнении численности семейства несказанно обрадовали Иву.

— Мам Нюр, — улыбалась девчонка, — Ты даже не представляешь, как я рада за тебя и дядю Пашу! Если честно, уму непостижимо! Думаю, он чокнется, когда узнает!

— Сама переживаю, — улыбалась Анна Михайловна.

Дамы выбрали столик с уютным угловым диванчиком около панорамного окна, из которого открывался замечательный вид на светливый город. Принесли заказ, но даже еда не смогла отвлечь Иву и Груню от мамы Нюры. Девчонки сидели по обе стороны от женщины, Грунька довольно улыбалась, представляя крики раненого бизона в исполнении Барина, когда она скажет, что обследование УЗИ сделала без него. А Иветта тараторила о том, что Пал Палыч окончательно слетит с катушек, когда узнает о количестве детей, которых мама Нюра собиралась подарить ему.

— Нет, он точно офигеет! — говорила Ива.

— Да я сама, как ты говоришь, офигела, — мягко улыбалась Анна Михайловна.

— А можно потрогать? — тихо спросила Иветта, а Груня спрятала улыбку за стаканом сока.

Со стороны Иветта, несмотря на всю свою браваду и пофигизм, выглядела забавно. Пугливым таким диким зверьком, лишенным материнской ласки и заботы. Вот и тянулась девчонка к маме Нюре.

— Можно, конечно, — кивнула Анна Михайловна, — но там пока ничего не выросло. Срок маленький.

— Нет, ну если их два, — резонно заметила Ива, — То и живот должен расти быстрее.

В ответ мама Нюра только рассмеялась и обняла девчонку за плечи. С другой стороны к ней прижалась Груня. Так они и сидели втроем, обнявшись, улыбаясь и прислушиваясь к хрупкому, едва осязаемому счастью, рассматривая снимки, распечатанные врачом. Девчонки, за исключением Анны Михайловны, толком ничего в них не понимали, наугад тыкая пальчиками и прогнозируя появление рук, ног и всех отличительных черт семейства Барычинских. Сами мужчины, позвонив несколько минут назад, велели никуда не двигаться, а сидеть на месте и ждать их. Потому, что вездесущая охрана сообщила, что дамы наведывались в частную клинику. А по телефону девчонки отказались выкладывать все новости, только заверили буйных отцов в том, что чувствуют они себя отлично.

Охранник, на всякий случай приставленный Бариним к девчонкам, был конечно же, рассекречен и раскрыт наблюдательной Иветтой, а потом и наглым образом отправлен за шоколадным мороженым, поскольку в

данном кафе оного в ассортименте не имелось.

Наобнимавшись, дамы все-таки приступили к трапезе, но отодвигаться от мамы Нюры не спешили.

— Мам Нюр, — говорила Иветта, — А ты как думаешь, там два мужика? А может быть, девчонки? Или разнополые?

— Не знаю я, — смеялась Анна Михайловна.

Не было в этот момент на планете женщины, счастливее Анютки. Кажется, все ее самые отчаянные и тайные мечты исполняются. Даже сверх нормы.

Но, как водится, не все события происходят именно так, как хочется. И что-нибудь непременно пойдет не так. Вот и сейчас, подняв голову, Анна Михайловна столкнулась с убийственным, диким взглядом человека, которого хотела видеть меньше всего на свете.

— Ну, ты и сука! — раздалось тихое, наполненное злобой и яростью шипение.

Груня бросила взгляд на пустующий столик, который занимал охранник. Иветта вздрогнула и интуитивно заслонила маму Нюру, прекрасно понимая и видя по взбешенному взгляду состояние матери, неожиданно оказавшейся именно в этом торговом центре, хотя должна была сидеть под замком в доме отца.

— Тебе Васьки мало, решила и Иветту отобрать! — шипела Элеонора Эдуардовна, ядовитой коброй глядя на ненавистную противницу.

— Мама, — спокойно предостерегла Ива, — Тебе нельзя здесь находиться. Васе не понравится.

— Задолбали вы меня со своим Васей! — уже громче прошипела Шуховская, и, шагнув ближе, дернула дочь за руку, вытягивая из-за столика, — Ты не будешь с ними общаться! Поняла!

Иветта попыталась выдернуть руку, но цепкие руки матери крепко держали ее.

— Отпусти девочку! — спокойно проговорила Анна, поднимаясь с дивана.

— Мам Нюр, отойди от нее! — прошептала Иветта, а Груня уже тоже подскочила на ноги.

— Ты сейчас же поедешь домой и носа не высунешь на улицу! — командовала Элеонора, тряся дочку за плечи.

Анна шагнула ближе, но здесь взгляд Шуховской — старшей задержался на разложенных на столе бумагах.

— Вот оно что! — скривилась Элеонора, бросив надменный взгляд

на Груню, — А ты уверена, что отец-то Василий? Пусть сделает тест ДНК. Проверит отцовство. Что-тоя сомневаюсь, что такая шлюшка как ты залетела от моего сына!

— Рот закрой! — прищурилась Анна Михайловна, чувствуя, как ее накрывает ярость и гнев, понимая, что эту женщину ей хочется разорвать голыми руками на мелкие куски за то, что вытрепала все нервы ее мужу, а сейчас еще и оскорбляет ее девочку.

— Сама захлопнись! — парировала Элеонора, — Приживалка! Думаешь, она залетела, и вы все будете счастливы? Постройте себе уютный маленький рай? Паша сам говорил, что благодарен мне за сына! Поняла?! Мне! А ты — ноль, Анюта!

Элеонора все сильнее сжимала руку дочери, словно и сама не замечала, что той уже больно.

— Отпусти, мам, — тихо попросила Ива, но та не обратила никакого внимания на девочку. Ее взгляд был устремлен только на Анну. Взгляд, в котором плескались гнев, ярость, презрение, но и чувство превосходства над соперницей.

— Отпусти девочку, — все также спокойно предупредила Анна Михайловна, — Ты ей руку ломаешь!

— Потерпит! — фыркнула Элеонора и сильнее дернула Иветту на себя, та всхлипнула, и Анна увидела, как из глаз девчонки покатались слезинки.

Больше терпеть она не смогла. Стремительно дернувшись, Анна оказалась за спиной у Шуховской-старшей и в следующее мгновение, схватив ту за свободную руку, ощутимо дернула ее за спину и основательно приложила женщину лицом к столу, фиксируя теперь уже обе руки за спиной. Тарелки шумно звякнули, подпрыгивая на месте.

Груня увидела через стеклянную стену, как по эскалатору поднимаются Васька и Пал Палыч, и как от лавки с мороженым идет охранник, неся в руках три стаканчика с их заказом.

Иветта оказавшись свободной от захвата матери, терла руку, на которой проступили красные пятна, грозившие перерасти в синяки. А Анна, не замечая никого вокруг, склонилась к уху женщины и, не ослабляя хватки, произнесла:

— Не смей трогать девочек! — Анна сильнее сдавила шею Элеоноры пальцами, заставляя ту зашипеть от боли, — И чтоб ты знала, Эля, — Нюра повторила интонацию, с которой Шуховская обращалась к ней ранее, — Паша скоро станет еще раз отцом. Даже дважды.

— Сучка! Я доберусь до тебя! — взвыла Элеонора, пытаясь вырваться

из захвата, и у нее получилось.

Обернувшись, женщина, словно кошка, собралась кинуться на Анну. Иветта, прекрасно зная характер матери, поспешила преградить той путь, но Груня только схватила подругу за руку.

— Но она же...! — опешила Ива.

Груня прекрасно зала, что делала, предоставляя маме Нюре разобраться с неугомонной женщиной. К тому же, Васька, увидев сквозь стекло потасовку, мчался на всех парах к их столику. Как и охранник, бросив мороженое прямо на пол. Следом, побледнев и плотно сжав губы, торопился Пал Палыч.

Анна Михайловна, словно ждала нападения, с размаху отвесила звонкую пощечину Шуховской, а когда женщина вновь кинулась на нее, в последний моменту вернулась и шагнула в сторону, заставив ее налететь на столик.

— Я убью тебя! И твоего ублюдка! — угрожала Шуховская, захлебываясь от злости и ярости.

— Надорвешься! — победно улыбалась Анна Михайловна.

Ей до зуда в ладонях хотелось отвесить Шуховской еще одну пощечину, а желательно и расквасить нос, вспомнив уроки самообороны от приятного и молчаливого старичка — лесника Кузьмича, с которым они вот уже много лет соседствуют и который твердо полагает, что каждая девочка должна уметь постоять за себя, раз уж мужик затерялся где-то на горизонте.

Вполне возможно, что Нюра влепила бы Шуховской очередной магический удар исключительно в воспитательных целях, если бы не Василий, подлетевший к ним и схвативший мать за руки.

— Вася, Васенька, не надо! — зашептала Груня, понимая, что Барин находится в состоянии жуткой, неконтролируемой ярости.

Шуховская взвыла, но вырваться не перестала, отчаянно вопя и пытаясь добраться скрюченными пальцами до Анны.

— Пусти ее, Вася, пусти, — приговаривала Анна Михайловна, сжимая руки в кулаки и, сквозь прищур глаз, обещая ведьме расправу.

— Ты труп, сучка! Я убью тебя и всех твоих ублюдков! — не унималась Элеонора, а Василий крепко держал мать, не позволяя той вырваться из стального захвата.

Парень выволок женщину из кафе, отмахиваясь от охранников и работников заведения, а потом и сунул упирающееся тело Виталию, сотруднику «Сокола», в руки.

— Убери от греха! — рявкнул Барин, — Иначе придушу!

Виталий хмуро кивнул, уволок безумную тетку из торгового центра,

усадил ее в машину и запер. Оставшись на улице, нервно закурил. Мдааа, косяк за ним, однако.

— Я ее задушу, — повторял Пал Палыч, крепко прижимая жену к себе. Перед глазами все еще стояла картинка, как Элеонора пытается напасть на Анютку. И плотная пелена ярости затуманила взгляд.

— Паша, все хорошо! — шептала Анна, обхватывая ладонями лицо мужа, — Все в порядке. Я могу постоять за себя и за девчонок. Не переживай.

— Анютка, — напряженно говорил Пал Палыч, — Ты не представляешь, на что она способна. А если бы ударила тебя? Если в живот? Ты не понимаешь!

— Не ударила ведь, — улыбалась Анна, — Я бы не позволила. Не подпустила бы.

— Господи, Анюта... — вздохнул Пал Палыч.

— Ты присядь, Паш, присядь, — ласково говорила Анна Михайловна, насильно усаживая мужа на диван, — Не переживай. Не нервничай. Вот, смотри, а мы в клинике были. Там приятельница моя работает. Она хороший специалист.

Женщина сунула мужу в руки черно-белые снимки, размытые и абсолютно для него непонятные.

— Вот, Павлуша, — ворковала Анна, — Ты не поверишь! Я сама до сих пор не верю!

Анна Михайловна суежилась вокруг мужа, Васька все еще трясась от ярости и гнева, звонил Соколу, просил подмогу и машину сопровождения. Груня пыталась успокоить любимого, прижимаясь к его боку, и стараясь рассмотреть следы на руках Иветты, прикидывая, нужно ли приложить лед или сразу отвезти девчонку в больницу.

Ива только отмахивалась, уверяя подругу, что все в порядке.

— Не в первой, — грустно улыбнулась Ива, и вроде бы сказала тихо, чтобы брат не расслышал.

Но Васька как раз сбросил вызов, и четко разобрал слова сестры.

— Чего?! — прорычал Барин, глядя на сестренку, — В каком смысле «не в первой»?! Какого хрена молчала?! С хера ли она тебя колотить решила?!

— Вась, да не кричи ты, — поморщилась Иветта, натягивая рукава свитера до самых пальцев, — Она же мать. Вроде бы...

— Ты собираешь шмотье и живешь у меня! Чтобы ноги твоей там не было! — кричал Васька на весь зал кафе, и если в «Барине» народ был уже привыкшим к реву раненого бизона, то здесь посетители и администрация,

собравшаяся по случаю драки, изрядно напряглись.

— Васенька, спокойно, — уговаривала Груня, — Мы как раз уже решили, Ива перебирается к нам. Так ведь, Ивушка?

— Да? — опешила Иветта, но наткнувшись на красноречивый взгляд подруги, закивала, — Да, да, конечно!

Васька капельку угомонился, но злиться не перестал.

— Я ее запру! — бормотал Васька, листая в телефоне список контактов, — Я ее предупредил. Не послушала. Сама виновата.

Иветта и Агриппина предпочли не вмешиваться. Что ж, Элеонора Эдуардовна, действительно, виновата во всем сама.

* * *

Васька с отцом заперлись в кабинете, стоило им оказаться в доме. Изначально, мужчины собирались лично увезти Шуховскую в заведение, выбранное для нее по личной просьбе Пал Палыча. Но не рискнули. Потому, как были твердо уверены, что женщину они не довезут. Грохнут по пути. А так, люди Сокола на двух машинах в данный момент везли клиентку в соседний город, где располагалась тихая клиника с решетками на окнах, жестким распорядком дня, неудобными рубашками и мягкими стенами в комнатах.

За несколько часов Барычинские с помощью верных друзей собрали все необходимые сведения с камер видеонаблюдения, заручились письменным согласием родни обезумевшей женщины. Вернее, Иветта с радостью подписала согласие на размещение матери на принудительное лечение, а на мужа, Марка Ивановича Шуховского, который обещал держать жену под замком, но нарушил данное слово, пришлось надавить. Как выяснилось, Шуховской крайне трепетно относился к своему слуху, особенно, когда на него воздействует рев раненого бизона, а также мужчина не смог устоять против давления влиятельных людей при поддержке Давида Суворова, весьма опасного и известного предпринимателя города.

Как только люди Сокола добрались до места назначения и Шуховская, успокоенная волшебным лекарством, была помещена на ближайшие десять лет в одноместном «люксе» с решетками на окнах и крепкими санитарями, Барычинские получили звонок от директора клиники и контрольный — от «Соколов». Заметно расслабившись, сын с отцом выпили по рюмке горячительного напитка и облегченно выдохнули.

— Вот и все, — хмуро проговорил Пал Палыч, а Васька согласно

кивнул.

Минуту мужчины молчали.

— Ты прикинь, а у меня будет двойня, — словно все еще не веря, улыбнулся Пал Палыч.

— Жесть, батя, — Васька улыбнулся в ответ, — Я херею с твоей производительности.

— А в лоб?! — пригрозил отец, но чувствовал, как в эту самую минуту его отпускает напряжение. Слово только сейчас он начал дышать полной грудью.

Нет, мысленно поправил сам себя, дышать он начал, когда Анютка вернулась в его жизнь. Да, точно, так и есть.

Поставив пустой стакан на стол, Пал Палыч поднялся на ноги. До жути захотелось к жене, просто обнять, в который раз убедиться, что все хорошо, все в порядке. С ней. С ребенком. С детьми.

Васька, прекрасно разделяя желание отца, тоже встал со своего места. Их девчонки, закрывшись в спальне Барычинских-старших, ворошили приобретенные покупки, тихо переговаривались и пили горячее какао.

Тихо войдя в спальню, мужчины замерли в дверях. Их женщины сидели спинами к ним прямо на полу, близко друг к другу, и не было ясно, где начинались рыжие волосы Груни и заканчивались такого же оттенка — Анны Михайловны.

— Глянь, чего удумали, — ворчливо проговорил Пал Палыч, — На полу сидят, красотки!

Васька хмуро кивнул, но взгляд замер на рыжеволосой неугомонной пигалице, и хмуриться не хотелось вовсе. Да и на полу было очень даже тепло, несмотря на крепчающий за окном декабрьский мороз.

Но все равно Барин решил проявить характер и поманил девчонку пальцем к себе. Груня закатила глаза, словно говоря: «Ну, вот, сейчас начнется!». Но послушно встала с мягкого ковра.

— Как-то жра... есть хочется, — вздохнул Василий, обнимая девчонку и уводя ее из отцовской спальни.

— Пойдем, покормлю тебя, — согласилась Груня, шутливо щелкая парня по носу, отчего тот шумно клацнул зубами, словно пытаясь укунить указательный пальчик.

Мама Ньюра и Пал Палыч остались в комнате. Как только за детьми закрылась дверь, мужчина потер шею ладонью и подошел ближе к жене.

— И где ты драться научилась? — наконец, спросил он, садясь рядом, прямо на пол и упираясь затылком в резную спинку кровати.

— Так Кузьмич научил, лесник наш, — пояснила Анна, пытливо

рассматривая лицо мужа. Анютка ждала новостей, но не торопила Павла. Сам расскажет, если сочтет нужным.

— Хочется познакомиться с вашим лесником, — улыбнулся Павел и протянул руку к щеке жены.

Прикосновение к теплой нежной коже дарило чувство покоя и счастья, тихого и уютного.

— Анюта, — выдохнул Павел, а женщина послушно перебралась к нему на колени, устроилась удобнее и обняла за плечи.

— Все в порядке? — спросила она.

— Уже да, теперь точно все в порядке, — устало прикрыл глаза Пал Палыч, а потом широко улыбнулся, — А у нас двойня.

— Самой не верится, — прижимаясь к мужу, тихо шепнула Анна, словно боясь вспугнуть свое счастье.

В спальне надолго повисла тягучая тишина. Анна Михайловна сидела на руках мужа, прямо на полу, обнимая его и прижимаясь щекой к тонкой ткани рубашки, слушала сильные и уверенные удары сердца. Пал Палыч поглаживал женщину широкими ладонями по спине, плечам, бездумно глядя в пространство.

Да, он был счастлив. Этого не отнять. Однако тяжелые мысли никуда не делись, заставляя вновь и вновь в мыслях прокручивать события последних дней.

И когда терпение Анны Михайловны иссякло, когда она устала от того, что ее любимый мужчина винит себя в сложившейся ситуации, последовал взрыв.

— Ты не виноват! — твердо произнесла женщина, — Не виноват в том, что когда-то выбрал не ту женщину. Не виноват в том, что она свихнулась. Я не хочу, чтобы ты думал о прошлом, Паш. Не для того мы столько вытерпели и преодолели.

Пал Палыч смотрел в глаза своей Анютке. Права она, но не во всем.

— Я хотел ее смерти, — тихо признался Пал Палыч, — И не только сегодня. А когда она бросила Ваську. Когда возвращалась, он бежал к ней навстречу, а она даже на руки его не брала. Смотрела, как на безродного щенка.

— Паш, у тебя замечательный сын, — Анна разглаживала ладонями собравшиеся вокруг глаз и между бровей морщинки на лице мужа, — А она глупая и дурная женщина. Не думай о ней. Думай о нас. О Васе. О наших детях. А еще, между прочим, ты скоро станешь дедом.

— Точно, дедом, — улыбнулся Пал Палыч, — Как думаешь, получится? Я детей сто лет на руках не держал.

— На глупые вопросы я не отвечаю, — хмыкнула Анна Михайловна.

— И что бы я без тебя делал? — уже свободнее выдохнул Пал Палыч и, помолчав, добавил, — Анют?

— М? — Анна Михайловна расслабилась, чувствуя, как муж оставляет прошлое в прошлом.

— А врач что сказал? Противопоказания есть? Ты меня не жалея, сразу говори, иначе с ума свихнусь, — попросил Павел.

— Сказал, запастись терпением и закалять нервы, — хохотнула Анюта, — Не переживай, Павлик, справишься. Куда деваться?

— Ну, если противопоказаний нет, — жарко зашептал Пал Палыч на ухо жене, — То можно перебраться на мягкую поверхность. А то у меня от этого пола задница стала плоской.

— Ай-яй-яй, как мы выражаемся, — мягко пожурела Анна, — Теперь знаю, от кого Васька унаследовал свой лексикон.

— Все что унаследовал Васька, он умудрился приумножить раз в сто, — пробормотал Пал Палыч, оставляя ласковые поцелуи на губах жены, — Вообще, я не перестаю удивляться, как наша Груня умудрилась влюбиться в него. Ведь ничего общего у них нет.

— Разве любви нужны оправдания? — возразила Анна, — И потом, Вася очень умный мальчик. Немного вспыльчивый. Но не беда, моя Грунька его перевоспитает.

— Это точно, он для нее сделает все, что угодно, — согласился Пал Палыч, помогая жене подняться на ноги, а потом и уложил ее на постель под тихий женский смех.

— Мы сегодня платье купили Груне, — спохватилась Анна, но не переставала расстегивать пуговики на рубашке мужа, — И мне тоже.

— Ох, ревновать буду, — предупредил Пал Палыч, — Видел я, как мужики на тебя таращатся. А Михалыч вообще прилип, еще и друг называется.

— Мишу не трогай, он хороший, — рассмеялась Анна.

— И Кузьмич еще какой-то появился, откуда не ждали, — ворчал Павел.

Анна Михайловна не выдержала, звонко рассмеялась. Нет, и все-таки это такое необъятное счастье быть любимой таким замечательным мужчиной.

Глава пятнадцатая, в которой Василий Павлович вспомнит о своем коронном реве раненого бизона, а Агриппина Ильинична прибегнет к запрещенным методам

- Ровнее держи!
- Да держу!
- Да ты выравнивай!
- А я что делаю?!
- Да, бл..., сейчас поймаем слева ...
- Не выражайся!
- Даже не начинал! Ну, куда ж ты прешь, женщина!
- Приехали, — тихий звенящий голос, — Конечная остановка!
- Грунь, зайчонок, ну ты чего?! — тихо с нотками вины и раскаяния.
- Ничего!

Дверца со стороны водителя громко хлопнула, и по тонкому слою свежевыпавшего снега торопливо протопали женские ботиночки в сторону дома.

Васька вышел из машины, пересел за руль и медленно двинулся следом за женой. Из ушей валил дым, руки чуть подрагивали, а на языке вертелись сплошные маты, и жутко хотелось курить.

Безусловно, идея научиться водить машину была, несомненно, хороша, но вот инструктор из Барина неважный.

Хмурясь и цедя маты сквозь зубы, Василий Павлович наблюдал, как пигалица скрылась в доме за массивной входной дверью. Припарковавшись, Васька задумался, выкурить ли сигарету, или идти прямо так. Решил не рисковать и сбросить пар.

Когда нервишки слегка успокоились от дозы никотина, Василий прикинул, что девчонка уже, должно быть, переделась в домашний костюмчик и собирается пить чай на кухне.

Оказавшись в доме, Бася нахмурился. Пигалица, как и была в строгом брючном костюме и светлой рубашке с глубоким вырезом, торчала у плиты. Батя с мамой Нюрой сидели за столом. По выражению родителей Васька не

особо понял, что именно рассказала Груня и какими последствиями грозит ему сегодняшняя вспышка гнева.

Нет, что уж скрывать, повод у Груньки для обид был. Чего стоит визит в клуб, который вот-вот откроется, аккурат на четырнадцатое февраля. Грунька прибыла в клуб на такси, а Васька уже ждал ее на крыльце. И все ничего, все было отлично. Пока он не привел ее в кабинет директора, и пигалица не сбросила с плеч теплую шубку. Взгляд Васьки прилип к полупрозрачной блузке с таким вырезом, через который почти был виден лифчик. Кстати, его любимый. Который он сам пару недель назад выбирал в магазине женского белья.

Стоило Ваське вообразить, что именно в таком виде ему предстояло знакомить работников нового клуба с хозяйкой этого самого клуба, как в мозгу тут же включился режим ора раненого бизона и Васю понесло. Орал он долго, не стесняясь в выражениях и угрозах, подробно описывая, куда он планирует сунуть эту рубашку. В ответ Груня вздернула свой дерзкий носик и хлопнула дверью. Пока Васька пялился на закрытую дверь, Груня отыскала Вовчика, поставленного директором нового клуба «Пепел» и велела приступить к процедуре знакомства. Василий подоспел как раз к приветственной речи Агриппины Ильиничны. Хмуро сверлил недовольным взглядом раскрасневшееся лицо девчонки и сосредоточил взгляд на чуть подрагивающих пальцах. Вернее, на обручальном кольце.

И в один миг успокоился. Нет, ну вот кто в клубе не знает, что Груня — его жена? Да только ленивый! И если вдруг случится так, что кто-то вздумает подкатить к его законной жене, то Барин вмиг организует этому фрунку поход в травмпункт.

Далее, Груня собиралась навестить Ваню Пупкина, который был на их свадьбе фотографом, что для пигалицы стало невероятным сюрпризом и желанным подарком. Шахов отработал на полную катушку и фоток нащелкал миллион, не меньше. А сегодня утром позвонил, сообщил, что все они готовы, обработаны, а некоторые даже распечатаны. Естественно, Грунька рвалась за ними. Не успел Васька притормозить у дома Шахова, как девчонка уже мчалась к крыльцу, не обращая внимания на корку льда под ногами. Ну Вася и вспылел, потому что распереживался, как представил, что пигалица прямо сейчас звезданется на землю. А ведь нельзя ей!

Орал Вася в своей манере. Орал так, что Шахов выскочил в одних шлепках на крыльцо. Но конфликт был исчерпан одним строгим взглядом зеленых глаз.

Ну а дальше Васька решил, что Груня должна учиться водить машину.

И как только молодые люди оказались вблизи дома, поменялся с Груней местами. И опять не сдержался. Ему все казалось, что девчонка перепутает педали, рванет в кювет, соберет все ямы на дороге...

Короче, нервный выдался день. И, к огорчению Васьки, он еще не закончился.

— Что за манера такая, чуть что — орать?! — тихо ворчала девчонка, помешивая ложкой молоко на плите.

Васька понял, что Груньке захотелось какао. Барин почесал затылок. Отвечать? Или лучше смолчать?

— То одежда моя не нравится, то хожу я не так, — продолжала Груня, — А завтра что будет? Дома меня запрешь?

Васька проморгал тот момент, когда нужно было отвечать, так и стоял, почесывая неугомонный котелок, тем самым привлекая внимание девчонки к себе.

Груня подняла голову, бросила пронзительный, словно сканер, взгляд. Нахмурилась

— Курил, значит, — и никакого вопроса. Знает, что курил.

Ложка со стуком улетела в раковину. Девчонка уперла руки в бока и сузила глаза, скорее всего, пытаясь одним взглядом снести Барину, как минимум, череп, ну или дыру просверлить в его неразумной башке.

— А мы ведь договаривались! Ты обещал! — уже громче упрекала Грунька, — Вот знаешь, что я заметила еще пару недель назад?

Пигалица шагнула ближе и ткнула аккуратным пальчиком в грудь Барину.

— Когда мы не были женаты, та старался построить отношения! За речью следил, зная, как это важно для меня! Курить бросал! Не орал по пустякам на меня и на окружающих! — все больше распалялась Груня, — А теперь что? Стоило пожениться, как ты решил, будто и стараться не нужно? Так я тебя удивлю, Васенька! Отношения нужно строить и после свадьбы!

— Грунь, ну что ты, в самом деле.... — вздохнул Барычинский, — С чего завелась?

— С того! С того и завелась! — еще громче прикрикнула Грунька, — Ты доведешь меня до развода, Вася! Брак тебе только мешает, превращаться из грубияна в нормального человека!

Грунька выпалила свою гневную тираду и стремительно исчезла из кухни. Васька смотрел ей вслед, а в голове билась одна фраза: Развод... Брак мешает...

Груня выскочила из кухни, но далеко не ушла. Так и застыла, прижав

ладошку корту. Господи! Зачем же она так?!

Слезы брызнули из глаз, когда она представила, какой эффект вышел от ее брошенных сгоряча слов. Она хотела вернуться, извиниться, забрать свои слова обратно. Не успела. С размаху налетела на гору напряженных мышц.

— Никогда! — взревел Василий Павлович, — Ты поняла? Никогда я не дам тебе развода! Я никогда не позволю тебе бросить ребенка и меня!

Грунька судорожно закивала, но Васька не видел. Он стоял, сжимая рукой переносицу, словно пытался не сорваться больше, чем сейчас. А потом, так и не взглянув на девчонку, зашагал в сторону подвала.

Минуту Груня, сквозь слезы, смотрела на двери, за которыми располагалась лестница, ведущая в подвал. А потом и рванула следом за Васькой. Нет, не могла она оставить все, как есть. Не могла не попросить прощения за столь колючую и опрометчивую фразу.

Васька со всей силы колотил грушу. Где-то в углу валялась его дубленка, а сверху и свитер. Василий был в одной майке, и даже перчаток не надел. И теперь, Грунька видела, как костяшки на кулаках любимого сбиваются, и вот-вот появится кровь на них.

— Васенька! — тихо позвала Груня, боясь и вместе с тем, стремясь подойти ближе и обнять мужа.

Васька никак не реагировал, продолжая методично наносить удары по спортивному снаряду.

Груня шагнула ближе, протянула руку и коснулась ладошкой напряженной спины, между лопаток. В это же мгновение Барин застыл, опустив голову, а руки — вдоль тела. Из груди мощными толчками вырывался воздух.

— Васенька, прости меня, родной мой, — тихо прошептала Груня и следом прижалась уже щекой к мягкой ткани майки, а руками обвила мужа за талию, прикрывая глаза, — Я не это имела в виду.

Васька молчал и не шевелился. А Груня отсчитывала удары колотящегося сердца любимого мужчины. И своего, бьющегося с не меньшей скоростью.

— Я кричал на тебя, — хрипло прошептал Барин, — А если бы ударил? Сам не знаю, что на меня нашло.

— Не ударил бы, — уверенно заявила Груня, — Ты ведь любишь меня.

— Люблю, — еще тише подтвердил Барин, — А ты меня.

— И никогда не уйду, — продолжила Груня, прекрасно помня о специфике отношений Васи с матерью, — И тем более не оставлю нашего сына.

— Дочь, — уверенно исправил Васька жену, а потом вздохнул и добавил, — Я знаю, ты не она.

— Да, все верно, — шептала Груня.

Васька обхватил ладошки пигалицы своими руками. Хотелось сжать их крепче, но было страшно не рассчитать силы и причинить боль. Вместо этого он расправил ее ладонь и прижался к ней ртом, вдыхая любимый запах, проникший под кожу уже, кажется, вечность назад.

Груня теснее прижалась к мужчине, прикрыв глаза, вдыхала присущий ему одному запах. Прикосновения твердых губ, едва ощутимая щетина, успевшая отрасти задень, горячее дыхание, капельку участившееся, и сильные удары сердца сводили девчонку с ума. Как и каждый раз, каждую минуту их близости.

Васька хотел быть нежным, но после всплеска адреналина руки все еще подрагивали, а в пальцах скопилось напряжение. Но Груня все решила сама. Поднырнула под руку и встала лицом к парню.

— Зайчонок, со мной пипец как трудно, — тихо признался Барин.

— За это и люблю, — улыбнулась девчонка и прильнула ближе, пробираясь ладошками под ткань майки.

Ее губы прижались к мужской шее, а юркий язычок прошелся по влажной коже.

— Грунь, двинем в спальню, — выдохнул Васька, а руки уже пробрались под столь ненавистную им рубашку и скользнули вдоль пояса брючек.

— Зачем? — наигранно удивилась девчонка, — Мне хочется здесь.

— Неудобно, — голос Барина звучал все ниже, с хрипотцой, которая буквально наждаком прошла по оголившимся чувствам пигалицы.

— У тебя замечательная дубленка, а маты почти новые, — заметила Груня, обхватывая мужа за шею и привлекая ближе к своей, показывая, где именно хотела бы почувствовать его губы, — Нет, не спору, не так удобно, как в кабинете, и не так экстремально, как на нашей свадьбе, но мне хочется прямо здесь.

— На свадьбе ты играла нечестно, — припомнил Барин, послушно исследуя ртом изгибы шеи жены, задерживаясь на бешено бьющейся венке, — Кто же выходит замуж без трусиков?

— Я не виновата, что они безбожно натирала, — вздохнула Груня, а потом и шумно выдохнула, когда Васька склонился ниже, заставив девчонку прогнуться и откинуться на его руку, открывая своим жадным губам доступ к вырезу рубашки, сквозь который просматривалось кружевное белье.

— А на вид красивые, — хрипло пробормотал Барин, — Кажется, до сих пор лежат у меня в пиджаке.

— Господи, Вася! — возмутилась Груня, — Ты второй месяц носишь мое белье в кармане?

— А может быть, они приносят мне удачу? — рассмеялся Василий Павлович.

Груня хмыкнула, но вопрос оставила без ответа. У нее появилось более интересное занятие. Ее пальцы, кажется, принялись жить своей собственной жизнью, пробираясь в самые стратегически важные места.

Удовлетворенно выдохнув, Груня расстегнула ремень на брюках мужа.

— Точно здесь? — вновь спросил Васька, но чувствовал, что вряд ли доберется до спальни.

— Хватит болтать! — шикнула на мужа Груня, и принялась непослушными пальцами стаскивать брюки Барина. А после и вовсе пробралась под белье, касаясь разгоряченной кожи.

Васька, проглотив тихий мат, выдохнул, чувствуя короткие ноготки на своем теле. Но он ведь не тормоз, останавливать жену, когда она чувствовала себя раскрепощенной и дарила крышесносный кайф. Его тело откликалось на каждое движение, каждый стон, каждый вдох. Руки, повторяя движения пигалицы, скользнули в узкие брючки, а дальше и под женское белье.

— Зайчонок мой! — простонал Васька, когда понял, что трусики девчонки уже влажные, дыхание — горячее, а ласки более откровенные.

На мгновение, оторвавшись от обожаемого каждой клеточкой тела, Барин прикинул, куда бы им перебраться. Даа, нужно бы срочно ставить диван, большой и удобный. Как-то он не подумал, что у него крышу сорвет прямо в спортзале, где пол был устелен матами, а из мебели имелся только табурет.

Взгляд зацепился за дубленку. Нет, ну, в принципе, если Грунька сверху, то вполне себе можно и на полу.

А потом мысли Барина оборвались и иссякли. Мыслительный процесс более не протекал в его черепной коробке, потому, что жена, оставив жадный поцелуй в вырезе майки, юркой змейкой скользнула вниз.

— Пигалица! — вяло возмутился Васька, не позволяя ей опуститься на пол, удерживая крепкими руками на весу.

— Я хочу! — потрянула Груня рыжими кудрями, — Ты каждый раз... А я ни разу!

— А может, не надо? — Ваське пришлось облизнуть губы, пересохли, как только он представил, что именно хочет его девочка.

— Надо, Вася, надо, — решительно заявила Груня и вернулась к поцелуям.

Миновав майку, пигалица дернула белье Барина вниз. Васька не знал, куда пристроить руки. И стены далеко, и чертова груша, раскачиваясь, не давала нужной опоры. Васька зарылся пальцами в рыжий шелк волос и глянул вниз сквозь полуприкрытые веки.

Девчонка, стоявшая перед ним на коленях, буквально взорвала его мозг. Ее руки порхали по его бедрам, а потом тонкие пальчики обхватили его плоть, сдавливая и двигаясь в такт рту.

— Зайчонок, я сейчас на пол ёб...упаду... — признался хриплым голосом Васька.

— Падай, — разрешилась Груня, на миг оторвавшись от своего занятия и взглянув на мужа.

Васька задохнулся от коктейля чувств, игравших на лице любимой девчонки. От наслаждения, до нежности. Как и обещал, Барин рухнул на маты, а пигалица устроилась сверху.

— Я еще не закончила, — пробормотала девчонка, улыбаясь и скользя языком по пересохшим вмиг губам.

— Зато я, по ходу, скоро, — выдохнул Барин, а потом вновь перестал дышать, когда его девчонка вернулась к прерванному занятию.

Он честно терпел, ну, пытался, по крайней мере, как-то тише стонать, совсем не материться, и добраться до белья Груни, чтобы стащить его. Но пигалица не давала, отводила его руки в стороны, шипела, постанывала так, что Барин не мог сдержаться. Он был обречен. Плотное закрытие глаз, зажмурившись так, что заплескали черные точки, Вася понимал, что потерял для общества. Мира вокруг не существовало, остались только дразнящие и жизненно необходимые движения рук и рта девчонки, ее тяжелое и рваное дыхание и шелк ее волос между пальцами.

Груня, наглым образом воспользовавшись майкой Васьки, словно полотенцем, улыбалась. Барин лежал и не подавал признаков жизни. Дышал часто, но спустя минуту открыл глаза и пристально взглянул на нее.

— Хитрая лиса, — хриплым голосом обволакивал девчонку, напоминая, что сама она все еще находилась в стадии жуткого возбуждения.

Васька навис сверху, подминая девчонку под себя. А потом резко перекатился, вспомнив, что маты — не то место, где ей будет удобно. Его руки, все еще подрагивая после яркого и убойного экстаза, отправились хозяйничать под одежду девчонки. Рубашка была расстегнута, а кружева все еще оставались на полноватой груди. Сдвинув ткань, Василий особое внимание уделил твердым вершинкам, не сводя взгляда с лица жены. Она

сама склонилась ниже к нему, прижимаясь губами к его рту.

— Ты вкусный, — зачем-то прошептала она, и Васька дернулся, чувствуя, как тело вновь наливается тяжестью в определенных местах.

— Чччерт! — выругался Барин и принялся стаскивать брючки с пигалицы.

Сознанием он понимал, что спортзал — не то место, где можно растягивать удовольствие. И неудобно, и родители могут нагрять в любой момент, проверить, не поубивали ли они друг друга. Но Барин надеялся на прозорливость отца, и спешить не собирался.

Правда Груня, своим телом, ласками, возбужденными стопами и шумными выдохами на ухо, снова нарушила его планы. Кажется, она торопилась, боясь не успеть, и отчаянно желая быть ближе к нему.

Вот и получилось, что девочка вновь взяла Ваську в оборот. Стоило ему освободить любимое тело от одежды, как она уже оказалась сидящей поверх его бедер. Опираясь руками о плечи любимого, вздрагивая от каждого жаркого и горячего прикосновения крепких рук к своему телу, Грунька опустила на бедра Барина, не сдержав стопа от медленного прикосновения твердой плоти.

— Зайчонок мой, — прохрипел Барин, впиваясь в ее рот своим, сжимая руки на ее спине, шее, не позволяя увернуться.

Да она и не собиралась, полностью отдаваясь во власть тому неудержимому желанию и страсти, которые она испытывала к своему любимому, вспылчивому и самому родному человеку.

Движения становились все быстрее, глубже. Барин стремился двигаться нежнее, ноне мог. Его страсть не была нежной или робкой. Он отдавал себя целиком, но и брал столько же. И понимал, что так будет всегда. Он каждый раз будет загораться от одного взгляда на свою пигалицу и никогда не позволит ей уйти от него.

Мысли на мгновение вернулись в их разговору на кухне, к брошенным сгоряча фразам, к его реакции и к поступку пигалицы.

Да, все верно. И так правильно. Правильно, что они вместе, несмотря на разный характер, его вспылчивость и скверный нрав. Но ведь он меняется. Чувствует, что ради нее готов на все, и даже больше.

— Я всегда с тобой, — не найдя подходящих слов прошептал Барин за секунду до разрядки.

Он не надеялся, что девчонка поймет его. Просто чувствовал так, как говорил. Но она поняла. Крепче прижалась, накрыв его рот своими влажными губами.

— А я с тобой, — услышал Васька ответ жены и дернулся в последний

раз, чувствуя, как и ее тело дрожит от пережитых ярких эмоций.

Лежа на матах в спортивном зале отчего дома, Василий Павлович в который раз подумал, что Груня — хрупкая, но такая сильная девочка, послана ему кем-то свыше, чтобы сделать его и сам мир лучше и солнечнее.

* * *

Спортивный зал Груня с Бариним покинули весьма скоро. Лежать долго на твердых матах явилось сомнительным удовольствием. Да и есть захотелось после интенсивно проведенного времени. Зверски. И это с учетом того, что чета Барычинских плотно поужинала в новом клубе, где они решили оценить мастерство нового шеф-повара.

Поднявшись из подвала на первый этаж, Васька отнес дубленку в шкаф. А Груня отправилась на кухню. Родители уже перебрались в гостиную и тихо, обнявшись и укрывшись пледом, смотрели новостной канал.

Молодые люди решили не мешать уединению и тихому счастью старшего поколения. Остались на кухне. Барин, вальяжно разместившись на диванчике, методично жевал бутерброды, а Груня, сверкая озорным взглядом, в котором плескались отголоски страсти, любовалась своим мужчиной.

Но недолго.

Телефон Груни пиликнул входящим звонком. Аппарат лежал на столе, и Барину прекрасно было видно имя абонента, решившего потревожить его супругу в столь поздний час.

— Когда-нибудь, зайчонок, я не сдержусь, вырву ноги и суну их ему в ж.... — процедил Василий сквозь зубы.

Груня только вздохнула и протянула руку к мобильному телефону. Однако Василий Павлович оказался проворнее.

— Ты совсем бессмертный, мля? — рявкнул Васька в трубку, а Груня поморщилась и, вздохнув, отправилась на поиски телефона Барина. Девушка уже догадалась о причине позднего звонка.

Пока Барин цедил междометия, маты и угрозы в словесной перепалке, Груня уже отыскала нужный номер в телефонной книге мужа и нажала на кнопку вызова.

Абонент откликнулся практически мгновенно.

— Василек? Чего звоним?

— Это я, привет, — вздохнула Груня, — Ты вообще где?

— Так у подруги, — возмутилась девушка, — Я же предупредила еще в обед. Ночевать останусь у нее. У нас здесь женский корпоратив под лозунгом «Мужик — зверь особенный, а также методы борьбы с грызунами».

— Ивка, — хохотнула Груня, — Я думала «подруга» — это кодовое слово для твоего белобрысого полубога.

— Неа, солнце, — рассмеялась Иветта, — Для него кодовое слово «принцесса-мозгоклюйка».

— Напомни мне, чтобы мои дети оставались с тобой только под присмотром взрослых, — вздохнула Груня, рассматривая маникюр, — Научишь их всяким гадостям.

— Конечно, научу, — хохотнула Иветта, — А кто еще, если не тетушка Ива?

— Ну-ну, — протянула Груня.

— Так чего звоним, дорогая? — Иветта что-то жевала в трубку, а фоном слышался женский смех.

— Твой, как ты выразилась, прости Господи, мозгоклюйный полубог звонит мне и злит моего мужа, — вздохнула Груня.

— Не, если полубог — то блондинистый, а мозг клюет у нас принцесса, — на автомате исправила Ива подругу, а потом тише добавила, — Чего хочет?

Груня пристальнее всмотрелась сквозь окно на заснеженный двор. Ночной воздух вспорол свет фар, а спустя минуту, около крыльца притормозил знакомый внедорожник.

— Вот сейчас и узнаем, — ответила Груня, отходя от окна и оборачиваясь к мужу.

Василий уже сидел, отложив телефон на стол, и хмуро смотрел в коридор через дверной проем. Входная дверь сама открылась, а спустя мгновение на пороге кухни появился ночной гость.

— Зайчонок, ты бы свет потушила, а то эти мухи, мля, задолбали, на свет лезут, — Васька скрестил руки на груди, демонстративно не собираясь вставать и здороваться с гостем.

— Поговорить надо, — хмуро изрек парень, глядя на хозяина дома, а потом, чуть заметно улыбнулся Груне, — Агриппина, вечер добрый.

— Добрый? Думаешь? — изогнула одну бровь девушка, так и не сбросив вызов и прекрасно понимая, что Ива слышит их разговор.

— Надеюсь, — кивнул Тарас, а потом вновь перевел взгляд на Барина, — Есть минутка?

В руках парень держал увесистый пакет, его глаза светились решимостью и упрямством, и Василию Павловичу стало очень любопытно, какая же причина привела вредного пацана, на ночь глядя, в его дом.

Хмуρο кивнув на свободный стул, Васька молчал. Груня, несмотря на любопытство, решила подняться в спальню. Устала она за день. А судя по размеру пакета, мужской разговор обещал продлиться долго.

— Ладно, мальчики, вы как-нибудь без меня, — огласила свое решение Груня, — Не поубивайте друг друга.

Уголки рта Васьки поползли вверх, а глаза цепко изучали собеседника, не исключая, а скорее суля мордобой. Но Груня, с порога бросив строгий взгляд на мужа, без слов предостерегла от опрометчивых поступков.

В коридоре послышались тихие голоса старших Барычинских. Груня услышала, как мама Нюра едва различимой поступью поднималась по лестнице, а любимый свекор столкнулся с девушкой в коридоре.

— Кто там? — недовольно мотнул головой Пал Палыч.

— Наша принцесса, — подмигнула Груня.

Пал Палыч вздохнул и покачал головой. Бормоча что-то про странный выбор молодежи, направился на кухню. А Груня отправилась в спальню. Очень хотелось принять душ и переодеться в пижамку.

Водные процедуры и приготовления ко сну заняли час с хвостиком. Большую часть времени Груня провела за разговором с Ивой, которая попросила не прерывать вызов. Девушка в данный момент колесила по ночной трассе, добираясь по гололеду домой. Груня приводила сотню аргументов к тому, чтобы Иветта осталась на ночь у подруги. Но нет, девчонка была упряма, как и ее брат.

— Грунь, а если они там поубивают друг друга? — вздыхала Ива.

— Ты это с надеждой говоришь? — хмыкнула Груня, — Вот лично за своего мужа я не переживаю. Твоей принцессе наступит полный каюк, если он разозлит Васю.

— Твой Вася потом огребет от меня знатных пилюлей, если тронет мою принцессу, — в шутку пригрозила Иветта, а потом серьезнее, — У них там точно все в порядке?

— Да нормально, дом стоит, тишина пока, — успокоила Груня, выйдя из ванной и открыв дверь в коридор. Девушка оставила ее открытой и, на всякий случай прислушалась.

— Хорошо, — вздохнула Иветта, — Я уже через десять минут буду дома.

Иветта сама прервала разговор, и Груня отложила телефон на тумбу. Осмотрев спальню, девчонка остановила взгляд на кресле у стены, в

котором лежали домашние вытертые на коленях джинсы ее Барина. И вдруг вспомнила день, когда она познакомилась с ним. Мог ли кто-то предположить, что все повернется именно так? Что они будут вместе, поженятся, распланируют свою жизнь на годы вперед? Вместе буду ждать пополнения семейства?

Перед глазами Груни пронеслись последние месяцы ярким калейдоскопом. Новая работа. Новый ресторан. Новое руководство. Барин — ужасно невоспитанный грубиян и хам, которого хотелось то обнять, то придушить. Но который стал лучиком света для нее, смыслом жизни и любимым мужчиной.

Вспомнилась свадьба, которую вряд ли можно будет забыть, ближайšie лет триста, точно. Безумно красивый и улыбающийся Василий Павлович с потемневшими до черноты карими глазами и тихим обещанием прибить каждого мужчину, рискнувшего приблизиться к ней, Груне, ближе, чем на метр. Осознание того, что этот человек, ее муж, всегда будет бороться за нее, оберегать, по-своему лелеять и любить, заставляло забывать о необходимом ее телу кислороде, и приходилось буквально уговаривать себя делать очередной вдох.

Регистрация их брака до последнего мгновения сохранилась в памяти Груни. Красиво украшенный зал, утопающий в цветах, несмотря на зиму. На одно только оформление Васька истратил целое состояние, в привычной ему манере бросив короткую, не самую цензурную фразу в ответ на уговоры Груни обойтись шарами и лентами.

Приглашенных гостей, друзей и родни тоже оказалось весьма много. Всех, кого еще не знала Груня и с кем она не была знакома, Васька представил по имени, познакомил с ними молодую жену.

— Это моя Агриппина Ильинична! — говорил Василий, обнимая жену за тонкую талию.

Грунька скромно смущалась и кивала, иногда пожимала протянутую руку. Новых знакомых оказалось много, большая часть из них была одета в дорогие костюмы. И перед очередным знакомством на вопрос Груни, кто вообще эти люди, Васька коротко отвечал.

— Зайчонок, с ними нужно общаться, — объяснял он, — Будешь у меня бизнес-леди. Хорошие связи еще никому не мешали.

Груня могла только вздыхать и качать головой. Нет, ну какая там леди, еще и бизнес?

Но с января, как выяснилось, для пигалицы начался новый этап жизни. Как и обещал Васька. Подарок на свадьбу в виде целого комплекса, в который входил клуб, ресторан и бар, под ярким названием «Пепел»,

оказался для девчонки сюрпризом. Нет, она знала, что Васька что-то там строит, но в подробности не вдавалась. И вот, когда здание было готово к эксплуатации, Агриппина вступила в права владения. А Васька наоборот, взял небольшой тайм-аут по части строительства. Однако неугомонный характер не давал ему покоя и Барин вновь вынашивал очередную перспективную идею, оставив ресторан в полное руководство отцу, в «Пепеле» — командовала Груня с помощью Вовчика, а сам Васька бегал по инстанциям и улаживал возникшие вопросы.

Тряхнув головой и сбросив пелену воспоминаний и размышлений, Груня решила спуститься за мужем и разогнать засидевшуюся компанию по спальным местам. Но оказавшись на пороге кухни, девчонка замерла. За столом сидел ее муж, напротив — в одной рубашке с подвернутыми до локтей рукавами — Тарас Вольных, а между Васей и полуночным гостем — Пал Палыч. Мужчина сосредоточенно вчитывался в какие-то бумаги, в то время, как парни, вертя в руках полупустые бокалы с янтарной жидкостью, вполголоса что-то обсуждали.

— Нет, ну, если все выйдет, то будем в шоколаде, — решил Пал Палыч, отложив документы в сторону.

— А по второму вопросу? — тихо поинтересовался Тарас.

— Потянешь? — цепкий взгляд Пал Палыча прошелся по лицу гостя.

— Должен, — уверенно кивнул бывший сосед, вызвав в сердце Груни гордость. Нет, тот парень, с которым она росла в деревне, теперь стал мужчиной. И это не могло не радовать.

— Тогда я подсоблю, чем смогу, — одобрил Пал Палыч.

— И я, — хмуро кивнул Васька и перевел взгляд на Груню, ставшую свидетелем их беседы, — Зайчонок, а ты не спишь еще?

На лице Василия появилась улыбка, разгладившая хмурые морщинки между бровей и у глаз.

— Уснешь с вами, полуночниками, — проворчала Груня по-доброму, прочитав в глазах мужа безмолвное приглашение, подошла ближе и села к нему на колени.

Васька, уже привычным движением, обнял девчонку и устроил широкие ладони на ее животе, словно отгораживая и защищая от всего мира. На всякий случай Барин даже бросил предостерегающий взгляд на бывшего соперника. Тарас четко прочел угрозу во взгляде, улыбнулся, широко так и подмигнул Груне.

— Не, я же теперь залип по-настоящему, — сосед даже поднял руки ладонями вверх, — Окончательно и бесповоротно.

И словно сама судьба благоволила ему, за окном мелькнул свет фар,

и Тарас бросил на улицу хмурый взгляд.

— Ну, допрыгается она у меня, — вздохнул парень, поднимаясь из-за стола и широким шагом двигаясь в сторону входной двери, — Сказал, сидеть в городе, а не носится по гололеду!

Парень скрылся с глаз Барычинских. А Васька нахмурился еще сильнее.

— Грунь, а когда это у них там все настолько серьезно стало? — полюбопытствовал он.

— А почему ты спрашиваешь у меня, а не у сестры? В конце концов, чья она родственница? — вполне правдоподобно возмутилась Груня, но Василий не повелся на невинный взгляд и искорки обожания в зеленых глазах.

— Она твоя подруга! — подсказал Василий, — А я старший брат.

Пал Палыч с улыбкой наблюдал за перепалкой детей, нет, веселая у них семейка.

Его мысль подтвердил дикий женский вопль, донесшийся с улицы. Секунду мужчины переглядывались, размышляя, нужно ли спешить на подмогу. А главное, кому помогать?

— Если пойду я, то выбью ему зубы, — вздохнул Василий.

— Тогда я, — согласно кивнула Груня и, подскочив с коленей мужа, помчалась на улицу.

— Оденься! — скомандовал Василий, но все-же пошел вслед за женой.

— Ладно, вы уж сами там, без меня, — хмыкнул Пал Палыч и, собрав бумаги, ушел в их с мамой Нюрой спальню.

Оказавшись на улице, Васька остановился около жены. Груня, кутаясь в его куртку, замерла на крыльце и смотрела на припаркованные около дома машины. Вернее, на внедорожник Тараса.

Вольных, в одной рубашке со все еще подвернутыми рукавами, стоял рядом с капотом своей машины, на котором, во всей красе восседала Иветта. Вернее, Тарас твердой рукой удерживал девчонку, на позволяя той вырваться или ударить его. Но попытки были, и весьма отчаянные. Васька смотрел, понимая, что вот-вот и сам взорвется и вмешается, настучит пацану по темечку и лишит белозубой улыбки.

Но его удерживала уверенная ладошка жены на его груди.

— Не вмешивайся, — вздохнула Груня, — Нам не мешали и им не стоит. Хотела бы от него сбежать, давно бы махнула своей битой.

Ваське оставалось только вздохнуть.

— Грунь, и когда я стал таким терпеливым и лояльным? — фыркнул Барин, обнимая жену и притягивая к себе, но и не сводя зоркого братского

взгляда с парочки.

— У меня зад заledenел, тормоз! — ругалась между тем Иветта, старательно уворачиваясь от посягательств парня на свои губы, — Фу, алкоголик!

— Вась, — тихо рассмеялась Груня, — Не ворчи. И потом, ты ведь помнишь, что я тебя люблю?

— Угу, — согласился Барин, но потом, чуть отстранившись от жены, пронзительно свистнул, привлекая внимание Тараса, — В моем доме никакого блядства!

В ответ на лице парня появилась вызывающая улыбка, задорный взгляд и вызов в глазах.

— Да я пока и не в доме, — бросил Тарас хозяину и вернулся к своей жертве.

— А в рыло? — прищурился Барин, но Груня уже торопливо утягивала мужа в дом, а там и на второй этаж.

— Вась, я замерзла и хочу спать, — болтала девчонка, настойчиво двигаясь в их комнату, — Сами разберутся. Не маленькие.

Выбор у Барина был невелик. Согласиться и пойти с женой, или остаться и помахать кулаками. Первый вариант заметно перевесил, тем более, когда его рыжеволосый огонек сбросила домашний костюм прямо на пороге комнаты, оставшись в тонких прозрачных тряпочках.

— Завтра в спортзале я ему поправлю холеную физиономию, — пообещал Василий, стягивая с себя одежду и жадным взглядом гуляя по любимому телу своей женщины.

Глава шестнадцатая, в которой Василий Павлович окунется в детство

На пороге в приоткрытую дверь комнаты заглянул Барин. Увидев склонившуюся над кроваткой женщину, устало улыбнулся.

— Ну, как дела? — женский голос практически не нарушил тишину комнаты.

Василий Павлович устало потер ладонью затекший затылок. События последнего дня знатно выбили его из колеи, несмотря на то, что у него было время подготовиться, да и наглядный пример, так сказать, имелся.

— Три шестьсот восемьдесят, пятьдесят два, — зачем-то повторил он слова медсестры, которую он первую подкараулил на выходе из родильного зала.

— Это мы уже знаем, — тихо рассмеялась мама Нюра, — Ты сам как?

— Я? — переспросил Васька, — А что со мной станет? Кожа толстая, как у слона.

— Не ври матери-то, — мягко пожурела Анна Михайловна и прежде, чем продолжить, бросила взгляд на две детские кроватки, в которых спали два карапуза, — Паша поднимется, и напою тебя чаем.

— Не маленький, мам Нюра, — отмахнулся Васька, — отдыхай.

— Соплив еще, бабой Нюрой командовать, — пригрозила женщина пальцем.

— Ты что ль бабушка-то? — хмыкнул Васька.

— А что, нет? — воинственно нахмурила брови Анна Михайловна, — Самая настоящая бабушка!

— Ты два месяца назад мамкой стала, бабуля! — тихо рассмеялся Барин, чувствуя, как напряжение, сковавшее его тело в последние двенадцать часов, медленно растворяется в уставших мышцах.

— Едва зайкой меня не сделала, — вмешался в разговор Пал Палыч, появившийся на пороге детской комнаты мальчишек вслед за старшим сыном.

— Врачи предупреждали, что ранние роды вполне возможны, еще и в моем возрасте, — поучительно напомнила Анна, — Паш, ты за мальчишками смотри, только уснули. А я Василия накормлю и чаем напою. Еще Груня просила кое-чего привезти ей утром.

— Ладненько, — кивнул трижды отец и он же дед.

Васька, послушно топая следом за мамой Нюрой, хмурился. Нет, ему бы там быть, с пигалицей, а не здесь чай распивать. Но нет, девчонка насильно прогнала его, выспаться и переодеться. Сказала, что завтра разрешит ему остаться с ней в палате на всю ночь. А пока там тусуется Ивка. Так решили семейным советом. Правда, в процессе голосования мнение Барина никто не учел.

— Держал дочку на руках-то? — тихо спросила Анна, когда Васька послушно рухнул на кухонный табурет.

— Дааа, — Васька, как бы не пытался, улыбку скрыть не смог, вот и сидел, сверкая всеми имеющимся зубами, — Она такая кроха. Такая красавица. Мам Нюр, волосики рыжие, а глазки голубые. А ручки... Она вся на моей ладони помещается. Это же чудо, мам Нюр.

Васька говорил, а Анна украдкой смахнула слезинку радости. Да, чудо, еще какое.

— Завтра Павлик с мальчишками останется, а я съезжу, полюбуюсь твоим чудом, — пообещала Анна Михайловна, — А теперь ешь. Иначе пожалуюсь на тебя Груне.

Васька возражать не стал, послушно управился с ужином, а потом, после чая, поднялся в их с Груней спальню. Комната уже была готова для приема нового члена семьи. Маленькая детская кроватка была собрана новоиспеченным дедом этим вечером, пока Васька нарезал круги по больничным коридорам. Детские вещи заботливо разложены по небольшому комоду новоиспеченной бабушкой. В общем, все было готово, оставалось дожидаться выписки Груни и их крошечной принцессы — Ангелины.

А на утро, проспав за ночь всего несколько часов, Василий Павлович быстренько собрал смену белья, небольшой пакет для Груни, и прихватив маму Нюру в охапку, помчался к жене в роддом.

Груня, после обхода врачей, тихо спала, устроив малышку рядом с собой на кровати. Иветта сидела около широкого окна и, к удивлению Васьки, вязала крючком что-то мелкое, невообразимой расцветки. Это «что-то» получалось плохо, судя по высунутому кончику языка и нахмуренным бровям.

— Может, хватит мучить пальцы и нервы? — спокойный мужской шепот заставил Ваську улыбнуться и покачать головой, — Давай купим уже готовые?

Васька мысленно сосчитал до трех. Один, два, три... понеслась сестра в дебри...

— Ты считаешь, что я настолько жопоручка, что не смогу связать

гребаные пинетки? — прошипела Иветта, глядя на сидящего за небольшим столиком парня, который тихо размешивал ложкой чай и пережевывал пончик, взятый из коробки перед ним.

— Ивушка, ну с чего завелась? — фыркнул Тарас.

— Вот лучше молчи! — прошипела Иветта и, наконец, заметила Ваську и маму Ньюру, — Скажите этому умнику, что я способна сама связать эту хрень!

— Да я и не сомневаюсь, детка, — примирительно произнес Тарас и, привстал, пожимая руку Ваське, и обнимая Анну Михайловну, — Просто пыхтишь, как чайник. Как бы крышечку не сорвало.

— Прибью! — пригрозила Иветта.

— Тайм-аут, детки, — тихо рассмеялась Анна Михайловна, — Двигайте на свою жилплощадь и там уже спорьте.

— Уже собираюсь, — кивнула Иветта, — Мам Ньюр, а может быть, мы тебя подождем, и отвезем домой?

— Было бы неплохо, — согласилась Анна Михайловна, а сама уже любовалась внучкой, тихо посапывающей около матери.

Груня как раз проснулась и тут же попала в родные объятия Барина.

— Как ты? — ласково шепнул Васька, — Хочешь чего-нибудь?

— Нормально вроде, — тихо ответила Груня, — Вон тот пончик хочу, с шоколадом. Но нельзя. А этот злыдень не знал, и припер целую коробку. Вот кто он после этого?

— Чего сразу злыдень? — в шутку обиделся Тарас, доедая очередную высококалорийную вкуснотень, — Хотел как лучше.

Васька только покачал головой и бросил хмурый взгляд на Вольных.

— Бери свои пончики, и ждите на парковке, — велел Васька, — У тебя вон, жена не выгуляна. Кислород, все дела.

Мама Ньюра тихо рассмеялась манере общения парней. И, прикрыв за парочкой дверь, вернулась к внучке. Ангелина уже проснулась и раскряхтелась, смешно морща носик. Васька помог Груне приподняться и устроиться удобнее. И пока мама Ньюра меняла подгузник, воспользовался минуткой и принялся обнимать жену. Нет, появилось в нем что-то тряпочно-сентиментальное. Вполне возможно, что это последствия пережитого стресса во время схваток и родов, и скоро пройдет. Но пока Барин не мог ни о чем думать, кроме как о двух своих любимых принцессах. Рыженьких и жуть как сильно любимых.

— Еще раз напоминаю, это весьма серьезное и ответственное мероприятие, — тихо увещевала Груня, глядя мужу в глаза, — Этот день много значит для всех нас.

— Помню, — вздохнул Барин.

— Очень важно, чтобы ты ничего не забыл и проверил каждый пункт, — не унималась Груня.

— Знаю, — серьезно кивнул Барин.

— И наша поддержка, — выдохнула Груня решительно и повернулась к зеркалу, — Они должны чувствовать, что мы рядом и на их стороне.

Чета Барычинских стояла у зеркала в просторном кабинете директора «Пепела». Груня наносила последние штрихи, завершая образ ярко-алой помадой. Васька стоял рядом, подпирая стену плечом. На лице серьезное и даже хмурое выражение. А весь вид внушал уважение, и у некоторых особо впечатлительных личностей, что уж скрывать, страх.

— Ты ведь помнишь размер компенсации, на которую согласилась? — серьезно протянул Барин, наблюдая за тем, как прихорашивается супруга.

— Сначала тебе первому придется сдержать слово, родной, — подмигнула Груня.

— Легко, — хмыкнул Васька и отлепился от стены.

В дверь тихо постучали, а потом на пороге появилась молодая девушка в ярком платье и с планшетом в руках.

— Пора! — коротко предупредила дама и исчезла.

Груня приблизилась к мужу, нежно поцеловала в губы.

— Люблю тебя очень, — тихо шепнула она и помогла Барину с костюмом, — Ты помнишь слова, Васенька?

— Хррр, — донеслось приглушенное рычание.

— Ты просто ходячий секс, милый, — подхалимничала Грунька, пряча улыбку за маской.

— Лисаааа, — заурчал Васька, открывая и придерживая перед женой дверь.

Миновав первый же поворот, Барычинские окунулись с головой в атмосферу праздника и веселья. Всюду сновали дети в карнавальных костюмах, но стоило Барычинским, вернее Барину, появиться в поле их зрения, как ребяташки смолкли и, открыв рты, наблюдали за дивной картиной.

Их взорам предстал лохматый, двухметровый зверь. Со стороны медведь казался вполне дружелюбным, на шее даже имелся ярко-алый бантик в черный горох, а на мягкой шубке был пришит джинсовый комбинезон с лямками и разноцветными карманами. В общем, мишка был

милым, если бы не грозный, легко узнаваемый рык Барина, доносившийся из недр зверя.

— Вась, не переигрывай! — коротко скомандовала Иветта, которая тоже была задействована в актерской труппе.

— А сама-то, — фыркнул Васька, и тут же был повален с ног толпой детей, намеревавшихся, во что бы то ни стало, вызволить Снегурочку из лап злобного хищника.

По сценарию Забаву, которой в этом году выпала роль Снегурочки, похитил злодей — Кощей Бессмертный, в миру Поликарп Соколов. А выкуп объявлять был отправлен верный подданный царской особы. Но дети — народ бесхитростный, вмиг раскусили, что в наше время никто террористам выкупа платить не будет. И решило юное поколение действовать экспромтом, хитростью и силой.

— Берем в плен! — подали идею два мальчишки, Глеб и Макар, похожие друг на друга как две капли воды.

— В плен его! — согласилась девчонка в костюме феи-пирата. Один ее глаз украшала черная повязка, а на треуголке красовалась вышивка сокола.

Девочка бросилась вперед и повисла на мохнатой руке поваленного наземь медведя.

— Еся! Держи его! — командовал мальчишка постарше, спеша на помощь боевой подруге.

Ростик Суворов выглядел гораздо старше своих лет, во многом благодаря серьезному выражению лица, как у папы, и рассудительному нраву. Правда, сегодня, пообещав своей закадычной подруге помогать, мальчик веселился со всей детской компанией.

Медведя пришлось спасать, немного отойдя от сценария. Стуча посохом по полу, неся на плече ярко-красный внушительного размера мешок с подарками, в центр зала к украшенной новогодней елке спешил Дед Мороз. Походка дедушки была по-молодому быстрой и решительной. Уж очень сильно на помощь поваленному медведю, вернее Ваське, торопился его друг детства — Гера Черепанов. Под громкие обещания раздать подарки всем послушным деткам, медведь был высвобожден из плена. Про плененную злобным Кощеем Снегурочку все благополучно забыли. А рядом с Дедом Морозом самозабвенно отплясывала Кикимора. В то время, как Кикимора по полной программе отдувалась за Снегурку, злобный царь костей и нечисти не собирался возвращать попавшую в его руки внучку Мороза. А наоборот, самозабвенно целовал ее под детское «Фииии!» и «Мам, пап, ну, опять что ли?!».

А в нескольких метрах от елки стоял мальчишка с белокурыми

кудряшками и цепким взглядом карих глаз. Вздохнув, ребенок дернул за рукав отца, который держал видеокамеру и снимал все события, дабы предъявить народу на уже взрослом корпоративе.

— Па, а почему тетя Груня лиса, тетя Забава — Снегурочка, а наша мама Кикимора болотная? — любопытствовал мальчик.

Тарас с трудом сдержал смех и перевел взгляд и объектив камеры на лихо отплясывающую девушку в длинных, рваных, темно-зеленых юбках, с разводами, имитирующими грязь, на лице и в рваном платке на голове, завязанном узлом на макушке.

— А мама у нас не Кикимора, — посмеивался Вольных, — она у нас нимфа лесная.

— Думаешь? — с сомнением переспросил Вольных — младший, — Как-то сильно уж на Кикимору похожа.

— Это она так маскируется, — со знанием дела ответил Тарас.

Ответ мальчишку удовлетворил, и, решив не отрываться от коллектива, Вольных присоединился к общему хороводу.

Уже значительно позже, когда все дети были уложены спать и оставлены под зорким присмотром родни, няnek и бабушек, молодые мамы и папы, они же актерская труппа, собрались в уютном зале ресторана «Барин». Проектором на белоснежную стену была выведена картинка с записью детского утренника. А молодые люди, громко хохоча, рассматривали сцену падения двухметрового лохматого хищника.

Игнорируя смех и подколы друзей, Василий Павлович склонился к ушку своей пигалицы.

— Сегодня тебя настигнет компенсация, — пообещал мужчина, касаясь нежного ушка жены, — Вместе с неустойкой.

— Напугал кота сметаной, — фыркнула Грунька, устроив ладошку на бедре мужа под столом.

— Нет, в следующем году я буду Снегурочкой и всё представление проторчу в углу, — шутливо обиделась Иветта и повернулась к своему спутнику, — Что скажешь, мой полубог? Ты Кощей, я Снегурка.

— Все что захочешь, солнце, — улыбнулся Тарас, ласково взъерошив волосы жены, — Отказаться все равно не смогу. За столько лет прекрасно изучил твои методы убеждения.

— Скажешь тоже, — фыркнула Ива, — Можно подумать, тебе они не нравятся.

— Нравятся, — рассмеялся Тарас, бросая многозначительные взгляды на девчонку.

— Народ! Предлагаю тост! — встал из-за стола Любомир, подняв

рюмку и улыбаясь друзьям, — За нашу хозяйку, и за девушку, благодаря которой нашим детям будет, что вспомнить через пару лет. Агриппина Ильинична, за тебя!

Собравшиеся, шумно переговариваясь, поддержали тост Соколова. А у Груни скромно заалели щечки от похвалы. Васька быстренько заметил смущение супруги и ближе притиснул пигалицу к своему боку.

— Ух, балдею я от вас, Агриппина Ильинична, — пробормотал Барин жене на ухо, — Давай смоемся в кабинет и начнем выплату компенсации?

— Бессовестный вы, Василий Павлович, — тихо рассмеялась Груня, обнимая мужа за талию и послушно прижимаясь к горячему телу, — Бесстыжий развратник.

— Угу, — ухмыльнулся Васька, не сдержался и жарко поцеловал за ушком, отчего Груня вздрогнула и заерзала на диванчике.

Благо собравшиеся особо не обращали внимания на Барычинских. Вернее, каждая парочка была занята примерно такими же делами, объятиями и поцелуями украдкой, словно школьники. Но никого подобное поведение не смущало.

* * *

Семиместный внедорожник притормозил около одноэтажного деревянного сруба с огромными окнами и стеклянной верандой. Из машины выскочила Ангелина Барычинская, недовольно сверкая зелено-голубыми глазами в сторону младшего братишки, Потапа. Мальчик смешно куксился, но стойчески терпел и не плакал.

— Па! Он первый начал! — «сдала» с потрохами Ангела младшего брата, — Я ему говорила, что мой рюкзак брать нельзя!

— Геля, зайка, не начинай, — попросил Барин, вздыхая.

Мужчина задержался около распахнутой пассажиркой дверцы и помогал расстегнуть ремни третьему отпрыску своего многочисленного семейства — рыжеволосой, как и мама, Виктории, рожденной на два года позже Гели.

Из дома, навстречу прибывшему семейству вышла Иветта. Девушка, держась за поясицу, наблюдала за высадкой всей банды на их с Тарасом территории. К окну гостиной прилипла любопытная мордашка Богдана Тарасовича, в нетерпеливом ожидании появления двоюродных сестер и брата.

Следом на крыльце появился отец семейства, который, посмеиваясь,

вытирал руки о полотенце. На Вольных красовался разноцветный фартук с изображением тела стройной барышни в бикини. Узрев родственника, Барин привычно хмыкнул.

— Как жизнь, подкаблучник? — хлопнул Васька Тараса по плечу, — Кашки варишь? Сеструха, гляжу, совсем тебя в рабство взяла.

— Угу, бедный я, несчастный, — смеялся Тарас, подмигивая жене.

— А в глаз? — в шутку потрясла Ива кулаком перед носом мужа.

Дети уже вбежали в дом и приступили к особо важным делам, не терпящим отлагательств и участия взрослых.

— Ладно, я обратно в город, — отчитался Василий Павлович, — Мне еще на собрание нужно успеть. А потом за Груней. Что-то там у нее супер-важное.

— Угу, и я еще подкаблучник, — ответно поддел Тарас друга.

Васька привычным жестом собрался отвесить зятю подзатыльник, но парень увернулся, избегая удара, вызвав смех Иветты.

— Двигай уже, — отправила девушка Барина, чмокнув в щеку на прощание, — Завтра мы все вместе приедем. Рано утром не обещаю, к вечеру.

— Лады, — кивнул Василий и умчался обратно в город, оставив детей под присмотром родни.

У Барина в списке были весьма важные дела. Первое — посетить родительское собрание. Второе — помочь Груне разобраться с какой-то рабочей проблемой. И третье — провести всю ночь вдвоем.

Нет, Василий Павлович обожал свою семью и своих детей. Но иногда хотел заполучить свою жену в безраздельное пользование. Когда не нужно среди ночи бежать к младшим детям и можно не заглушать стоны и крики, вырвавшиеся в порыве страсти. По таким моментам Василий Павлович скучал особенно и ценил каждую возможность остаться с любимой пигалицей наедине.

* * *

— Простите, я забыла Ваше отчество, — вежливый голос напомнил Барину, что он приехал решить, по мнению Груни, весьма деликатный вопрос.

— Павлович, — спокойно ответил Васька, сканируя взглядом женщину, сидящую перед ним.

— Знаете, Василий Павлович, скорее всего, было бы удобнее, говорить

с Вашей супругой, — тактично заметила женщина, поправляя неосознанным жестом прическу.

— У нас с женой нет секретов друг от друга, — хмыкнул Василий Павлович, усаживаясь удобнее. Стулья здесь просто жуткие, заметил он мысленно.

— Понимаете, дело в том, что у нас возникли некоторые проблемы, — решила дама, — Вполне вероятно, что Вам нужно будет посетить социального педагога и нашего психолога.

— С какого перепуга? — вырвалось у Васьки, но потом Барину пришлось вспомнить, что он не у себя на стройке и не в ресторане. К тому же представительная дама вся подобралась, точно кобра перед броском, и Василий Павлович мысленно прикинул, что Груня расстроится, если он налаживает сегодня, — Вы, Маргарита Юрьевна, переходите ближе к делу.

— Хорошо, — кивнула женщина, — Нам придется на некоторое время отстранить Ангелину от занятий, до тех пор, пока психолог не разрешит ее допустить в класс.

— Хочется пояснений, — нахмурился Васька.

— Ангелина подвижный ребенок и очень темпераментный, — продолжила Маргарита Юрьевна, — Вчера она разбила нос двум ученикам. Мы с трудом смогли остановить кровотечение, пришлось вызвать «неотложную помощь». И сегодня утром родители пострадавших ребят обратились к директору с жалобой на Вашу дочь.

— Ага, — Васька хмуро кивнул, сквозь прищур глаз наблюдая за женщиной, сидящей перед ним, — А вот здесь подробнее, пожалуйста.

— Вчера после уроков Ангелина подралась с ребятами и разбила им носы, — пустилась в разъяснения педагог, — Мы с коллегами драку разняли. А увидев, что у мальчиков идет носом кровь, мы вызвали специалистов. Вот и все подробности.

— Значит, моя дочь разбила носы двум парням? — поинтересовался Васька, тщательно стараясь скрыть гордость за старшего ребенка.

— Все верно, — кивнула женщина и капельку занервничала, как-то не так она планировала беседу.

— А по какой причине? — не унимался Васька.

— Понимаете, в нашем классе есть мальчик, Павлик Жуков, в начале учебного года он получил множественные переломы, неудачно упав с турника, и долгое время не мог посещать занятия. Мы его перевели на домашнее обучение. И вот уже чуть больше недели мальчик вновь ходит в школу, но самостоятельно ему сложно передвигаться. Он пользуется специальной тростью.

Васька как-то напрягся, нет, ну его Геля не такая, вряд ли она стала бы мутузить покалеченного парня.

— И как только Павлик, вернулся к нам, Ангелина сразу же взяла его под свою опеку, — оправдала Маргарита Юрьевна ожидания Василия Павловича, — Она помогала ему добираться до кабинетов. Даже до уборной отводила и ждала в коридоре. А вчера старшие ученики увидели, как Ангелина помогает Павлу, и не очень лестно высказались в адрес мальчика.

— Угу, — хмыкнул Васька, — Типа, моя Геля отбуцкала двоих старшиков, вступилась за пацана-калеку, и вы мне теперь грозите исключением?

— Понимаете, ее поведение было слишком агрессивным, — увещевала женщина, — Это не нормально для девочки.

— Ага, то есть нормально смотреть, как два амбала мутузят бедолагу, — заметил Васька хмуро.

— Они не амбалы, а обычные ученики, — поправила Маргарита Юрьевна.

— Слушайте, Маргарита Юрьевна, — Васька безмятежно поскреб подбородок, — Я полностью согласен с поведением дочки. Она вступилась за друга. А пацаны выучат урок на всю жизнь, что за слабых всегда есть кому вступить. Теперь дальше. Мы с женой свяжемся с родителями пацана, как там его? Павлик? Так вот, мы свяжемся с этим Павликом и договоримся о подачи встречного заявления на этих ваших немощных пострадавших. И посмотрим, кому психолог окажется нужнее.

— Знаете, Василий Павлович, — женщина отвела взгляд и понизила голос, — Пострадавшие мальчики — это сыновья наших спонсоров. Сомневаюсь, что директор примет вашу сторону.

— Посмотрим, — хмуро ответил Васька, — У вас есть ко мне еще вопросы?

— Нет, больше нет, — выдохнула женщина.

Васька кивнул и, коротко попрощавшись, вышел из класса, а потом и из школы. Оказавшись в машине, Барин сразу же набрал номер телефона дочери.

— Геля! Солнце! — Васька уже и не собирался скрывать смеха, — Меня тут твоя классуха пыталась прессовать.

— Пап, — горько вздохнула девочка, — Понимаешь, там такая ситуация идиотская была....

— Скажи-ка, папа может тобой гордиться? — перебил дочку Барин.

— Может, — в голосе девочки слышался смех, — Кросс справа и

хуком добила.

— Умница папина, — похвалил Барин дочурку.

— Па, меня отчислят? — вздохнула девочка, — Я бы не хотела. У меня здесь друзья. И Пашке никто не поможет, кроме меня.

— Спасем мы твоего Пашку, — пообещал Барин, — Скажи-ка мне, как звать тех особо потерпевших.

Девочка с радостью сообщила имена и фамилии задир, учащихся двумя классами старше, а потом тихо попросила:

— Может, маме не скажем?

— Посмотрим, — туманно пообещал Василий и отключился.

Нет, дочка у него просто умница.

* * *

— Что значит «отчисление»?! — Груня готова была перейти на крик, и только полный зал посетителей сдержал ее порывы.

— Зайчонок, да там сущие пустяки, — отмахнулся Васька, сверкая лукавым взглядом. Уж больно красивая у него жена, когда в гневе.

— Пустяки?! — не унималась Груня, — Мне только что позвонила Маргарита Юрьевна! Я ее полчаса уговаривала не бросаться под поезд! Ей до пенсии три года осталось! А здесь такой скандал! Вааася!

— Пигалица, да я вообще не вижу проблем, — отмахнулся Васька.

— А я вижу! — Груня скрестила руки на груди, — Давай в подробностях! Что там стряслось? И почему классный руководитель твоей дочери пьет сейчас валидол?

— Геля уделала двух старшиков, потому что те задирали ее друга, который, между прочим, без пяти минут калека, — отчитался Василий Павлович.

— И? — напряженно смотрела Груня на мужа.

— Не «И», а молодец, — заулыбался Васька, — Ты прикинь! Двух пацанов уделала, а они старше на два класса.

Агриппина Ильинична честно собиралась возмутиться. Честно. Но о дружбе Гели и Павлика она знала давно. Мальчишку было жаль. И если учесть, что у дочки преувеличенное чувство ответственности за младших и более слабых, то ситуация вполне понятна.

— Пряма, двоих? — переспросила Груня.

— Угумс, — улыбался Василий, — Зайчонок, да не парься. Я с предками тех идиотов уже поговорил. Родителям Пашки ты сама

позвонишь. В случае чего, мы на кого нужно надавим. Ерунда, пигалица.

Груня погрозила Ваське указательным пальцем, словно предупреждая, что школьные разборки — это не сходка на пустыре. Но долго злиться не могла.

— Двоих мальчишек? — вновь спросила Груня.

— Зайчонок, все, угомонись, — улыбался Васька, — Доча у нас — мечта любого тренера. Но я не об этом хотел поговорить. Давай, что у тебя за дело, и помчали до дома. Бати с мамой Нюрой не будет до понедельника. Дети у Ивки. Гуляем, пигалица!

— Вот кстати об этом я и хотела с тобой побеседовать! — строго проговорила Груня и, развернувшись, быстрым шагом направилась в сторону кабинета директора.

В здании ресторана «Барин» практически ничего не изменилось с тех пор, как Груня устроилась здесь работать под началом Пал Палыча. Разве что портьеры на окнах сменили цвет и мебели обновилась. Но кабинет директора остался нетронутым. Та же мебель, тот же диван и тот же стол, на котором сейчас стояла небольшая тарелочка с металлической крышкой поверх нее.

— О, как, — хмыкнул Васька, — Поесть я бы не отказался.

Васька с радостью плюхнулся за стол, с наслаждением вытягивая ноги и откидываясь на спинку кресла. А Груня уселась на краю стола, скрестив руки на груди.

— Помнишь, когда я решила прикупить кружевной комплект, а ты пристроился в примерочную, а потом сказал, что до дома терпеть не сможешь? — улыбалась Груня, глядя на Ваську.

— Ага, — кивнул Васька, — Как сейчас помню. Был уже вечер. Темнело. Машина стояла в самом дальнем углу на парковке. А задний диван в тачке суперский.

— Диван, Вася, жестковат, — повела плечом Груня, — Зато последствия радуют.

С этими словами Груня приподняла металлическую крышку с тарелочки, и открыла взору Барина четыре полоски теста с двумя черточками на каждой.

— Ух, ты! — заулыбался Васька, — Зайчоночек мой!

— Задушишь, Вась, — смеялась Груня, но не спешила убежать из стремительных объятий мужа.

— Вот бы пацан, чтобы по все по-честному! — высказал свое мнение Барин, стискивая пигалицу в руках, — Грунька, я тебя люблю. Честно.

— Знаю, — всхлипнула Груня, прижимаясь к мужу, — И я тебя.

— Знаю, — шумно выдохнул Василий Павлович, — Помнишь, как в первый раз? На этом самом месте?

— Забудешь разве, — хмыкнула Груня.

— Видишь, я научился радоваться, не как тогда, — похвалился Барин, перетягивая пигалицу к себе на колени.

— Заметила, — забавно пыхла Груня и сама крепче обняла мужа, пряча лицо на его груди.

Некоторое время чета Барычинских сидела в полной тишине, отсчитывая удары своих сердец, бьющихся в унисон, не пытаясь нарушить молчание, прекрасно зная мысли друг друга.

— Вась? — тихо попросила Груня, чуть отстраняясь и заглядывая мужу в глаза, — Когда на следующий день рождения будешь задувать свечи, пожалуйста, не загадывай больше детей. Четыре — это мой предел.

— Ничего не могу обещать, — тихо рассмеялся Барин, — Ты такая сладкая, когда беременная. Я прям кайфую от тебя. Няшечка такая, малышечка.

— «Няшечка»? — хохотнула Груня.

— Ага, Геля так говорит, — кивнул Васька.

Груня только покачала головой. Нет, неугомонный у нее муж. Но самый любимый и самый замечательный на всем белом свете.

Эпилог, в котором всё будет, как всегда, как у всех и как должно быть...

— Я толстая... — долгий горький вздох прокатился по просторной спальне.

— А по сопатке? — донесся флегматичный мужской голос с кровати.

— И все равно я толстая, — вновь вздохнула Груня, стоя перед зеркалом и рассматривая свое отражение. В свое черненькое облегающее платье с кружевами девушка влезла с трудом.

— Чушь порешь, — вновь пробормотал Васька, перелистывая очередной договор с подрядчиком на проведение строительных и отделочных работ.

— Толстая, неуклюжая корова, — еще тише и еще горше вздохнула Груня, поворачиваясь спиной к зеркалу и рассматривая свое отражение с иного ракурса.

— Зайчонок, в этом платье мы отмечали твоё двадцатилетие, — заметил Барин, бросив заинтересованный взгляд на жену, — А сейчас ты мать четверых детей.

— Это не оправдание, — вздохнула Груня и попыталась все-таки потянуть молнию на спине. Та поддалась, но со скрипом. Платье успешно застегнулось, но слишком откровенно облепило тело во всех местах.

— Хорошо, уговорила, — подозрительно быстро согласился Барин, — Ты толстая, неуклюжая корова, довольна?

— А ты старый хрыч! — прищурилась Груня, бросая на Ваську злобный и обиженный взгляд, потеряв интерес к своему отражению и переключив внимание на мужа, — И, между прочим, кому-то уже перевалило за сорокет!

— Ох, пигалица, удар ниже пояса! — притворно вздохнул Василий Павлович, отбрасывая ставшие вдруг неинтересными бумаги, — По самому больному прошлась!

— Старый дед во сто шуб одет! — зыркнула Груня зеленым взглядом и потрянула рыжими кудрями.

— Накажу! — прищурился Васька, легко вскакивая с кровати.

Груня показала мужу язык и, взвизгнув, словно девчонка, помчалась из спальни наутек.

— Старый дед! Старый дед! — дразнила она, пробегая по коридору и

стремительным ураганом спускаясь по лестнице.

— Грррр! — летело вслед ей раненым бизоном.

Груня миновала холл и попыталась найти убежище в новой пристроенной части большого дома Барычинских. В гостиной собрались все дети, включая самых младших под присмотром Пал Палыча и мамы Ньюры. Барычинские-младшие играли с принесенными Дедом Морозом и родней на Новый Год подарками. Пал Палыч, позволяя самому маленькому Барычинскому — Степану Васильевичу — активно грызть его указательный палец и утирать слюни о рубашку, гордо разглядывал прорезавшиеся молочные зубки. Мама Ньюра что-то рисовала с девочками, Гелей и Викой, на большом столе, разложив карандаши и мелки. Мальчишки-близнецы, взяв в свою команду племянника Потапа Васильевича, собирали конструктор Лего, строя очередную башню, вертолет и целую площадку, одновременно демонстрируя уже готовые детали и наперебой хвастаясь готовыми моделями.

Появление родителей ажиотажа не вызвало. Разве только Геля, подняв голову и оторвавшись от рисования, фыркнула.

— Опять? — рыжая бровь взлетела вверх.

В ответ Барин громко расхохотался. А потом и вовсе прибёг к запрещенным методам.

— Дети! Лови ее! — зарычал Васька на всю комнату.

По команде вся орава сорвалась с мест, кроме Степки. Тот предпочел жевать палец деда и смотреть на события на удивление умными для его возраста карими глазами, как у отца и деда.

Под шумный визг, писк и крики, беглянка была выловлена и повалена прямо на мягкий ковер в центре гостиной.

— Нечестно! Ааааа! Васька, я тебя прибью! — отбивалась Груня от клубка рук и ног.

Василий Павлович же минутку раздумывал, помогать жене или наоборот, усугубить ее плачевное положение. Решил усугубить и с громким криком «Кто здесь старый дед?» принялся щекотать хохочущую и поваленную на ковер Груню. Когда в процессе неравного боя, Груня против всех, компания разделилась на две части, мальчишки против девочек, в потасовку вмешалась бабушка семейства.

— Кто будет чай с пирогом? — раздался спокойный голос мамы Ньюры, — А кто за стол усядется первым, получит самый большой кусок!

Детей сдуло словно ветром, и Васька уже один достойно проигрывал Груне в неравном бою. Пигалица, уловками и ухищрениями, прекрасно изучив все слабости мужа, в том числе и боязнь щекотки, добралась до

стратегически важных мест Барина и самым бессовестным образом щекотала хохочущего и лежащего на спине Ваську.

Гостиная опустела, и супруги даже не заметили, что остались в комнате вдвоем. Все семейство уже шумно усаживалось за стол в просторной кухне. Васька, поверженный в неравном бою, валялся бы на полу и дальше, если бы не платье Груни. Тихий и противный треск рвущейся по шву ткани заставил пигалицу замереть.

— Вася! — выдохнула Груня, пытаясь окинуть взглядом свой наряд.

— А так даже лучше, — нахально ухмыльнулся Васька, сверкая карим взглядом, прикипевшим к вырезу на груди.

— Красивое было платье, — вздохнула Груня.

— Угу, — промычал Васька, а его руки уже пустились по телу жены.

— Так и помню, мне двадцать, ресторан, банкет, Геля уже ходит в розовом платье... — пустилась в воспоминания Груня.

— Кабинет, кружевное белье и Вовчик в дверь стучит, — поделился своими воспоминаниями Барин, — Помню-помню. Твой друг умеет ломать кайф.

— Во-первых, он и твой друг, — рассмеялась Груня, даже не пытаясь отвести жадные руки мужа от своего тела, — Во-вторых, ты тоже ему не раз, как ты говоришь, ломал кайф.

В ответ Барин хмыкнул, но согласно кивнул. Что было, то было.

— Нет, что бы ты сейчас не говорила, до ночи я ждать не буду, — решительно заявил Барин и, не слушая краткого возмущения Груни, потащил ее в подвал, поскольку туда идти было ближе, чем в спальню.

Оказавшись в спортзале, Васька захлопнул дверь и закрыл ее на замок. И уже там, оставшись в полной тишине и уединении, Барин окончательно избавил жену от платья, вернее, от того, что от него осталось.

Уложив пигалицу на диван, который появился здесь много лет назад, и весьма часто использовался по назначению, Барин навис над своей пигалицей, опираясь на руки. Грунька ждала, что он склонится и начнет целовать ее, неистово, жарко, как и каждый раз, когда они оставались вдвоем, но Вася молчал и смотрел на нее, словно увидел впервые.

— Знаешь, я влюбился в тебя сто лет назад, — вдруг тихо произнес самый неромантичный, по собственному мнению, мужчина, — Тогда ты была до одури красивой. Крышу рвало от тебя. А теперь.... Теперь даже не знаю, как и сказать.

Груня улыбнулась, обхватила лицо Васьки ладошками. Не часто муж откровенничал на тему чувств. Но она всегда, каждую минуту знала, что он любит ее и их детей. Безумно любит.

— Я уже и не знаю, где начинаешься ты, и заканчиваюсь я, — попытался выразить свои мысли Барин.

И Груня все поняла, обняла мужа крепче и прижала к себе.

— Ты мое всё, — тихо шепнула она в ответ, касаясь губами уха любимого мужчины.

Васька улыбнулся, кивнул, крепко прижал свою пигалицу к себе. Перекатился на диване, чтобы девчонке было удобнее. Как и каждый раз, чувствуя, как кожу покалывает от близости, и хочется вжать хрупкое тело пигалицы сильнее, крепче в себя, чтобы не разлепить, не разорвать, чтобы навсегда, навечно....

— А давай пятого? — вдруг проговорил Васька, хитро улыбаясь и скользя требовательными руками по спине и бедрам своей девчонки.

— Нееееет! — возмутилась Груня, а потом милостиво, — А знаешь, я не «против».

А потом, спустя короткую паузу, когда Барин уже размечтался на тему пола будущего ребенка, а лучше — сразу двойни, Груня добавила, озорно шепнув мужу на ухо:

— Если сам будешь вынашивать и рожать, — подвела итог пигалица, — А я весьма ответственно подойду к процессу зачатия и воспитания.

— Хитрая лиса, — рассмеялся Барин, а потом стало вдруг не до смеха. Пигалица, как и обещала, подошла к процессу ответственно. А у Барина, каким бы суровым, грозным, циничным и наглым он не был, имелась одна большая слабость к собственной жене и к каждой проведенной с ней минуте близости. Вот и сейчас, мысли вмиг исчезли из головы, оставив вместо себя сплошной кайф, стопроцентное наслаждение и безумную любовь к своему зайчонку.

Конец...